

LUCIANA MAPULI

3a DgHy mHyHy gD...

Мария Лисина

За одну минуту до

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51928077

SelfPub; 2020

Аннотация

Великолепное представление ожидает сегодня трех совершенно разных людей. Надю- танцовщицу кордебалета, Владимира- не особо успешного врача, Славу- студента театрального училища. Они бегут от проблем, трудностей и реальности. В итоге их ждет что-то большее, чем яркая театральная постановка.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
За одну минуту и тринадцать часов до...	5
За одну минуту и двенадцать часов до...	12
За одну минуту и четыре часа до...	20
Сказка о Белых вершинах	28
Глава 2	41
За одну минуту и три часа до...	41
За одну минуту и пять часов до...	50
За одну минуту и четыре часа без трети часа до...	58
Легенда о цене одной жизни	69
Глава 3	77
За одну минуту и три часа до...	77
Глава 4	99
За одну минуту и полтора часа до...	116
Часть 2	134
Глава 5	134
За одну минуту и час с третью до...	134
Глава 6	147
Легенда о пользе страха	149
За одну минуту и полтора часа до...	156
За одну минуту и час до...	163

За одну минуту и часа до...	167
За одну минуту и пятьдесят пять минут до...	172
Несказка и легенда про одно целое	176
Глава 7	188
За одну минуту и полчаса до...	188
Глава 8	200
За 1 минуту и двадцать минут до...	200
Глава 9	213
За одну минуту и пятнадцать минут до...	213
За одну минуту и семь минут до...	220
История о вечной ленте	224
За одну минуту и две минуты до...	229
Эпилог	235
За одну минуту до...	235

Часть 1

Глава 1

За одну минуту и тринадцать часов до...

Она проснулась от звука, смазавшего всю идиллию сна. На пол с заваленного бумагами стола упала тетрадка, которую, вероятно, задел Петрунин. Сам виновник пробуждения сидел в ногах девушки и умоляюще мурчал- просил еды. Высокая и худая, как тополек, девушка нехотя скатилась с нагретого места, на котором планировала находиться еще хотя бы минут двадцать, и окунулась всем телом в остывший комнатный воздух, который сдернул с нее остатки сна, так же быстро, как дети срывают подарочную упаковку с подарков. Обняв себя за плечи, проснувшаяся уверенным шагом направилась в крохотную кухоньку, чтобы достать из ящика дорогой кошачий корм.

Кухня, похожая скорее на крошечный склад, чем на помещение, где обитает человек, встретила ее радушным розово-золотистым солнцем, проникнувшим в помещение через не зашторенные, продуваемые всеми ветрами окно.

Петрунин довольно захрустел подушечками-колечками,

едва лишь съестное коснулась именной фарфоровой миски, которую привез ему Максим около месяца назад.

Девушка направилась в ванну, занимающую еще меньше места чем кухня, где недовольно уставилась на свое отражение в старом пожелтевшем и помутневшем по краям туалетном зеркале. Оттуда выглядывала, пожалуй, излишни худенькая высокая девушка с растрепавшемся пучком белесых волос из-за чего ее не особо примечательное лицо казалось еще невыразительнее. Тусклые и практически бесцветные глаза по оттенку хорошо сочетались с дешёвенькой плиткой, которой были выложены стены и пол комнаты, отчего молодая особа подсознательно веселилась. Лишь веснушки, рассыпанные по всему телу, задорно поблескивали, пытаясь подмигнуть девушке.

Перед тем, как выйти из душевой, представлявшей собой отверстие в полу, задернутое пожелтевшей некогда голубой шторкой с рыбками, девушка в очередной раз бросила недовольный взгляд на родимое пятнышко в форме короны, расположившееся у нее на предплечье, немного ближе к локтю. Хозяйка родинки, порой сама задавала себе вопрос, почему ее мать, так восхищающаяся это отметиной, по ее словам, бога, не назвала ее как-нибудь солиднее. Почему ее не окрестили Анжеликой, Викторией или на худой конец Златой, почему мама нарекла ее именно Надей, столь же бесцветным именем, как и его обладательница сама.

До сих пор, хотя после школы прошло уже почти двена-

дцати, девушка мысленно именует себя Белой молью, когда приходится как-то охарактеризовать себя в сравнении с другими. Злополучное прозвище преследовало ее практически все годы, проведенные ей в академии. Поэтому с этим, въевшимся в ее подсознание словосочетанием было практически невозможно распрощаться.

Когда с завтраком, состоящем из пареного яйца, йогурта со злаками и апельсина было покончено, Надежда, закутавшись в плед, залезла на небольшое кресло, приставленное почти к самому окну и, потягивая крепкий черный чай, принялась смотреть в окно.

Сегодня было не примечательно мартовское утро, особо не одаренное яркими красками, за исключением, пожалуй, невероятной лазурности неба. С третьего этажа высотки, где жила девушка было хорошо видно двор, являющейся связующим звеном между шестью жилыми зданиями, окружавшими его. Было около шести утра, утро пятницы, поэтому муравьишки-люди в серых дутых куртках уже спешили к метро, наилучшему изобретению человечества всех времен. Мужчины с рюкзаками на спинах и включенными наушники старательно отгораживались от действительности или же старались оттянуть момент попадания в вакуумно-бессловесный офис.

Женщины в такой ранний час уже с маленькими детьми, снабженными гигантскими цветными ранцами, спешили в элитные школы, где строилось будущее их детей, составлен-

ное из сворованных ранних пробуждений и постоянных длительных поездок в общественном транспорте. Подростки вальяжно топали на автобус, отправляемый лучшим в районе лицеем, чтобы там грызть гранит науки аналогично рано, как и дети целеустремленных женщин. Серые пальто скрывали бабушек, выгуливающих своих питомцев, сильно выделялись из этой, текущей в одну сторону, занятой массы. Пожилые женщины медленно ходили по детской площадке или по краюшку спортивной зоны, чем должно быть делили всех этих гонящихся за успехом людей.

Девушка же обладала особой привилегией вообще никуда не спешить сегодня утром, потому что пара постановок в театре, где она выступала, были отменены из-за проблем с главными актёрами. Почему завертелась вся эта канитель? Девушка не знала, да и знать, если честно, не хотела, потому что сегодняшней необычайно сказочный солнечный день надеялась провести с Максимом, пригласившим ее в театр.

– Ну что Петруня? Ты схомячил свой элитный корм?

Кот бесшумно подошел к хозяйке и понимающе, почти что осознанно, посмотрел на нее желтыми, сузившимися от солнца, глазами.

– Ну и отлично. Не хочешь кофе?

Кот запрыгнул на подоконник, даже подошел к чашке с напитком, но затем недовольно фыркнул из-за неприятного запаха и, отвернувшись от хозяйки, улёгся на самый краешек дивана, вплотную придвинутого к окну.

– Ну и отлично. Как думаешь? Эй, да на злись... Как думаешь, Максим меня туда позвал серьезно или как всегда?

Кот не удостоил ее взглядом, а лишь недовольно дернул хвостом.

– Я тоже думаю, что он как всегда не успеет. – девушка грустно вздохнула и перевела взгляд на аккуратно сложенное на комодe платье, ждущее своего выхода в свет.

– Ну может быть? В это раз он просто немного опоздает..., и мы посмотрим мюзикл вместе?

Кот повернул на нее голову, словно говоря: «Верится с трудом, дорогуша.»

Надя грустно улыбнулась ему в ответ и подумала, что это действительно будет так. Что Максим там поступает уже почти что два года с небольшим- все то время, когда они встречаются.

Сначала ее это злило, затем раздражало, а сейчас она просто безнадежно улыбается, потому что каждый раз, как бы парень ни ошибался, Надя его прощает, стоит ему лишь недоуменно приподнять плечи и посмотреть на нее «извиняющевиноватым» взглядом. А почему же так происходит? Возможно в том был его талант, а возможно Надя просто не могла стереть из своей памяти точно такой же взгляд, который потерялся навсегда, но глубоко запал в сердце.

– А может все-таки...

И снова огонек надежды зажегся где-то в глубине ее сознание, так же как он зажигался уже сотни раз, и снова де-

вушка отправилась на растяжку, которая позволяла успокоиться и не думать о том, что пламя вновь потухнет, как и множество раз до.

Сколько себя помнила, Надя занималась балетом. Наверное, даже в утробе матери она тянула носик и поднимала руки, или изящно выгибала колени. Так в пять лет девочка каждое утро проводила у станка, что в пятнадцать встречала свои дни рождения в балетном классе, что сейчас, почти в тридцать, идет к станку, заменившему ей руку поддержки и слова утешения.

Иногда, когда ноги очень болели, или девушке вспоминал, что недостаточна подходит для главных партий, в голову закрадывалась мысль о том, чтобы бросить все это уйти в какую-нибудь частную школу, детский сад педагогом или хореографом. Но потом ровно те же шрамы и рельефные мышцы ног, при взгляде на которые сразу было понятно сколько потрачено сил на их формирование, заставляли ее отодвинуть эту мысль так далеко, так далеко, как хватит фантазии.

Надя встала к небольшому станку, занимающее крохотную нишу напротив окна, данное пространство обычные люди частенько занимают широким плазменным телевизором или компьютером со всеми сопутствующими чудесами технической мысли.

Девушка занималась около двух часов, и только когда руки стали предательски подрагивать и не сгибаться под нужным углом, с растяжкой было покончено, что, несомненно,

вернуло балерину в реальность, о которой в последние два года она частенько хотела бы забыть.

С чего все началось? Должно быть с холодного январского вечера, когда Надя внезапно исполнила одну из заглавных партий, причем абсолютно случайно и, как потом оказалось, совершенно неблестяще.

Она была дублершей Мирты, повелительны умерших невест, в спектакле. Обстоятельство было связано даже не с ее талантом, а невозможностью представить более достойную кандидатуру. Но случилось чудо-горе, и солистка очень сильно повредила ногу, когда шла на репетицию.

Тем вечером, Надя старалась, надеялась, что пришел ее звездный час, что стоит приложить лишь немного усилий к огромным, уже приложенным, и она станцует и любимых Жизель и Одетту.

До сих пор в памяти остался лишь тот яркий свет, преобразующий движения рук в слова, и повороты все повторяющиеся и повторяющиеся, словно она балерина из детской юлы.

Единственные овации, адресованные не всем артистам массовки, а лично ей – Мирте. Но особенно врезались в память слова их постановщика Игоря Викторовича:

– Не дурно Надь, но в следующий раз все же поставим Софию.

По невероятному стечению обстоятельств, именно тем вечером она встретила Максима, когда бежала из театра в мет-

ро. Она все еще с зачесанными волосами и кое-где не стертым гримом плакала, обняв спортивную сумку со своими пуантами и одеждой, плакала тихо, бесславно и почти не подрагивая от печали, которая частенько раздирает грудь изнутри. Немногочисленные пассажиры ночного вагона или спали, или делали вид, что спят, изредка поглядывая на плачущую девушку из-под полуопущенных век.

– Простите? Девушка? – обратился к ней кто-то рядом.

– Это не вы уронили?

Она машинально опустила на пол взгляд. Там ничего не было.

– Что? – промямлила Надя в ответ.

– Ну как же, что, улыбку. Посмотрите, а вот вы её уже и подняли, – неумело пошутил парень в смешной шапке, протягивающий ее клетчатый платок.

Надя тогда начала истерично смеяться, так громко, что некоторые пассажиры ночного поезда проснулись и начали недовольно смотреть на девицу. Платок, ей к слову, все-таки понадобился, чтобы вытереть слезы, выступившие от смеха.

За одну минуту и двенадцать часов до...

– Слав, примешь поставку? – прокричала Ира через весь зал небольшого магазина одежды.

Молодой человек, который этот момент развешивал разноцветные футболки, прекратил свое занятие, вынул из ле-

вого уха наушник и пошел на склад, находящийся в противоположном от него конце торгового зала.

—Иду, скажи Мишане, чтобы оставил мне куртки. — отозвался он и направился к стеллажу с головными уборами, куда надо было вылежать остатки от распродажи.

Слава работал в магазине уже полгода, к работе привык и уже с закрытыми глазами мог расположить вещи по моделям, цветам и коллекциям. А после того, как парню удалось оформить академ, в магазине он практически ночевал. Так молодой человек поступал не потому, что вовсе не хотел учиться в театральном вузе, о котором мечтал с малолетства, а только лишь за тем, чтобы выплатить долги, свалившиеся на плечи столь же внезапно, как снег в июне.

Славик был сильным парнишкой и сдаваться не привык, отчего изо всех сил старался разделаться с денежными выплатами быстрее, а для этого было бы хорошо брать больше смен. Не здорово в свои девятнадцать лет проводить все время на работе, но, если уж выбирать не приходится, то нужно выкладываться, а не роптать на жестокую судьбину.

Поставка обычно могла затянуться на весь день, если приходила с утра, а могла и на большую часть ночи, потому что частенько приходили множество новых вещей. Сегодня, например, предстояла растаскивать объёмистые синтепоновые куртки, прибывшие для особенно не весенней погоды, господствующей в столице.

Слава как раз заканчивал развешивать верхнюю одежду,

когда его кто-то похлопал по плечу, от чего у него непроизвольно по телу пробежали мурашки.

–Владик? Это ты, вот так встреча, – произнесла елейным голосом невысокая блондинка.

– Вижу, ты так и не поняла, как правильно сокращать имена, Катюша? Не мешает работе? – колко ответил парень на приветствие бывшей одногруппницы.

–Как видишь, золотко, не мешает. Видел меня в новом фильме? Весь курс от удивления с мест попадал, а ты мне тут еще и улыбаешься кисло? Сам-то, великий ты наш, как тебя там прозвали, Том Круз? Талантище, почему на сцене не играешь? – самодовольно оскалилась Катюша.

–Не имею богатеньких родители, которые покупают роль в затрапезчине. А Томом Крузом меня прозвали, если ты не помнишь, не за заглавные роли в российских фильмах, а из-за внешности.

Катюша противно рассмеялась и, успокоившись, ткнула парню в грудь аккуратненьким ноготком, украшенным блестящими стразами.

–Ты, золотко, может и обладаешь обворожительной улыбкой, возможно даже каким-то талантом, но судя по всему, а я знаю, как это бывает, ты так ничего и не добьешься, ну может быть повышения до менеджера? Вероятно, для тебя это будет большое достижение. А теперь будь так любезен покажи мне где тут у вас премиальная лимитированная коллекция.

«Почему людям так приятно самоутверждаться таким

гадким, не понятным образом? Неужели она не уверена в себе, зачем лишний раз мусолить то, что и так понятно.»— размышлял Слава, убирая на места вещи, оставленные около примерочных клиентами.

На самом деле девица разворошила все в его душе и сейчас, в этот самый момент, он думал о том, когда же вновь представиться шанс вернуться? А вдруг правда, вернуться не получится и его поглотит рутина, засосет, как зыбучие пески, из которых уже не выбраться прежним. Слава- мечта, которая теплилась в глубине усталого сознания, но вместе с этим разум понимал, что она не должна быть целью существования. А что же тогда должно быть? От неопределенности и неупорядоченности жизни становилось еще паршивее

— Не сдавайся, лопушок, — пропыхтел парнишка себе под нос, провел рукой по отрастающим курчавым волосам и, что-то насвистывая себе под нос, отправился выполнять предписанные обязанности как можно скорее, чтобы успеть к назначенному часу.

Торопиться Славику было куда. Сегодня должен был состояться спектакль, вернее мюзикл, который ставил известный среди интересующейся молодежи режиссёр. Но самое прекрасное заключалось в том, что парень имел возможность взглянуть на столь феерическое представление, не заплатив, а напротив заработав на этом. Все благодаря приятелю, однокурснику, который позвал его подработать билетёром в этот день и, за половину заработка Савы, согласился

уступить свой пост наблюдающего в зрительном зале.

Как такому можно было не радоваться? Ведь это был первый его поход в театр в текущем году. Но шел Слава туда один, а не с бабушкой, как раньше. Грустная мысль щекотала что-то в груди и становилось мучительно одиноко и горько, что немного ухудшало настроение.

А раньше, когда Тсеритса, его бабушка, была еще жива они не пропускали не единого выступления иностранной труппы или новой, необычной постановки. Старушка обожала эффектно нарядиться в дни премьер и чинно вышагивать в своей прекрасной черной шали и звенящих на каждом шагу монетных сережках, а он наслаждался игрой актеров и их плавными и точными движениями, которые впоследствии повторял, стоя в крошечной ванне перед зеркалом. Из-за огромной любви к бабушке Слава и загорелся профессией актера, а без бабушки все работа его не имела смысла. Зачем тогда возвращаться?

Даже сейчас, Слава, лишь закрыв глаза, переносился в знакомый тускло освещенный зал, дышащий предвкушением и нетерпением перед началом, на родные места с краешка бельэтажа, которые им обычно доставались. На языке чувствовалось сливочное мороженное, съеденное перед самым входом в театр, потому что бабушка считала, что представление не отделим от сладостей, но все прекрасные вещи в буфете отделяет от ее внука цена. И даже запах бабушкиных духов, отдаленно напоминающий запах костра, апельсинов с

ванилью тут же окутывал юноша плотным обручем, словно бабушка закутывала любимого внука в свой домашний цветастый платок.

Глаза открывать катастрофически не хотелось, поэтому Слава скорейшим образом извлек из глубин сознания еще один любимый момент, стремясь продлить счастье хоть на минуточку.

Бабушка для него сшила костюм, самый настоящий, как у актёров с кинофестивалей, даже платочек красный вложила в нагрудный карман, чтобы все это выглядело еще более взрослому. Славе тогда исполнилось тринадцать. И они шли на Лебединое озеро, потому что «классику надо смотреть в живую», говорила бабушка и извлекала из шкафа свою лучшую бархатную черную юбку. Бархатная чернота зала опускалась на них, а на сцену выходили небожители-утонченные люди в летящих одеяниях, творящие невообразимые вещи, стоит лишь заиграть музыке.

– Слава, ты чего замер, у нас перерыв, идем на брейк, – позвал его Мишаня, освободившийся от своих обязанностей.

Парни сели в комнате персонала и принялись за принесенную еду. Товарищу Славы еду готовила мама, поэтому его обед состоял из супа в термосе, мяса с овощами и нескольких пирожков с капустой. Полной противоположностью был комплект Владислава, состоящий из купленной шавермы и бутилированного зеленого чая.

–Ну и как я это все съем? Кто ее просил опять наливать

литр супа, у меня же желудок столько не вмещает, – жаловался Миша, пытаясь проглотить весь рассольник заботливо приготовленный матерью.

– А ты вмести. Неужели она зря готовила? Наверное, для одного тебя старалась. А ты не ценишь, дуралей, – осуждающе произнес Славик.

– Ну я же не просил, перехватил бы что-нибудь здесь, благо тут много мест, где можно разжиться съестным, мы не в каменном веке, а я не ребенок.

– Радуйся, дурак, что готовят еду. Съедешь еще сто раз маму с теплотой вспомнишь. А потом еще сотню, когда будешь на бегу есть холодные бутерброды.

– Может ты и прав. Ты наверно давно отдельно от родителей живешь? Скучаешь, наверно, по домашней стряпне? – понимающе просипел Миша.

– Не знаю, я уже довольно давно живу отдельно от родителей, и еду ел исключительно бабушкиного приготовления. Хотел бы, и я как-нибудь попробовать мамино супчика.

– Да ты не дрейф, если скучаешь по борщам и котлеткам найди себе девчонку хорошую, да пускай она тебе готовит, чего теряешься. А там глядишь, годкам к двадцати пяти, семью можно, – улыбаясь, как чеширский кот, изрек друг.

– Звучит здорово, но, рановато мне еще, как не посмотри. Да и встречаться только ради борщей- очень странная перспектива.

– А ты не только ради борщей, – подмигнул ему Миша, –

зачем еще девчонки нужны? Все равно потом повыскакивают замуж за кого попало- вот для них главное.

– А ты не много берешь на себя, дружище? Решать за половину человечества, что значит счастье? Сам уже решил, что счастье для тебя? Или пока в культурном поиске? – с неприязнью произнес Слава.

– Да на что оно? Ну сам подумай, зачем заморачиваться. Живи. Зачем думать. Ешь себе, трать деньги, знакомься с девчонками, гоняй на машинах, развлекайся. И все это в каком хочешь порядке – к чему сложности.

– А, действительно, к чему вообще сложность оставаться человеку и работать головой, а не челюстями и гениталиями, – пошутил Слава и вышел из-за стола.

– Ира, я сдаю смену. Хорошего дня, – попрощался парень и наградил девушку своей непревзойденной улыбкой, заставляющей весь женский коллектив томно вздохнуть еще с добрую четверть часа.

Прохлада, ударившая в лицо и пробравшаяся под распахнутую куртку, немного остудила юношу, начинающего закипать от ярости из-за произошедшего разговора. Но постепенно, капля за каплей напряжение уходило, смешивалось с теплым воздухом и поднималось ввысь, где становилось еще более незначительным, но все же никуда не пропадало совсем.

Парень присел на скамейку в скверики, разбитом напротив крупного торгового центра, занимающим территорию

добротного футбольного поля. На улице размах не чувствовался, скорее там царил покой и умиротворение, которые хотелось есть, как мороженное ложной, чтобы они проникли в душу быстрее и скорее охладили сердце и голову.

Почему же он так разозлился? Ведь это обычные пацаньи разговоры, которые никто не принимает всерьез, потому что конкретно говорящих это не касается ни в коем разе. Но Славу это касалось. Особенно та частичка души, которая отождествляла бабушку с другими женщинами не могла просто безмолвно существовать в грудной клетки, она хотела биться насмерть, используя все свои внутренние запасы и ресурсы, а также с легкостью воспламеняя южную кровь, текущую в жилах Славы.

– Успокойся, лопушок, – произнес он магические бабулины слова и, поднявшись, зашагал в сторону метро.

За одну минуту и четыре часа до...

Кажется, он проснулся, или нет. А может быть Владимиру это только показалось. Нет- действительно проснулся, причем это было далеко не его желание, а шумные ординаторы.

– Молодежь, дайте старикам поспать, не вы всю ночь оперировали.

– Владимир Сергеевич, я вас очень прошу, если хотите спать в тишине отправляйтесь домой, – слышался знакомый голос его племянника.

Доктор сел на кровати и попытался вернуть мир в его привычные рамки, сформировавшиеся до его беспокойной ночи. Длительная операция снова выбило хирурга из колеи, в которую необходимо было вернуться как можно скорее.

Перед ним по-прежнему стояли двухъярусные кровати, покрытые разноцветными пледами, купленными для поднятия настроения персоналу. Несколько цветочных горшков, опутанные паучьими лапками растений громоздились на стене рядом с небольшим столиком, вечно заваленным медицинскими картами и прочей бесполезной документацией, которую каждый врач должен был добросовестно вести. В самом углу примостился холодильник, увешанный стикерами с напоминаниями и равномассными магнетиками, привезенными из зарубежных поездок хорошо зарабатывающих врачей. На полу валялись чьи-то вещи, которые при ближайшем рассмотрении принадлежали двум молодым врачам, уснувших на соседней кровати один над другим. Снизу спала розовощека девушка, чудом попавшая в эту частную больницу, куда подобные ей провинциалы попадают лишь в мечтах. Над ней спал сын заведующего нейрохирургии. Парень оказался старательным, но чересчур самоуверенным и самовлюбленным, как и большинство врачей. Данные качества неотделимы от хорошего врача, потому что, только благодаря им человек сохраняет свое спокойствие и дарует его окружающим.

На часах, украшающими крохотное пространство над две-

рю красовались жестокие цифры, говорящие о том, что домашние уже в сборе и он их застанет при любом, даже самом благоприятном раскладе. Поэтому Владимиру ужасно не хотелось идти домой, особенно сегодня, в день рождения обожаемого старшего брата. Успешного, прекрасного и лучшего во всех отношениях сына и мужа, идеала до которого он, такой какой есть, никогда не дотянется.

Что он сейчас представляет. Тридцатилетний мужчина с огромными мешками под глазами, грустными, затравленными глазами, как у побитой собаки, всклокоченными темными волосами и клочкообразной щетиной, старившей его еще на добрые десять лет. Жил в небольшой съемной квартире, куда съехал от жены по ее же просьбе. Должно быть, мешал встречаться с любовником- сумрачно говорил Владимир себе, когда открывал дверь своего могильника-квартиры.

Отец так же, как и раньше считал его несостоявшимся человеком, «дорогим латальщиком людских кишок», по его мнению, глупым безамбициозным и бесхребетным слюнтяем, плывущим по течению. Матушка периодически лишь грустно опускала голову при его появлении и сдержанно обнимала сына, опасаясь разгневать мужа. Даже сейчас, когда он передвигался лишь в инвалидном кресле, а она им управляла.

«Никуда не пойду, снова все будут любезничать и шутить, обсуждать дела и карьерные высоты, придет сестра с сыном

и этим хамоватым придурком, опять начнут вспоминать об отсутствии карьерного роста в моей случаи, снова скажут, что нашей клинике стыдно за такого как я.»

Володя часто думал о том, что будет, но еще регулярнее думал почему его так не любят в семействе, где вроде бы никто особо не привязан к друг другу, где кровные узы не держат их так близко друг к друг. Причину была лишь в своеобразной внешности, так отличающейся от родительских. Его брат и сестра унаследовали печальные серые глаза отца, какого неземного оттенка, также обзавелись его светлыми волосами и даже его мимикой. Он пошел невесть в кого. Темноволосый, с миндалевидными темными глазами выглядел на семейных фотографиях как дворецкий или бедный-сиротка, затесавшийся в прекрасную семью знаменитых московских врачей Елизарьевых, ведущих своё врачебное ремесло уже более трех веков.

Владимир наконец полностью проснулся, сменил униформу на привычную одежду, закрыл свой шкафчик и, попрощавшись с шумными сестричками, вышел из больницы.

Пожалуй, это был его любимый момент, потому что именно в эту минуту мужчина мог видеть пациентов, гуляющих во дворе, не скованных чувством страха и встревоженными за свою жизнь. Они были с ними одинаковыми, ни они ни он не ненавидели друг друга. Скорее напротив, именно в этот момент счастливой реабилитации люди были благодарны самому обычному, ничем не примечательному общему хирургу.

гу, регулярно оперирующему не по расписанию и не отказывающегося от ночных смен.

Когда Владимир был моложе он даже порой заговаривал с каким-нибудь пожилым мужчиной, напоминающему его дедушку или с молодой девушкой, перенесшей сложную операцию, просто потому что он чувствовал, что может поделиться своим теплом и получить благодарное тепло от них. Но сейчас ему это надоело, это было бесполезно и неприятно, ни ему, как выяснилось, не им, старающихся отделаться от надоедливового врача, желающего получить дополнительную плату за доброжелательность.

Однажды, когда еще зеленому Володе высказали такую претензию, он едва не расплакался прямо на глазах у своего зятя, заправляющего всей финансовой частью в больнице. Ведь так обидно обнажать перед людьми душу, а вместо добра в ответ получать только плевки в лицо. Родственник же потрепал неопытного врача по плечу, поправил очки и все так же, словно ничего, а особенно людские чувства, не имеют значения, пошел по чистейшему только что натёртому коридору частной больницы, в которой даже доброе слово по документам пробивалось отдельным чеком.

Уже выйдя за территорию больницы, Владимир задумался, куда же ему направиться? У его лучшего друга Жени, недавно появился молодой человек, да и просто так наведываться к ней он не мог, потому что считал это не приличным. Просто вернуться в свою квартиру- не представлялось воз-

возможным, потому что его там наверняка уже ждал водитель от отца или еще какой человек, настоятельно требующий посещения отцовского дома.

Пить? Алкоголь превращал его в еще более жалкое существо, чем он являлся, что было очень комично, по мнению доктора. А может быть стоило просто шататься по улицам? Но погода, проложив руку на сердце, была неподходящей не для прогулок, а больше предназначалась для быстрых перебежек из машины в дом и из дома в машину.

Как когда-то сказал его дедушка, приехавший в Москву из далекой Киргизии и удачно женившийся на дочери знаменитого врача:

–Если не знаешь куда идти в Москве, иди на Красную площадь. По дороге всегда найдется место, где можно посидеть. Ну а в самом крайнем случае – посиди в метро, там тоже красиво.

Владимир надел капюшон, поплотнее обмотал шарфом шею и пошагал в сторону метро, сулящему временное пристанище коренному москвичу, которому нельзя было пойти даже в собственный дом без того, чтобы его ни осудили.

Но, как назло, погода портилась с каждой минутой все сильнее, начал накрапывать мелкий, непонятней полудождик -полутснег, придававший всему вокруг еще более трагичный вид. Единственным ярким пятнышком в этой серо-коричневой мессе мартовского воздуха могли служить лишь цветастые куртки, изредка попадающиеся на пути. По-

чему жители столицы любят черные куртки? Почему прохожие поголовно носят черное? Это практично? Да ни в коем разе, ведь это бесцветное облачение автоматически присоединяет тебя к множеству таких же безрадостных сомнамбул, бредущих по инерции что сейчас, что в любое другое время. Всю жизнь.

Владимир поглядел на собственную дутую дутую куртку с контрастной подкладкой- он сливался так же, как и все, а ведь так не хотелось. Хотелось чего-то яркого, мечталось быть кем-то значительным и заметным, а не сливаться со стенками, покрывшимися ночными тенями.

И тут – пятно. Огромное пятно на стене- двери, принадлежащий небольшому магазинчику-кассе. Огромный зеленовато-красный плакат с фигурой мужчины и девушки, рядом какие-то предметы, слова. Если честно доктор даже не читал, он просто зашел внутрь.

Там было уютно и тепло, немного пахло пылью, старой бумагой и свеженапечатанными текстами, сочащиеся новенькой чернильной кровью.

– Добрый вечер, не подскажите, а вот та постановка, ну которая у вас на двери, есть ли представления сегодня?

Со стула поднялась молодая девушка с покрашенными в розовый цвет волосами и огромными прямоугольными очками, своей комичностью напоминающие блюдца в оправе.

– А это новая постановка, поставлена известным режиссером. «Человек человеку» называется. Очень популярно сей-

час, но думаю пару мест в партер еще осталось.

Владимира не интересовала цена, лишь тот факт, успеет он туда или нет. Было бы здорово окунуться с цвет с головой

– Простите, а я успею туда сегодня доехать?

– Да, еще целых три часа с лишним, а ехать до Делового центра. Там театр современный, на первом этаже новой вы-сотки находится, вы ее сразу узнаете она в форме свечки. Го-ворят, это театр невероятно красивый внутри, а труппа там из частично из Европы.

Владимир улыбнулся девушки, которая с удовольствием продолжила бы рассказывать про театр, здание, труппу, по-становку, но надо было торопиться, поэтому он мягко и немного извиняющимся тоном произнес

– Чтобы я успел, девушка, продайте мне пожалуйста би-летик.

– Возьмите пожалуйста, ах да, это мюзикл, я же вам не сказала, мужчина!!! Я вам скидку на следующий билет сде-лаю. Мужчина! Вы шарф забыли.

Но Владимир ее не слышал, просто шел, не обращая вни-мания на дождь, который уже превратился в настоящий ли-вень, ни на отсутствие шарфа, наверное, не думал ни о чем, а просто шел в театр, который должен был окрасить его в определенный, желательно, яркий цвет. Чтобы доктора ста-ло видно.

Сказка о Белых вершинах

Было слышно лишь тиканье часов, висящих в другой стороне коридора, а редкие шаги пациентов,двигающихся к лестнице.

В небольшом закутке, спрятанным за углом около стойки регистратуры, тишина звонко отражалась от каждой падающей пылинки, стенки, ткани. Мальчик лет должно быть семи сидел на больничной кушетки, поставленной в коридоре для пациентов и держал на коленях фолиант невероятных размеров. То была книга в черной кожаной, несколько затертой обложки без каких-либо букв и теснении, а ее страницы имели сероватый цвет старой дешевой бумаги, сделанной из уже когда-то существовавших листов. Мальчик сосредоточенно листал страницы заполненные убористым, размашистым, акkuratным и небрежным почерками, где-то можно было найти рисунки или даже вклеены фотографии.

Стена, около которой сил светловолосый ребенок плавно переходила в большое окно, состоящие из цветных стеклышек, умело собранных в причудливую то ли окружность, то ли обруч, сплюснутый по краям, окружённый множеством звездочек и шестеренок разной величины. Из-за того, что на улице было пасмурно, то нельзя было насладиться божественным радужным солнечным дождем, льющимся сквозь красивое витражное окно, заменяющее ожидающим телеви-

зор, так необходимый современному человеку.

Паренек от скуки перебирал ногами, которые не доставали до пола и болтались в воздухе, как две макароны, облаченные в белые носки с синим краешком. Ребенок, кажется совершенно не нервничал из-за отсутствия взрослых, родителей, игрушек. Он был полностью поглощён тем, что водил пальцем, проговаривая вслух слова, написанные разномастными почерками.

– Привет, малыш. А ты случайно не в 100 кабинет сидишь? – спросила ребенка бесшумно подошедший мужчина.

Ребенок поднял на пожилого мужчину глаза, которые никак не могли принадлежать человеку семи лит, обычно в глазах детей мелькают разноцветные искорки озорства или вспыхивает фейерверками обида, осыпающаяся так же молниеносно. Но у этого мальчугана в глазах плескалось вековое море, на дне которого покоились секреты и тайны, чувства и мысли, проблемы и способы их решения. Его серые глаза, словно были ровесниками мира, а не принадлежали недавно родившейся душе.

– Дедушка, вам за ту дверь, но вам надо подождать, там лампочка загорится, – сказал мальчик, оторвавшись от книги.

Седовласый мужчина, улыбнулся, от чего его и без того небольшие глаза превратились в узкие щелочки, преисполненные теплом и добротой.

– Спасибо малыш. А почему ты один и где твоя мам? –

спросил подошедший, присаживаясь рядом.

– А она тут работает, а я вот ее жду. Дедушка?

– Да малыш?

– А как вас зовут. А то мне не разрешают говорить с незнакомыми

– Меня зовут Мерлан, а тебя?

– Меня зовут Гелька, мне ваше имя больше нравится, – сказал мальчик, протягивая мужчине конфету.

– Да, что ты. У тебя интересное имя, необычное, а у меня имя такое же, как и у тысяч моих земляков. – сказал дедушка, благодарно кивая за угощение. – а что ты читаешь?

– Это сказки, вернее это коллекция сказок. Сюда мама записывает истории, которые рассказывают мне. А вы не знаете какую-нибудь необычную сказку, ну такую, которой еще нет в моей книги.

Мужчина задумался, отчего стал теребить свою серебряную бороду, что делало его очень похожи мне фантастического джина или колдуна.

– Наверно ты знаешь много русских сказок, а какие-нибудь татарские сказки тебе рассказывали?

– У меня здесь есть киргизские сказки, тюркские, а татарские, кажется нет. – со знанием дела сказал ребенок.

– Ну что ж, может быть моя история будет рассказана неумела, да еще к тому же она может быть похожа на одну из уже тобой услышанных, ведь у нас, степных народов, общие корни, как не крути. Эту историю у нас называют сказкой о

Белых вершинах.

«Когда-то давным-давно, когда человек еще не ступил в вольные степи, не обработал плодородную почву, не высадил хлеб и не приручил животных, которые бы подчинялись каждому его слову. Тогда, наверно и человек еще не появился и вовсе, и на земле жили свободные, как ветер, и грациозные, как скалы, Первые лошади. Они были больше, сильнее и красивее тех, что ты можешь увидеть в цирке или другом представлении.

Они гонялись за ветром, почти не касались земли и могли разговаривать со звёздами, потому что те часто помогали им найти путь сквозь бескрайние травяное море, что начиналось на востоке и заканчивалось на западе.

Жила в одном из самых больших табунов в мире прекрасная белая кобылица с невероятной гривой, что сверкала на солнце, как золото, а при лунном свете переливалась серебром. Ноги ее были крепкие и гибкие, как степные топольки. Одним словом, лучше ее не было во всем травяном царстве. Поэтому взял ее в жены сильный и мудрый жеребец, владыка табунов, что жили в это части мира. Они стали бок о бок и пошли вместе, ведя за собой табун, лошадей в котором было так же много, как колосков на пшеничном поле.

А следующей весной, когда молодая травка только начала показываться из-под земли, а звезды, стали чаще появляться на весеннем фиолетовом небе, на свет появились два жеребенка. Это была невероятная редкость и жеребец-предводи-

тель, решил, что это знак, что посылают им небесные кони.

– Один из них, станет моим преемником. Так посчитали небесные кони, – сказал он своим подопечным, которые тут же радостно заржали, поддерживая своего повелителя.

А тем временем, кобылица-мать, выхаживала своих жеребят, родившихся более худенькими и маленькими, чем их сверстники. Выглядели молодые кони ничуть не хуже своих грациозных родителей: один был белым, как мать, с небольшим черным пятном на морде, а второй был гнедой, как отец, от матери последышу досталась лишь маленькая белая звездочка на носу.

– Я назову вас Кон и Тон, вы будете всегда вместе, но по отдельности, вроде бы и врозь, но всегда вместе. (Кон и Тон по-нашему, это день и ночь, Гелька)

Пролетело время, подобно перелетным птицам, сменили редкие деревья в степи свое платье на новое, вновь заколо-сился ковыли и осока, заново пробившиеся сквозь землю, опять вернулись кони на свое прежде место- травяное море.

Выросли Кон и Тон и превратились в статных молодых жеребят, почти жрецов, научились от отца вести табун по звездам, а от матери мастерству обгонять ветер. И все бы шло так, как должно было идти, если бы к их табуну не присоединилась старая рыжая кобылица, повидавшая весь свет.

Главный жеребец хотел прогнать ее, чтобы она не ела их изумрудную траву и не пила их студеную воду, но Тон, его любимый сын, будучи очень сердобольным, упробил оста-

вить старушку.

– Спасибо тебе, молодой принц. Ничего нет у такой старухи, как я. Ничего, кроме тайны, которая неведома другим. Я расскажу тебе про Белые вершины. Нет нигде во всем травяном море спокойного и сытого места. Всегда не хватает травы, чтобы сытно поесть, воды, чтобы напиться всласть, места, чтобы побегать в одиночку. Все так и думают, поэтому и живут лошади так, как живут, ограничивая себя в каждом приеме пищи. Но, ты не верь, молодой принц, есть на свете место, что прекрасно так же, как звезды, за которыми прячутся небесные кони, столь полно зелеными лугами и чистыми реками, что даже сами великие мечтают туда попасть. Это место находится там, где в небе встречаются две горные вершины, покрытые снегом в любое время года. Снег, этот так сверкает на солнце, что его можно принять за твердый металл, что иногда выносит река. В том месте, мой принц, живет настоящее счастье, которое ты не отыщешь, которые ты не найдешь, кочуя со своим табуном туда-обратно.

– Но зачем же ты рассказываешь мне про столь прекрасное место, но сама туда не отправляешься?

– Я слишком стара, мой принц, не доскакать мне туда, да и не преодолеть все эти ущелья и пропасти, что ждут на пути. Тебе нужно идти за самой яркой звездочкой, стоящей поодаль от всей своей сверкающей родни. Она то и приведет тебя туда, куда тебе нужно.

И старушка принялась жадно пить чистую воду, что текла

прямо у ее копыт.

Тону же начались сниться эти горы, покрытые дымкой тумана и загадочности. Теперь он не мог уже думать ни о чем, кроме как о том, как бы ему добраться до них и привести к ним табун.

– Брат, отчего ты такой отрешенный в последнее время, все ли у тебя хорошо, не болен ли ты, – спросил его Кон.

– Брат... – и рассказал ему младший о Белых вершинах- сказочном месте.

И вот к самой макушке лета, когда солнце стояло над головой ровнѐхонько в самой высшей токе неба, Тон решил отправиться в путешествие, чтобы проверить – существуют ли место, описанное старой кобылицей.

– Брат, но как же ты оставишь табун, ведь ты будущий вожак- смена отца?

– Но брат, это не мое желание, то желание предков. А мое желание увидеть горы, что касаются неба, увидеть слепящий глаза блеск их вершин, вдохнуть запах горной травы, пробежаться по ней и там, я надеюсь, вырастить своих детей и счастливо умереть.

– Ты не понимаешь? Ты бросаешь свое будущее? Ради чего? Ради тумана, который напустила эта старая лошадь?

– Я иду туда хотя бы затем, чтобы навсегда не потерять себя и не раствориться в здешнем. Ведь это- намного тяжелее, чем остаться тут и иногда роптать на судьбу? Вот ты, о чем ты мечтаешь? Неужели гоняться туда-сюда, да иногда

останавливаться ради несытной еды.

– Чего я хочу... Я даже и не знаю, брат. Я –это табун, табун- я. Мое желание- его желание. Я лаже никогда не думал, что может быть иначе.

– Что ж, Кон. Я думаю, что из тебя выйдет отличный глава, не то я. Прощай брат. Надеюсь, что я когда-нибудь вернусь и мы встретимся.

Той ночь Тон и умчался прочь от всех, слился с ночным июльским воздухом, что так же тягуч и сладок, как разнотравный мед.

Шло время, сезоны менялись друг за другом. Великие небесные кони забрали к себе отца Кона и Тона, а потом и их мать, оставившую после себя малютку-дочку.

Кон занял место отца и неплохо стал верховодить табунном, выбрал себе жену из северного племени и готовился стать отцом. Все в его жизни текло по завету небесных коней. И это и должно было быть счастьем, но не давало ему вздохнуть с облегчением одна мысль- есть ли у него мечта? А если ее нет, то есть ли счастье? А если его нет, то как же его найти.

Но бег его коней нельзя было изменить или повернуть в другую сторону, нельзя было ускорить или замедлить. Оставалось одно- скакать среди них и надеется, что ему хватит сил быть среди них первым.

А Тон, в отличии от брата, летел на крыльях, которые словно выросли у него за спиной лишь от той мысли, что

он несется к Белым вершинам. Так он летел немыслимое количество часов, иногда останавливаясь лишь на сон или на небольшой привал. И единственным его собеседником была Звезда. Сначала она молчала, как и все ее собратья считала себя лучше каких-то лошадок, что бесцельно несутся по степям. Но вот однажды, когда Тон смотрел на нее перед тем как уснуть, она вдруг заговорила.

Звезда говорила с ним о других землях на которые она смотрит, когда небосвод меняет свое положение, о городах, что синими, как небо, морями растекаются по неизвестному коню стороне. О других лошадях, птицах и рыбах. О целом мире, что лежит у нее перед глазами. А еще она рассказывала, как одиноко ей на небе, что нет с ней рядом ее сородичей, что для них она незаметна и некрасива, что не хотят они даже смотреть в ее сторону.

– До чего у тебя безмозглые собратья, не видят до чего ты прекрасна. – успокаивал ее Тон.

От этого Звезда сияла еще ярче и все дольше говорила с ним, даже пела ему свои небесные песни. Так шли года, которые постепенно складывались в десятилетия, а Белых вершин все не было видно. Тон из-за этого очень грустил, а его крылья с каждым днем, не приведшим к заветной мечте, опускались все ниже.

Когда сравнялось ему почти два полных десятилетия, горько заплакал конь, стоя у горного ручья. Так плакал он и плакал пока не спустилась ночь и на него из воды не погля-

дела его Звезда.

– Отчего ты не весел, от чего мне даже с небо слышно, как ты плачешь?

– Да знаешь, Звездочка, я двигался вперед и надеялся найти свои Белые вершины. Но их нет, обманула меня старуха, а теперь и сам я уже не молод и вряд ли когда-нибудь доберусь до них.

Звезда посмотрела на него, хотела обнять его за шею и рассказать, что много-много раз он был близок к своим горам, это она каждый раз уводила его в иные края, чтобы он, достигнув своей цели ни покинул ее.

– Дорогой, Тон. Я отведу тебя к твоим вершинам, у тебя еще будет время пожить там, но вот в чем беда, ты уже не успеешь вернуться к своему табуну. Ну или я могу привести тебя обратно, но ты уже никогда в своей жизни не увидишь горы.

Тон поднял голову, отметил что светило виновата опустила свои лучи и обо всем догадался. Но почему-то не разозлился. Да и как можно было злиться на столько совершенное создание, как Звезда.

– Веди меня к Белым вершинам, моя хорошая.

И вот, когда пронесся еще один сезон, оказавшимся чуть ли ни самым тяжелым для Тона, жеребец наконец добрался до того заветного места.

И, не обманула его старая кобыла, здесь действительно было место, сродни обители богов. Ручьи были чисты на-

столько, что была видна рыба, плещущаяся на каменистом дне. Трава пахла слаще горного меда, а на вкус, должно быть, была похоже на амброзию. И над всем этим возвышались гордые горы, надвинувшие серебряные снежные короны до самых бровей.

Тон упал на подогнувшихся ногах рядом с ручьем и начал молиться небесным коням, что разрешили ему увидеть это место в этой серой жизни.

А ночью, едва на небо высыпали звезды, Тон позвал свою Звезду

– Выходи, о прекраснейшая. Я понял, что это была твоя хитрость. Знай, я не сержусь на тебя, потому что, ты показала мне, что мечта-это не цель жизни, а лишь мотив существовать на этом свете. Сейчас, я чувствую, что уже не смогу поселиться здесь и вырастить здесь своих детей, попробованть этой травы и воды. Но я был очень рад, что почти все мое время я был с тобой. Я узнал о целом мире, что так бы и лежал вне моего сознания. Спасибо тебе. Ты стала для меня всем, другой, любимой, сестрой, дочерью. А теперь, пожалуйста, не грусти по старому скакуну и исполни мою просьбу. Расскажи моему брату Кону, об этом месте, пускай же наш табун поселится здесь и живет счастливо.

Так и умер Тон, опусти свою голову недоли от подножья Белых вершин.

Долго по нему плакала Звезда, а когда высохли ее слезы и прошла боль, что наполнила сердце, отправилась она на

поиски Кона, которого она, к несчастью так и не нашла. Но еще долгие десятилетия можно было слышать ее голос, звенящий над ночной степью, говорящий о Белых вершинах и о том, как их можно найти.»

Старик закончил свой рассказ и выжидательно посмотрел на Гельку.

– Почему они не могли жить счастливо вместе? Почему все в этой истории остались несчастны? – спросил мальчик, утирая с щек крупные слезы, непрерывающиеся литься из глаз.

– Как же, все они были счастливы, только по-своему. Кон завел семью, Тон увидел горы, Звезда не была одна. А то, что счастье, о котором мы мечтаем, не совпадает с тем, которое есть на самом деле, в этом и есть истина. Суть этой сказки, разве нет?

– А вы счастливы? – спросил мальчик, переводя взгляд с книги на старика.

– Может быть. Я, как и все из этой истории, стремился к одному, но сейчас понимаю, что мое- оно в другом. Я очень сожалею, что только сейчас это понял.

–Ой, дедушка. Кажется, вас вызывают. Не бойтесь, моя мам очень хороший специалист, она вам поможет, – сказал мальчик, вкладывая старому татарину в руку конфетку, – а это вый ей передайте пожалуйста. И скажите, что это я вам дал.

– Хорошо, спасибо, Гелий. Пока.

И мужчина помахал мальчику на прощание, прежде, чем зайти в кабинет.

Глава 2

За одну минуту и три часа до...

Слава сладко спал на стареньком облезлом дерматиновом диване, стоявшем рядом с кухонным столом в микроскопической кухоньке. Ему снилось море, необъятное и бесконечное, по цвету напоминающее хорошо размешенную в стакане синюю гуашь, смешанную с зеленой. А еще ему снилась бухточка, куда он попал совершенно случайно и, по стечению обстоятельств, должен был покинуть ее. Там песок был не очень похож на песок, он состоял из большого количества ракушек разной степени дробленности, но ступать по ним было приятно и не капельки не больно. В больших ракушках и в береговом песке жили юрки и мелкие крабы, не пуганные туристами и приезжими, поэтому к ним можно было подойти и чуть ли не потрогать руками. Молодому человеку снилось, как он ныряет в море с утеса, куда он потом часто приходил с друзьями, но ни один из них так и не рискнул прыгать с Зуба, так утес называли местные, в воду. Очень зря ребята так не делали, потому хорошо прочувствовать воду невозможно в других обстоятельствах. Воздух, как мягкое одеяло окутывает тебя, а при дальнейшем пребывании под водой, как будто пытается поднять твою кожу из пучины,

словно он твои крылья, которые вырастают только на глубине. А какие там водоросли, похожие на волосы русалок, которые случайно щекочут твое ухо, едва ты приближаешься к их обладательницам. Славик все погружался в воду и погружался, и с каждым метром становился чуть-чуть младше, пока не превратился в мальчишку, приехавшего в Золотое впервые.

Очень давно, когда Славик только собирался пойти в школу, внезапно из его жизни исчез папа. Вот так просто-испарился. И, хотя, он его и так не часто видел дома, потому что тот пропадал на работе часами, а порой и целыми днями, мальчишке его не хватало. Мама не его наивные вопросы или кричала, или плакала, поэтому вскоре малыш перестал разговаривать, почти перестал. А однажды, уснув в своей кровати, мальчик проснулся в поезде-они с мамой ехали к его бабушке, маминой маме. Они ехали в Крым. Мама еще до ухода отца выглядела неважно, а после стала выглядеть еще хуже. Женщина была по природе худенькой, порой даже чересчур, а уж, пережив такой стресс, осунулась еще больше. Мальчик так бы этого и не заметил, если бы не увидел свою бабушку, пишущую жизнью и здоровьем. Пожилая женщина, одетая в чёрную блузу с длинными рукавами, юбку с крупными контрастными рюшами и ярком цветастом платке, накинутом на голову, едва не упала без чувств, когда увидела Славу и его мать на пороге.

– Айгуль? Святые праведники, ты ли это. Боже, да в чем

же жизнь то в тебе держится? – заходи живо в дом. Господи, неужели блудная дочка вернулась. – причитала женщина молниеносно накрывая на стол и одновременно обустривая гостей. Мама как сидела, так сразу же и легла на узенькую скамейку, предназначенную должно быть, для гостей, зашедших на чай. Бабушка накрыла маму лоскутным одеялом, с невероятной заботой подложила ей под голову подушку, оправила растрепавшиеся волосы.

– Пойдем, внук мой дорогой, постолюемся с тобой, а то не равен час и тебя ветер унесет, – искренне улыбнулась женщина, отчего ее глаза, осветили все лицо лучиками крошечных морщинок-перышек, делавшими полное лицо женщины еще приветливее.

– Кушай, малыш. Вот рыба, вот картошка, кушай, – причитала женщина, угощая внука.

И Славик ей, не переставая поглядывать за этим занятием по сторонам. А смотреть тут было на что. Деревянный простенький домик, снаружи выкрашенный в жёлтый, ныне выцветший белесы цвет, изнутри напоминал музей всевозможных интересных вещей, которых в обычной московской квартире не было никогда. На стене, около добротного стола, покрытого льняной вышитой по краю скатертью, висел тонкий коврик, на котором был изображен рыцарь, охотившийся на оленя. Но ощупь коврик этот был мягким, словно плюшевым и о него очень хотелось потереться щекой, но мальчик пересилил себя и продолжил свое исследование. В центре

же комнате стояла печь, самая настоящая, как из старых русских-народных сказок, побеленная и кирпичная, а по ее периметру свисали кружева, служащие для украшения. На печи сидел тощий черный кот и недоверчиво сверкал на мальчика глазами, но, заметив, что хозяйка к человеческому детенышу не испытывает неприязни, спокойно улегся на свое место и спокойно заснул, изредка подрагивая хвостом.

Стена около которой заснула мама была завешена полотняной занавеской с крупными ромашками, за ней скрывалась небольшая веранда, где висел гамак и небольшая хлипкая скамейка. В углах висели травы, связанные в причудливые снопики и букетики, грозди жгучего перца и чеснока кое-где почти касались головы хозяйки, суевающейся между подполом, где гранились продукты и столом, желая угостить внука самым лучшим.

– А ты знаешь, мальчонка, у меня же есть орехи, сейчас принесу тебе.

Перед усталым Славиком, почти как со скатерти самобранки, образовались орехи, погруженные в янтарную жидкость, пахнущую полем и прошлым крымским летом.

– Ну чего же ты все молчишь? Только и того что глаза на пол лица вытарачил. А поговорить? Как зовут то хоть тебя? Меня вот Тсеритса зовут. Ой, гляди, еще больше глаза распахнул. Ну имя такое, румынско-цыганское имечко, красивое имя, сильное. Я сильная, как солнце, как рассвет, вот что значит оно. И так с каждым, чем нарекут тебя родители, оно

делает тебя сильнее, а также дарит тебе ключ от следующей жизни. Ой, ну, до чего же ты глаза так распахнул, выпадут же. Ты кушай. Так вот, имя твое- ключ от входа во вторую твою жизнь, без него ты никуда не пойдешь, так и завершиться свое бытие. Но, а ежели в него еще сила какая заложена, и вовсе тебе все преграды не почем, хоть тысячу жизней проживи- на все энергии жизни хватит.

Вот так и началось их знакомство с бабушкой, которое парень с удовольствием бы вспомнил и дальше, но в это момент, как назло, был выброшен будильником на берег реальности.

До назначенного времени работы оставался еще час с лишним. Добраться до театра можно было за пятьдесят минут, поэтому Слава начал скорейшим образом одеваться и, чтобы не выглядеть в театре окончательным проходимцем, даже зачесал маслом свои непослушные кудрявые волосы, придававшие лицу немного девчачий вид. Перед выходом, стоя в одном ботинке на пороге, юноша окинул взглядом свою комнату, которую безусловно не мешало бы прибрать, но ему до зубной боли не хотелось перекладывать бабушкины вещи, её амулеты и обереги, которые лежали буквально на каждом шагу и на каждой поверхности в комнате, которую сложно было назвать жилот. Толстый слой пыли, кое-где наспех вытертый, а кое –где практически махровой, кровать, засыпанная выстиранными, но неслаженными вещами. Ракушки, камешки, веревки, кружева, крючки, пустые панци-

ри и блестящие медные монетки, весели на стенах, на потолке, на люстре, окутывали светильник, что стоял у изголовья кровати. Лоскутный коврик из квадратиков, сшитых толстой красной ниточкой дружелюбно пестрел на середине помещения, приглашая пройти по нему. На небольшом стеклянном столике также стояла белая чашка, с уже испарившемся содержимым, на дне которой так же лежал слой пыли. Все было ровно в том же виде, в каком все оставила бабушка, отправляющаяся на экспериментальное лечение, сулившее избавление от хвори, иссушающей старушку изнутри.

Но парень упорно не мог туда зайти, не мог сказать себе, что все- нет больше веселой старушки плетущий странные амулеты и засовывавшей траву в самые непонятные места дома. Нет больше его бабушки, которая бы журила его за беспорядок и грозила бы наслать на него неприятности. От нее в комнате осталась только шаль, положенная под подушку, и то лишь потому что Слава не смог найти ее для похорон, а потом не смог выбросить. Так и откладывал парень прощание с призраками, надеясь, что однажды все исчезнет само собой или, о чудо, хозяйка вернется и разложит все на свои места.

– Держись, лопушок. – сказал он сам себе и вышел из комнаты, поторапливаясь к автобусу, на котором предстояло еще минут двадцать добираться до метро.

Но как говорить, охота горше неволи, и парень оказался на месте раньше условленного на целые двадцать минут, что

для него, все время опаздывающего охламона, было настоящим достижением.

Театр находился внутри высотного здания, которая Слава про себя окрестил маяком, уж очень оно напоминало его по форме, а снаружи все было отделано зеркалами, словно большое трюмо. Сам театральный зал, хоть был и современным, но людей вмещал немного, не было даже бельэтаже, не говоря уж о двух ярусах балкона. Стулья, как в классическом театре были обтянуты красной тканью, а вот потолки не сверкали люстрами, а излучали свет с помощью минималистичной, но очень эффектных ламп – одуванчиков, состоящих из лампочек-парашютиков, на которые было очень интересно смотреть, потому что со временем они словно, раскрывались, будто живые. Потолок не изобиловал ангелами и цветами, а лишь слегка дополнял одуванчики другими полевыми цветами, которые органично переходили в настенную лепнину, спускающуюся к зрительским местам.

Самые дешевые места шли по периметру зала или скрывались за колоннами, за которыми рассмотреть что-то со сцены было практически невозможно. Именно на это место нацелился Слава, надеясь, что оно так и останется свободным и ему удастся расслабить ноги, еще гудящие после работы в магазине.

– Слушай, Славик. Пойди допродавай программки, а я пока что тут постою, погляжу, что да как. – спихнул на него свои обязанности товарищ, передавая свою фиолетовую гал-

стук-бабочку.

– Ну ты и раздолбай, – желая сказать что-то похлеще, но сдержавшись, произнёс Славик и безрадостно поплёлся ко входу, предвкушая холод, на котором придется стоять.

При входе было стоять интересно, не то что работать в гардеробе и таскать эти мокрые пальто и куртки, а потом ругаться с дамочками-кралечками из-за оторванной пуговицы на их кашемировом пальто. Нет- увольте, Слава туда и под страхом смерти больше не подпишешься работать. А тут приятно, правда холодновато. Но опять же можно на людей поглазеть, которые, как карандаши в коробке, в таких местах бывают разными.

В основной массе, конечно, здесь можно было увидеть бабушке с красивыми укладками и крупными серьгами, прихватившие с собой погрузневших дедушек с серебристыми бородами и блестящими лысынами. Так же были статные женщины от тридцати до сорока с мужьями в туго застёгнутый пиджаках и сыновьями-подростками в наушнике, которые стоили, как три зарплаты Славы в магазине, где необходимо было торчать каждый день ради таких денег. Иногда в эту стандартную массу ценителей театра затёсывались маленькие дети, приведенные бабушками, или парочки, пришедшие ради разнообразия. Но очень редко попадались одиночки, какие-то очень яркие люди, ценящие театр, настолько, что ходили туда без компании, регулярно и целенаправленно. Таких он выделял, мог отличить от толпы, наверное,

потому, что сам принадлежал к их числу. Одинокие посетители не ходили вальяжно, разглядывая фотографии актёров, выступающих в этом театре, они тихо сидели около своего входа и изредка поглядывали на билетёра, мечтая попасть в зал, где их будет ждать покой и анонимность, предоставленная приглушенным освещением. Обычно именно такие люди покупали программки или другие театральные брошюры, чтобы было чем заняться.

Сейчас, например, так поступал мужчина, плохо побритый, но пахнувший дорогим парфюмом. Он долго выбирал программку из разложенных рядом идентичных и, наконец, было уже хотел начать разговор со Славой, но его смутили хохочущие женщине, должно быть его возраста, и взъерошенный мужчина отошёл к колонне, ожидая первого звонка.

Когда Слава уже хотел идти меняться с товарищем местом, его легонька хлопнула по плачу девушка со светлыми, почти прозрачными волосам, которой, на первый взгляд он мог дать двадцать три года, но ее руки, покрытые венами, выдавали ее возраст, отчего парню стало немножечко грустно. Девушка тяжело дышала и все никак не могла найти деньги, долго капалась в сумочке дрожащими от волнения и боязни опоздать руками. Она уронила паланкин, покрывающий ее плечи, обнажив свои руки, будто обрызганные золотом краской.

– Простите, молодой человек. Я должно быть забыла кошелек в пальто. Извините, что отняла у вас время, – расстро-

ившись пролепетала девушка самым трогательным в мире голосом, который мог принадлежать исключительно феи.

– Держите, считайте, что это подарок от театра за то, что вы не опоздали на представление, – сам удивившись себе, произнес Слава и вручил ей программку.

– Но...

Слава не сал ее слушать и быстренько юркнул в зал, где недвусмысленно дал понять коллеги, что ждет, когда тот уступит ему его пост.

Почти что следом за ним в зал вошла девушка в золотых крапинках и черном платье, занявшее место как раз с тем, присмотренным, за колонной.

«Совпадение...» – подумал Слава, не сводя глаз с грустной девушки, капающей в своей сумке, в тщетных попытках найти что-то важное.

За одну минуту и пять часов до...

Все шло из рук вон плохо, начиная от разбившейся кружке, привезенной еще из дома и заканчивая испорченным платьем, на которое случайно попал тональный крем. Надя не отличалась особой расторопностью, поэтому необходимые вещи лежали ровным слоем, занимая каждый свободный миллиметр пространства и без того загроможденной комнате. Вымывшись, девушка сразу же решила накраситься, а потом поняла, что из-за этого на черном платье – футляре, при-

готовленном для выхода, образовалось огромное пятно телесного цвета. Поэтому из недр перегруженного комода пришлось извлекать выпускное платье, из-за которого на девушку тут же нахлынули воспоминания.

Любила ли Надя балет? С таким же успехом можно было бы спросить: любит ли она чистить зубы? Насколько бы глубоко ни уходили воспоминания Нади, в них всех был станок, растяжка, многочасовые упражнения, стертые пальцы и десятки, выброшенных в мусорное ведро изношенных пуантов. Для Нади, балет не был удовольствием или способом самовыражения, он был обыденной частью ее жизни, причем это случилось не по желанию девочки, а скорее наперекор ему. Ее мама была хореографом в небольшой детской студии, где девочек обычно обряжают в сарафаны, а мальчиков – в косоворотки, где дети собираются по два-три раза в неделю, и родители лишь умилительно хлопают их чадушкам-артистам. Вера Викторовна знала эту кухню изнутри и была уверена, что в любой другой новосибирской студии ее дочь, безусловно обладающую незаурядными навыками, не ждет ничего хорошего.

Поэтому сначала с малышкой занимались простенькими упражнениями, а затем поставили к станку, который установил отчим девочки в кладовки, чтобы в случае чего Надя могла заниматься растяжкой в одиночестве. Примерно так и прошли первые, самые ранние годы девочки, переменяясь между растяжками редкими походами к учителю му-

зыка, помогающему попадать в ритм. Затем они переехали с мамой и братом в Екатеринбург, вернее сказать, сбежали от буйного отчима, пристрастившегося к крепким спиртным напиткам. Там все началось с новой силой: станок, музыка растяжки. В уральской столице Надя попала в балетную студию, в которой по настоянию матери стала заниматься не по три раза в неделю, как все девочки, а по пять, чтобы не терять форму. И, пожалуй именно тогда, девочка поняла, что есть другие, более способные, будущие примы. И как же она их ненавидела, этих тоненьких от природы маленьких ангелочках, которые без усилий делают длинные прыжки, глубокие приседы, крутят фуэте по двадцать раз, а после этого с лёгкостью продолжают свой танец. Ведь для них балет-развлечение, как куклы, которых наряжают первое время, а затем отправляют на дальнюю полку, где они и пылятся до конца времен. Надя презирала девочек, всячески стараясь показать им свою неприязнь, и это в одиннадцать-то лет. Но ее «подружки» от нее не отставали в ухищрённых пакостях. Надя портили их спортивные купальник, оставленные без присмотра в раздевалке, они резали ее стельки или ленты на новеньких пуантах. И так до бесконечности. Руководительница закрывала на это глаза, объясняя это тем, что в жестоком мире детям придется столкнуться и с более страшными вещами, чем репей в волосах и отрезанная лента. Родители девочек были наслышана об этой злой и завистливой Наде, которая вредит ее Кариноче, Аллочке, Инночке.

А Надина мама пребывала в счастливом неведении, которое усугублялось вновь появившемся у нее поклонника, способствующего округлению у женщины живота. Вера Викторовна без задней мысли отправляла дочь на танцы, задавая ей потом парочку дежурных вопросов и отправляя их с братом-пятилеткой во двор, чтобы не мешали.

Наверное, девочка озлобилась бы, превратившись в экранных стерв, насыпающих стекло в пуанты главных танцовщиц из зависти, но в ее жизни появился Петруня, который доказал, что можно танцевать просто, потому что нравится.

Он был рядом недолго, но влияния чистосердечного паренька хватило надолго, потому что в двенадцать лет Надя переехала с мамой в Петербург, где пошла в балетную школу, попав туда каким-то чудом.

Надя пришла в академию, читая про себя, как мантру, слова Пети: главное танцуй так, чтобы нравилось тебе, а не чтобы утереть нос какой-нибудь длинноногой выскочке.

Может быть, поэтому она прошла первый тур, а затем и второй. Да, юная особа была девочкой из резерва, списка в который включают детей с немного недотягивающими физическими качествами, но хорошей техникой. Ведь в итоге она из резерва все же попала в Академию.

В день заселения в школу интернат, Надя собрала свои вещи, поцеловала брата, сестренку-младенца, обняла маму, страшно гордую своей дочерью поступившей в Академию

классического балета. И ушла, чтобы потом уже никогда не видеться со своей семьей, которая не занимала места в ее сердечке. Даже звонок умирающего брата через много лет не смог этого изменить, правда, к чести балерины, она не оставила мальчишку в беде.

В Академии было по-всякому. Были хорошие дни, когда прыжки казались идеальными, а прогибы достигали нужной глубины, когда соседки по комнате казались дружелюбными, делясь домашней выпечкой, припрятанной при обходе, но были сумрачные, когда Петька не писал, ее наказывали за безалаберность, девочки, собравшиеся в дружные стайки, не принимали в свои ряды молчаливую Моль, которая любила говорить сама с собой, а воскресенья проводила в классах, оттачивая движения.

Зато, как ни странно, ее любили животные. Наверное, чувствовали в ней такое же безгласное смирение и ластились к ней поэтому? Овчарка Тузик, лежащий у ворот, любил засунуть голову ей под мышку да так и лежать, наслаждаясь тем, что она чешет ему за ушком. Пес счастливо лаял, едва девочка подходила к ним, но других он не признавал, сразу скалился и вставал в боевую стойку.

Еще Надя подружилось с Мусей, кошкой «нанятой», чтобы охотиться за мышами, которых в подвалах старого здания было много. Кошка была такой же странной, как и Надя, хищница была трехногая, от чего нисколько не уступала в ловкости своим четырёхглавым сородичам, а еще она люби-

ла моченый черный хлеб, для мышинной охотницы не было ничего лучше, чем размоченная в молоке горбушка черного хлеба, пододвинутая к ней на блюдечке маленькими Надиными ручками. А в благодарность за заботу, кошка девочке пела свои мурчательные песни, похожие одновременно на рычание сытого льва и на звук заводящейся машины. Муся, в отличие от Тузика, на руки не лезла и морду, куда ни просят не засовывала, кошка терлась о ноги, из-за чего потом пришлось перед занятиями смывать ее белую шерсть с гетр или колготок.

Но самым экзотичным питомцем девочки была ящерка – Горыныч, устроившая себе жильё под служебным крыльцом, где летом всегда было солнечно, а зимой достаточно тепло и безопасно. Вернее, ящерка по ее собственному мнению была сама по себе, а девочка была внешним раздражителем, пар раз спасшим ее от нападения мальчишек, вырвавшихся на волю и стремящихся разнести все вокруг. Но девочка все же считала пресмыкающееся своей питомицей и приносила ей личинки тли или муравьев, когда приходила к служебному корпусу, чтобы отдохнуть. Место это было тихим, безветренным, а главное, не особо популярным. Здесь не стояли скамейки, качели или лавки, как во дворе их корпуса, который очень нравился ее одноклассникам. Ей же комфортнее было здесь, среди неухоженной травы, плешивого двора, истоптанного ногами рабочих и технических работников, рядом со старым тополем, обнесенным хлипким забором, пе-

релезть через который было вовсе не сложно.

Поэтому Надя лазила и через забор, и на дерево. Куда угодно, лишь бы не чувствовать себя худшей, ущербной или недотягивающей, которой она себе казалась в обществе ребят.

Опять же, ее никто так не говорил, никто не смеялся или не издевался. Она была для них как человек, которого легко не заметить или проигнорировать. Иногда правда мальчишки пытались подшучивать над ней из-за чего были награждены в лучшем случае тяжелым убийственным взглядом, а в худшем – крепкой затрещиной от которой еще долго звенело в ушах.

Такое отношение сохранилось до самого выпускного, даже когда они, уже совсем взрослые, сидели за праздничным столом и пытались хоть как-то поговорить с Молью, которое перед самым выпускным получила странное письмо с шестью марками, а долго беззвучно плакала у себя в комнате, чем испугала соседок, никогда не видевших ни единой слезинки на ее лице за все эти шесть лет.

В тот вечер Надя сидела с потерянным видом, но отчего –то, нахождение в компании не казалось ей такой уж пыткой, как раньше, напротив она была не прочь пошутиться с девчонками или даже выпить припрятанного алкоголя с парнями. Но нет, она просто сидела и смотрела на расплывающиеся по стене цветные блики, напоминающее крылья пойманной оранжевой бабочки. Сегодня Надя смотрела на

свое платье, как на что-о далекое и забытое.

Правда до сих пор остался след от помады на самом краешке правого рукава. Это было не важно, потому что времени катастрофически не хватало, приходилось надеется, что она не поправилась и платье благополучно сойдется на спине.

И да, платье сошлось, оно было даже слегка велико, поэтому плечи пришлось прикрыть палантином, подаренными коллегами на день рождения.

Уже сидя в метро накрашенная и разодетая Надя выдохнула, поняла, что сильно она на мероприятие не опоздает, разве что на пару минут, но это не фатально. Сейчас же можно было смотреть на экран безмолвного телевизора, установленного в вагоне метро. Там говорили про юбилей путешественницы, восьмидесятилетней женщины, которая в одиночку обогнула на простые лодки все черноморское побережье. Говорили, что Светлана, пережившая в детстве страшные события, впоследствии стала картографом, а потом и заядлым путешественником. Показывали детские фотки девочки, где ей было лет шестнадцать и она, светловолосая красotka в длинной, почти монашеской юбке, стояла в обнимку с двумя мальчиками с удивительными глазами, которые должно быть, были ее братьями или хорошими друзьями. Надя долго смотрела на эту, теперь уже бабушку, и думала о том сколько же она прекрасных мест увидела в жизни? Скольких людей поведала? И как же ей было тяжело выйти

из своей зоны комфорта.

Надя ей завидовала. Но долго ее печальные размышления не продлились. Потому что объявили необходимую станцию, на которой следовало выходить и очень сноровисто двигаться к выходу. А на высоких каблуках это было далеко не просто, даже с учетом того, что каблуки это были широкие, и устойчивые, а не столбики-спичками, на которых грациозно перемещаются большое количество москвичек.

Балерина так запыхалась, что в театре даже не могла сформулировать свое желание купить программку, а потом найти деньги, все по той же причине. Но курчавый парнишка в нелепой фиолетовой бабочке подарил ей брошюру совершенно бесплатно, а потом еще и улыбнулся, как-то искреннее и почему-то очень по знакомому. Настолько, что на Надю напала паника, с которой она надеялась расстаться уже много лет. Но, как было видно, этому не судьба было случиться. Хорошо, что таблетки от панических атак всегда лежали в сумочке.

За одну минуту и четыре часа без трети часа до...

«Гордость так и останется голодной, когда смирение всегда найдет чем набить брюхо»— говорил давным-давно дедушка маленькому Владимиру, плачущему из-за недовольного и вечно требовательного отца.

Эти слова так и остались его девизом жизни и по сей день. Только вот о правильности этого сейчас почти сорокалетний мужчина задумался. Почему он должен бежать, прислушиваться к каждому слову других, почему не должен совершать то, что нравиться именно ему и обязательно так, как он хочет. Что еще им надо, как именно он должен поступить, чтобы наконец доказать отцу, что он тоже человек с гордостью и достоинством, которое не хочется каждый раз соскребать с пола. Что заставило вдруг задуматься? Наверное, прошло пришло время стать личностью и не сливаться с другими более сильными людьми. Но это завтра, а сегодня он еще отсидится в театре, выжидая непогоду, творящуюся дома.

Володя всегда был чересчур осторожен и даже трусоват, но в его ситуации это было его супер-способностью, потому что будь он нахрапистым и вечно недовольным сыном, его бы отправили куда-подальше. Но он рос прилежным, послушным и воспитанным, немного лицемерил, ради своей выгоды, но всегда в разумных пределах. Отец, уже тогда светоч нейрохирургии считал, хорошие оценки- само собой разумеющиеся, данное его детям с рождения. Мама просто гладила сына по головке и уходила в свою мастерскую, где с утра до ночи рисовала, клеила и лепила, после того, как ее уволили из больницы из-за халатности, инцидента, умело замятого дедушкиными юристами. А вот его дедушка, глава больницы и заместитель министра здравоохранения, едва приходя домой всегда интересовался успехами внука, своего

любимого из трех. Однажды, когда благодаря великому чуду и невероятному везению Володя занял первое место в олимпиаде по истории дедушка сказал:

– Проси Володя все, что хочешь. Всю, что хочешь куплю.

И Володя, тогда боготворивший футбольный клуб Спартак сказал, вернее выпалил не подумав.

–Хочу увидеть Спартак.

Вот примерно так, они с дедушкой вместе и пошли в театр, ценителями которого оба не были, да так впоследствии не стали. Но то чувство спокойствия и защищенности так и впиталось в Володю, превратив театр в безопасное место.

После балета, который они, к слову, смотрели в Большом, Володя все же проговорился деду, что хотел увидеть все же Спартак, а не мужчину в обтягивающий шортах, подпрыгивающего на сцене. Дедушка долго смеялся, им даже пришлось присесть, настолько долго старичок не могу успокоиться. И тогда дедушка сказал еще несколько слов, значащие очень много для Володи

– Если ты такой тихий- значит ты точно не можешь быть таким плохим человеком, как я.

Дедушка закурил, и отвел взгляд от внука, в недоумении глядящего на него.

– Нельзя продать свой талант, даже если за это предложат пожизненное содержание. Никогда не продавай свои руки, а тем более свою голову. Главное- не продавай свое сердце, даже если благодаря этому у тебя могут появиться такие хо-

рошие внуки, как ты.

Фраза так и осталась для четырнадцатилетнего парнишки загадкой, правда, ровно до тех пор, пока он не услышал эту историю от сестры, которой предстояло повторить судьбу бабушки.

– Ну и что, что я не особо умная. Все женщины в нашей семье такие. Поэтому, Вовчик, они нужны для одного- составить удачную партию с гениями медицины, которых присмотрит отец. Думаешь, как наш дедушка из нищей киргизской деревеньки, едва сводящий концы с концами, смог жениться на бабушку из-за большой любви? А папа, парень без прошлого, документов, лишь с одним именем смогли разжиться такими деньжищами? Ты наивный, если считаешь, что все это счастливая случайность. Вот так и меня выдают, виданное ли дело, восемнадцать лет за какого-то менеджера от медицины. Хотя, наверное, теперь главой семьи станет брат? Или может ты, деточка? Да не расстраивайся, тебе такое точно не грозит, какая из тебя польза.

Этот разговор состоялся буквально через несколько дней после того, как выяснилось, что Володя поступил в первый медицинский институт и еще через месяц после смерти дедушки. Ему некому было рассказать о своей радости, о своей гордости. Впрочем, говорить много – удел не сильных, а глупцов. Еще ода фраза, в этот раз принадлежащая отцу.

Вот и сейчас, находясь в красивом, по необычному современной зале, Владимир молчал, стараясь сохранять отре-

шённость и спокойное выражение лица. Рядом с ним сидела импозантная пожилая женщина с внучкой-подростком, глядящая на окружающее ее великолепие горящими от восторга глазами и периодически что-то невероятно замечательно общала бабушке. Бабушка ее вооружилась театральным биноклем и по-деловому осматривала стены и потолки, придвинув окуляр к глазам, пожилая женщина периодически кивала девочке, которая с каждой минутой отвлекала ее все меньше и меньше и грустнела на глазах. Такая ситуация была знакома мужчине, но он молчал и лишь сочувственно поглядывал на девочку, становившуюся чернее тучи. Почему близкие люди не видят того, насколько сильное влияние на ребенка оказывают их слова, носящие в себе малюсенький оттенок раздражения или недовольства. Для этой женщины сейчас раздражение сойдет на нет, а девочка навсегда запомнит, что лишний раз лучше не отягощать бабушку своими проблемами и, когда та бабушка будет рада ее выслушать и успокоить, внучка просто замолчит, уйдет в себя и, не дай бог, не вернется обратно.

– Простите, можно я пройду. – произнесла девочка-тучка, пытаясь выйти уйти со своего места.

Она была одета в темную юбку, должно быть часть школьной формы, и зеленоватую блузку с большим бантом на груди, добавляющего ей возраста. Девочка не была красивой, а ее несимметричное рыбе лицо скорее могло внушить неприязнь, чем симпатию, но вот походка у нее отлич-

чалась грацией, а ровная, и расправленная спина добавляла ей еще несколько очков в глазах встречных. Владимир почему-то ассоциировал себя с девочкой и находил, что он слабее этой гордячки, умеющей преподнести себя так у свои тринадцать лет. А тридцатипятилетний зрелый мужчина все еще не может смело смотреть людям, встреченных на улице, в глаза, потому что стесняется. И кого же? Да себя. Своей неуклюжести и некрасивости, своей обычности и отсутствию таланта? Нет, того, что любой встречный гордится собой, а он- нет.

Единственное место, где доктор не чувствовал себя ничтожеством была операционная, где Володя, превращался во Владимира Сергеевича, и под его руководство сразу же поступали несколько человек, помогающих в операции. Или они были сами по себе и только ему казалось, что они подчиняются его словам?

Зазвонил телефон, задавая протяжную мелодию сродни расстроенному фортепиано, это значит, что звонила Неда, его жена. Похоже именно ей поручили искать Владимира для сегодняшнего ужина. Ну, что же ей оставалось только позавидовать, потому что ей мужчина бы ни ответил, даже звони она с того света.

На самом деле о Владимир уже не злился на нее, как раньше. Настоящий гнев, испепеляющий душу, прошел после первых двух лет, оставив на своем месте безразличие и сожаление, из которых со временем выросли сожаление и жа-

лость. А ведь все очень хорошо начиналось, тогда, еще зеленому ординатору, казалось, что он нашел свою любовь, такую, о которых пишут в готических романах, являющиеся его любимыми из всей художественной литературы.

Неда Демидова была лучшей на курсе, если ни во всем университете, да, возможно она не была красавицей и не соответствовала пределу мужских фантазий, но она была сильной и, что ценил в ней Владимир, смелой. Короче, полной его противоположностью, исключая разве только что учебу, в которой он ее не уступал, а иногда, по его скромным подсчетам, даже обходил. Девушка обладала той интересной смесью ума и колкости, которые не позволяли вытирать о нее ноги одноклассникам, но и внушали другим симпатию и даже интерес.

Пересеклись Володя и Неда впервые на врачебной практике, когда и друженько, в количестве двенадцати человек, повели на вскрытие, где ей, как бы это странно не звучало, стало плохо. Едва завидев и ощутив не очень чистое тело, да и соответствующий сладковато-кислый запах умершей плоти, девушка переменила в лице и, как в замедленной съемке, начала опускаться на пол, где почти у холодных плиток ее подхватил расторопный Володя, чувствующей себя прекрасно в подобных обстоятельствах.

Ей, как и еще паре девочек, дали понюхать нашатырь, но ближе к телу Неда так и не пошла, спряталась за спину Володи, из-за чего у него от счастья даже мурашки бегали по

коже от каждого ее вдоха.

– Прости, ты разве с нашего потока, – спросила она его потом в лоб, едва они вышли из больницы, где проходили практику.

– Да, вот уже второй года, – ответил он, опустив взгляд, отметив при этом что у нее удивительно стройные и красивые ноги.

– А ты можешь дать мне свой телефон? Вдруг мне еще когда-нибудь плохо станет, ты же мне поможешь? – улыбнулась одними глазами Неда, протягивая ему обратную сторону трамвайного билета.

– Да. – только и сказал он.

Потом за это слово он себя корил, когда завязались их странные непонятные ему отношения – хвалил, а когда все разлетелось в микроскопические осколки, не поддающиеся реставрации- ненавидел.

Ну а пока что, Двадцатиоднолетний Володя был счастлив, что с ним рядом Неда с ее длинной, почти что во всю спину косой, заплетённой в четыре прядки, интересным финским способом, который ее показала мама. Сладкие солнечные летние дни слились для него в единый всплеск света, пахнущий потом, зноем, дешевыми духами и печатными страницами ее учебников, которые были повсюду в комнате, которую она снимала. Тогда Неда еще была веселой, озорной и немного старомодной девушкой, утверждающей, что замужество, и только лишь оно, позволит ему на всех основаниях

с ней спать, а без него- ни-ни. Причем это Неда сказала ему в первый же визит к ней.

Далеким прошедшим лето парень был счастлив, наслаждался каждой моментом и каждой секундой, проскакивающей мимо него, казалось, что все закончилась. Череду вечных депрессивных мыслей и вселенской тоски оставила его, одиночество ушло в глубокое подполье, уступив место влюбленности, дарящей веру в лучшее. Постепенно день за днем Неда стала частью его мира, а позднее-его центром, вокруг которого маленькой планетой вращался Володя.

И в начале следующего учебного года они поженились. Странная парочка, состоящая из амбициозной девушки с далеко идущими перспективами и высокого, но невысоко мыслящего паренька средней руки, который в этой девушки души не чаял. Ну, по крайней мере, так считали ребята с курса, подтрунивающие над молодоженами еще ни один год, проведенный за партами. Да какое до них тогда было дело? Главное, что она ему изредка улыбалась, отрываясь от написания аккуратных лекций.

Но, как не печально, но счастье не может длиться вечно и на последнем курсе, Володе открылась невеселая правда, очень сильно его расстроившая. Неда обладала взглядами, совершенно противоречащими его, то есть они были совершенно разными людьми, стремящимися к разным целям совершенно разными способами. Парень мечтал о спокойствии и гармонии, о семье, где все бы друг друга любили, о

небольшой даче, где бы они все вместе капались в землю, высаживая цветы и овощи, или отдыхали под ветками старой яблони, оставшейся от прошлых владельцев. Неда же стремилась к чему-то высокому, вернее к высотам в карьере. Мечтала разработать новые способы оперирования на детском сердце и в целом отдавать всю себя работе, хотела стать уважаемой, известной, лечить детей, как в Европе или даже лучше. Но самое главное, что девушка ему потом сказала- не хотела замуж. Но тут появился Володя, такой добродушный рохля, и она подумала, что это очень хороший способ удержаться здесь, а когда ее подружки поведали девушки из какой он семьи- она не задумываясь согласилась выйти за него, ведь он так настойчиво просил.

И где же они оба сейчас? Неда Елизарьева Елисеева – работает в огромном деском центре, часто участвует в медицинских телевизионных передачах, пишет учебники по медицине и живет на работе. А Володя просто ровно работает, ровно живет, стараясь никого случайно не задеть, так старается, что даже не разводится с женой, которая попросила его съехать из собственной квартиры. Он надеется на чудо, которое может никогда и не произойти, но кто-то очень верит в то, что все препятствия сгинут, как когда-то случилось у его любимой Джейн Эйр.

– Ало, да Неда. Передай всем, что я в театре, сегодня никуда не приду. Что? Это слишком дорого мне обошлось, чтобы я мчался на их лживый праздник. А ты развлекись, по-

говори с родителями, может быть какие программы устроишь между больницами, – спокойным тоном произнес Володя, стареющий не показывать раздражение и злость в беседе с женой.

Едва он положил трубку, как прозвучал третий звонок. Люди медленными ручейками расходящиеся по залу стали двигаться быстрее, от чего звук каблучков и шарканья ботинок стали менее разборчивы и более смазаны. Суматоха наводнила зрительный зал.

Вернулась запыхавшиеся девочка-соседки со слегка помятой блузой и более радужным настроем. Ее бабушка отложила бинокль и, сложив на коленях руки, обтянутых синевато-серой кожей, приготовилась наслаждаться постановкой.

Свет начал медленно, словно кто-то по чуть-чуть закрывал кран, гаснуть, наполняя помещение тенями, судьбой которых было слиться с черной стеной и полом, для того чтобы все, что представлено на сцене воспринималось неискушенным глазом простого зрителя с большим восторгом, интересом.

Едва темень плотной сетью накрыла зал, тяжелые бордовые шторы, все еще сохранившиеся здесь как атрибут традиционного театра, медленно раздвинулись, обнажив беззубую пасть сцены, раздалась несколько напряженная, тревожная музыка, предвещающая начало шоу. Спектакль начался.

Легенда о цене одной жизни

– Ну ты представляешь, малыш. Они меня, заслуженную артистку России, не признали. Не хотят без очереди пропускать, выделите здесь вам не благотворительный фонд, чтобы пропускать вперед всяких разных сомнительных бабушек с театральным прошлым. Я им и говорю, что, если они меня не пропустят, я пойду на них жаловаться, но, видимо напугала я этих девочек, что не знают своего дела как следует и не признают кого, следовало бы. Вот поэтому я здесь сижу, жду приема у твоей матери. Как говоришь тебя зовут?

– Гелька,

Элона Павловна. – ответил ей уже знакомый нам мальчишка из приемного покоя больницы

– Вот, видишь. Даже ты меня правильно, по имени отчеству называешь, а они. Ну что за люди. Куда мир катиться?

– Туда же, куда и всегда. – изрек глубокомысленную фразу ребенок и вновь погрузился в книгу.

– Что за книга, малыш, опять небось ваши современные бредни про героев и злодеев обтягивающих костюмах?

– Нет, это сказки. Самые обычные сказки. А вы знаете какие-нибудь редкую, такую, которой еще нет в моей коллекции.

Экстравагантная бабуля ненадолго задумалась, но потом, просяив от радости, утвердительно закивала.

– Есть у меня одна сказка, мне ее брат покойны часто рассказывал, когда я к нему приезжала отдыхать летом. А он, между прочим, археологом был, древние города раскапывал. Вот эта история, по его словам, и произошла в тех далеких местах, где жили люди до того, как перебрались в Херсонес.

«Был тогда сложный, неурожайный год, не росла ни пшеница, ни финики на плодоносных пальмах, ни оливки, ни тоже теплолюбивый виноград. Грозил всеми государству голод, страшный и мучительный, растянувшейся должно быть на несколько сезонов.

И не было во всей Греции более несчастного человека чем Артаксекрес, правитель приморского города Пилос, что стоял на страже морских просторов Греции, оправдывая свое название. У правителя умерла любимая жена Лето, которая была светом его жизни и радостью всего города, который ее очень любил. Плакал владыка, укрывшись в своих роскошных покоях, убивался дни напролет, молил всемогущих богов о возвращении его любимой. Но боги должно быть не смотрели на царя, да и на всю Грецию, потому что слишком много страданий было, слишком отвратительно было и, небожителям не желали опускать свой взор на столь ничтожных людей, копошащихся в засохших полях.

Еще долго упивался свои горем Артаксекрес, если бы не пришел его советник и друг, философ Филандер, что всегда подавал ему верные советы и никогда не оставлял в беда.

– О, Небопоставленный, умерь свою печаль. Не время го-

ревать по мертвым, надо бы подумать о живых. А живых, мой Повелитель, в твоих землях осталось не так и много. Ужасный голод был ниспослан богами на наши плодородные и счастливые земли, он уносит десятки твоих подданных в загробное царство. Нельзя, мой Грозный господин, дать людям погибать, если это не приведет к закату Пилоса, то может привести к свержению правителя, да не случится это никогда.

Артаксекрес поднял на своего советника глаза, в которых все еще плескалась печаль и решил последовать совету философа. Помнил правитель о наказе своей прекрасной жены, кое она произнесла на смертном одре, прежде чем пойти в послушнице к Деметре.

– О солнце моей жизни, провинились я перед тобой, о солнцеликий. Не привела в этот мир наследника, что занял бы твое место. Лишь ничтожная дочь теперь будет напоминать тебе о нерасторопной жене. Но, Повелитель дня, прошу тебя исполни последнюю просьбу умирающей. Знаю я, что дорого сердцу твоему, владыка. Но прошу, не гневи богов своими просьба и не горюй обо мне очень долго. Молю тебя- не отворачивайся от своих подданных, уходя в печаль, не заливай свое горе терпким вином, не погрязай в наслаждениях. Прочту тебя, позаботься о Пилосе, словно он мой сын, пускай люди напомнят тебе обо мне, а я буду иногда смотреть на тебя, мое Сердце. И, надеюсь я, не скоро мы еще встретимся.

И умерла она, затихнув на своем царском ложе, такая же прекрасная, как и при жизни.

—Что же, Филандер, услышал я тебя. Твои слова разжало-били мое беспокойное сердце. Готов я услышать и глас угне-таемого голодом народа, да вот только, не должен слышать я его голос. Должен сразу своими действиями помогать ему. А как бы сделать это, мой друг, я и не знаю. Не дано мое-му уму постигнуть сею проблему, коя коснулась людей мо-их. Филандер поклонился своему повелителю и, приклонив голову, заговорил.

— Я, Могучий повелитель, подумал об этой проблеме, коя ломит спину матушке-Греции. Но, даже моего разума не хватило на это. Поэтому, о Солнцеликий, прошу, призови к се-бе еще двенадцать мудрецов Пилоса, кои помогут тебе, из-бавить твои владения от напасти.

Как повелел мудрый Филандер, так и было исполнено. На следующий день в Блистательный дворец, что стоял недале-ко от берега Ионического моря стали подходить мудрецы со всех сторон земель, подвластных Артаксекрес.

Это были и глубокие старцы с спускающимися до земли звёздчато-седыми бородами, и крепкие мужчины, что чер-пали знания в далеком Египте, и юноши, унаследовавшие знания от отцов-прорицателей. А вот, когда солнечный диск начал опускаться, чтобы в очередной раз прорезать водную гладь, собрались двенадцать мудрейших людей Пилоса око-ло трона царя сего города и начали они думать, как бы спра-

виться с ненастьем.

– О, Грозный правитель приморского города, позволь мне, Софосу, старейшему из собравшихся, молвить слово. Говорю я тебе то, что получил в ходе вычислений, сделанных в своей скромной обители. Чтобы выжила добрая половина от жителей твоего города, необходимо четко, в равном количестве разделить зерно между жителями, будь то раб или дворянин. Зерно надо забрать из каждого двора и разделить, тогда, я даю голову на отсечение, выживет больше половины жителей.

Правитель недовольно вскинул бровь. Это были слишком большие потери для города, необходимо было сократить количество жертв.

– Что скажете же вы еще, о умнейшие.

– Я господин мой, учился ученых, там, в вечном Египте, у меня остались друзья, готовые дать нам вино и еду в обмен на рабов, которые мы им предоставим. Думаю, если продать достаточно прекрасных черноволосых девушек, которыми так славится Пилос, то можно обойтись и четвертью от населения, потерянного из-за нужды.

Вновь грозный Артаксекрес стал мрачнее тучи. Не хотелось правителю терять прекраснейших из дочерей своего города, меняя их на золотое зерно.

– Мое имя Линос, Всемогущий. Я наследник великого прорицателя, который отправился по великой реке Стикс прошлым леток, выдавшимся горьким для нашего рода. Я

обратился к богам и спросил у них, что они хотят от избавления от голода. Деметра, что является покровителем нашей семьи, открыла мне эту тайну. Она расстроит тебя повелитель. Боги хотят обменять жизнь всего города Пилос на одну. Жизнь, которая, по их мнению, стоит дороже всего для тебя, о Всемогущий. Мудрейшие боги, требуют, чтобы на жертвенный алтарь в храме Зевса была возложена твоя единственная дочь Элпида.

Артаксекрес посмотрел на юношу, принесшему ему столь ужасную весть и велел всем им выйти вон и оставить его одного. Мучился государь, размышляя, что важнее, благодать народа или жизнь его ненаглядной дочери, которая осталась единственным лучиком в его сумрачной жизни. Стоит ли благополучие незнакомых людей жизни родного человека? Или же твоя жизнь и жизнь твоей крови никогда не сможет приравняться к жизни посторонних? Почему чья-то жизнь должна идти в расплату за другие?

Этого не знал мудрый правитель Пентоса, но решение ему принять все -таки пришлось, как бы тяжело это ни было.

– Приведите ко мне Элпиду, – приказал он рабыне, что стояла у входа в тронный зал.

И незамедлительно к нему привели его пятилетнюю дочь, прекрасный цветок, что смог расцвести лишь в Блистательном дворце.

Девочка, которая все еще не могла смириться с мыслью, что ее мать отправилась в царство теней, несказанно обра-

довалась тому, что ее привели к любимом отцу.

– Отец, – звонко закричала девочка и бросилась ему на шею, – ухватив при этом мужчину за пышную бороду.

Малышка удобна уселась на широких коленях отца и, подняв на него светлые, как горная река, глаза, улыбнулась.

Артаксекрес грустно улыбнулся девочке, которая сейчас напоминала Лето каждой чёрточкой, и привлек ее к себе, чтобы обнять.

– Прости меня, свет моей жизни, – сказал отец и бережно проткнул дочери сердце, приготовленным заранее кинжалом.

Хладное тело девочки он вынес к мудрецам и повелел им совершить обряд в храме Зевсе. Сам же он отправился в сад, где долго сидел у кипариса, где не обсохла земля на могиле жены.

Через пару часов пошел живительный дождь. Боги смиловались- подарили людям жизнь. А когда он закончился, царские садовники нашли в саду владыку с воткнутым в грудь кинжалом.»

Заслуженная актриса закончила свой рассказ и посмотрела на Гельку, от которого, должно быть, ждала аплодисментов.

– А как бы вы поступили на месте царя, – задал ей наивный вопрос ребенок.

– Я бы ни за что не убила себя, а дальше так бы и правила процветающей страной. Зачем такие жертвы, – ответила

женщина, припудривая лицо.

–Но, я думаю, что даже одна жизнь, для кого-то может стоить больше, чем все другие. Но в это же время все другие перевешивают одну. Вы вообще не верно толкуете эту сказку. Она ведь о невозможном выборе, а не о счастливом конце.

– Что за невоспитанный дети пошли, еще учат взрослых. И вообще, как хочу, так и рассказываю – произнесла она, заходя в завитый кабинет.

Глава 3

За одну минуту и три часа до...

Безупречный танец заставил Надю буквально онеметь от восторга, настолько виртуозно он был исполнен безымянной танцевальной группой. Молодые люди танцевали, словно они были рождены не для того чтобы жить, а, чтобы гнуть-ся под ветром музыки, который заставлял их извиваться подобно воздушным змеям под напорами воздуха. Это был современный танец с малюсенькими, почти незаметными элементами классической школы. Но когда Нади удавалось поймать частички таковых движений, в душе поднималось теплая волна гордости, переполняющая девушку. Еще мгновения- она побежит с ними, изображать современное общество, задорно отчеканивая чечетку и кружа в вальсе с коллегами.

Песни, подобно танцам действовали на девушку благотворно, как валерьяна на сон. Надя качалась на волнах покоя, иногда от удовольствия закрывая глаза, действительно представляя себя на море, на котором никогда и не была. Маленькой девушка представляла, как они с мамой будут плескаться в лазоревой воде, а папа будет удить рядом серебристую плотву, так вкусно пахнущую в готовом виде. Но у папы

прихватило сердце, видимо пришло его время, ведь ему уже тогда было за пятьдесят. Мама же, еще совсем молоденькая танцовщица явно не горела желанием ехать на море, да и какое ей море. Она мечтала о спокойствии, которое по ее же убеждениям, мог дать только крепкий мужчина.

Наверное, надо было ехать на теплое море, чтобы качаться на воде вместе с белохвостыми чайками и постигать законы мира, что вокруг. Но тогда мама постигала законы мира с очки зрения выгоды. Они переезжали три раза. Но каждый раз она не ехала в конкретный город, а бежала из предыдущего, где оставляла очередного мужчину не соответствующему определённым требованиям. Любила она, по мнению Нади, только отца, по которому плакала в годину смерти и даже ставила свечку в местной церкви. А другие? Веселый любитель спиртного из Новосибирска оставил о себе на память лишь сын- Борю, ревнивец – ультиматист из Петербурга наградил Надину маму парой шрамов и дочкой. И вот сейчас, сейчас, пройдя огонь, воду и медные трубы мама живет счастливо с каким-то старичком-предпринимателем, обожающим ее и собак. Стоило ли ради этого не ехать на море?

Надя задремала. На сцене стихла музыка и все ненадолго замерло, казалось, что тишина имеет плоть и кости, которые в эту безмолвную минуту соединяются воедино, чтобы впоследствии поглотить весь зал, сердце каждого, и опустить его в непроглядную черноту, в которой нет ничего. Но, внезапно завибрировал телефон, сидящего с ней рядом человека. Ти-

шина осколками битого стекла посыпалась девушки на голову, желая ее проглотить.

Вновь зазвонил телефон и тишина молниеносно схлопнулась в ничто, словно и не напознала на Надю.

Парень виновато кивнул ей и отключил телефон, но перед этим успел прошептать что-то звонившему, отчего его лицо осветилось, на мгновение, то самое, когда он улыбнулся. Улыбался он красиво, каждой клеточкой существа: морщинками вокруг рта, взъерошенными кудрями, слегка вздёрнутым носи, звездочками ресниц и глазами, состоящих из разнокалиберных колец радужки.

На Надю снова напала паники. Словно показалась, что над ней что-то весит и хочет съесть. Опять, Петя кричит ей что-то.

Девушка не хотела это слышать, поэтому закрыла уши и, приобняв колени, наклонилась. Обычно это помогало прогнать страх, который накатывал и накатывал жирными горячими волнами, заставляя дрожать руки и даже ноги, приколотые к земле тяжелыми туфлями.

До нее что-то дотронулось. Сейчас – минута. А ее нет. Она провалится в пасть зверя и уже никогда не услышит звуков этого мира. Кто-то уже не держал ее за плечи, а тряс, пятнаясь разбудить.

Надя открыла глаза, в зале горел свет. Должно быть объявили антракт, заставивший людей размять ноги и затекшие спины. А тряс ее за плечи улыбчивый парень в фиолетовой

бабочке, подарившей ей программку по доброте душевной.

– Вам плохо, девушка. Может быть врача? Нашатырь, – говорит он как-то заторможенное, будто в замедленной кем-то съемке.

Надя смотрела на него. Когда он не улыбался, то был самым обычным, слегка худощавым парнем с большими глазами, взирающим из-под густых бровей. Неужели опять ее привиделось что-то там, где ничего вроде бы и не должно было быть.

– Вот, если у вас сердце, – протянул ей внимательный парень половинку какой-то таблетки.

Надя отрицательно замотала головой и полезла в свою сумочку, где на дне лежали заветные успокоительные таблетки, которые, почему-то не действовали на нее сейчас в том порядке, в каком бы хотелось.

Руки дрожали, но даже несмотря на это, пузырёк был извлечении, и пара таблеток отправилось исполнять свою задачу. Девушка облегченно откинулась на спинку кресла.

– Простите, молодой человек, кажется, я сегодня доставила или еще доставлю вам проблем. Это все нервы, знаете, бывает у меня такое, – устало произнесла одна.

Юноша встряхнул головой и бодро произнес, внимательно глядя на Надю.

– Доставит проблем, это знаете, очень непростая задача. Проблемы обычно доставляют на работе, ну в крайнем случае дома, а в театре обычно доставляют все и куда угодно,

только не их. Вы не думайте, только... А вдруг вам снова стане плохо. Давайте вы сразу их доставите и выпьет, а то я не переживу если со мной рядом от удара умрет такая красивая девушка.

Надя сначала удивилось его разговорчивости, а затем и вовсе растерялась от слов паренька.

– Да, что вы. Я не хотел вас смущать, понято же, что вы пришли сюда с молодым человеком, ведь у такой девушки он наверняка есть? А я его место занял, вы уж простите. Хотел очень посмотреть постановку, а у вас здесь и проход рядом, я уйти всегда успею, едва он придет. И вообще, даже не думайте краснеть из-за моих слов, я искренне, от всего сердца, – попытался убедить ее засмущавшийся мальчик-билетер.

– Он не придет, можете сидеть здесь, хоть весь спектакль. Только не надо врать, ложь не красит никого, а тем более таких молодых. Красотой здесь и не пахнет, я же все понимаю. Это входит в ваши обязанности? Или может быть за тактичное отношение с посетителями вам доплачивают, – напускно цинично сказала Надя.

– Ха, да сто раз доплачивают. Хоть бы из театра не выгнали, и то было бы прекрасно. Денег, будьте спокойны, я не увижу даже за свои прямые обязанности, а уж за доброту в нашем театре вообще не платят. А красота, это дело такое. Субъективное. Вот по-вашему, Наташа из «Тихого Дона» Герасимова красивая? Мои одноклассники за более яркую красоту, как у Аксины. А мне Наташа кажется краси-

вой, вы на нее очень похожи, только сами об этом не знаете, – просто и искренне заверил ее паренек.

Надя улыбнулась. Максим бы стал ей читать ей нотации, про отношение к себе и принятию себя, все бы раскладывал по полочкам. А этот- аргумент и готов. Улыбается. Надя рассмеялась, даже не веря тому, что так просто можно расправиться со словами, которые причиняют ей такую боль.

– Вы очень правы насчет добра. Спасибо вам за заботу, это очень приятно, когда ты для кого-то не просто тело, которое мешает проходу. А вы выходи студент-режиссер? – все еще улыбаясь спросила Надя.

– О, личные темы, пошли. Думаю, стоит хотя бы представить, чтобы не выкатать после каждого слова. Меня зову Вячеслав, но это слишком пафосно. До такой чести я еще не дорос. Зовите Славиком. Нет, я учусь на актёра, ну знаете, чтобы похлеще Глебова Гришку отыграть когда-нибудь. Правда, не буду кривить душой, вы, ой. Ну вот опять выкаю, – парень рассмеялся, – ты не любишь этого. Я сейчас в академическом отпуске. А из него, кто знает вернусь на учебу или нет.

Надя еще раз посмотрела на юношу, который буквально изливал душу перед первой встречной. Должно быть ему действительно тяжело, если он говорит и говорит.

– Ну чтобы, ты не выкал. Меня зовут Надя, для пафосной Надежды я может и выросла уже, да все еще не люблю, когда так называют. Мне кажется, ты рожден чтобы быть актером, слишком ты открытый для еще какой-либо профессии. Тебя

бы в жизни уже раз 100 осудили бы за тот поток информации, который ты ввалил на незнакомого человека, многим старше тебя.

Славик смутился и вновь посмотрел на ее руки, подтверждающее, что девушку надо бы называть женщиной.

– Только вот язык не поворачивается. Можно считать вас старшей сестрой на сегодняшний вечер, вы не против? Вы мне почему-то нравитесь, в очень хорошем смысле слова. Может быть я когда-то вас видел. Вы не выступаете на сцене? Может быть вы актриса и снимаетесь?

Надя обомлела и заплакала. Сама даже не поняла почему, слезы сами брызнули из глаз. Эти слова были один в один похожи на другие, а еще, ее, артистку массовки, в кое-то веки кто-то узнал.

– Я не актриса. Я балерина, только не особо и знаменитая. Знаете, театр, что недалеко от Пушкинского сквер, я там танцую. Правда однажды, лет пять назад я танцевала там ведущую партию...

– Вы были богиней погибших невест? Я не помню, как вас звали. Но я видел вас. Мы тогда с бабушкой только приехали в Москву. И она меня потащила в театр, чтобы я образовывался. У вас еще цветы в волосах были и корзина в руках, я же не ошибаюсь, – прошептал парнишка.

– Да, -выдохнула Надя. Такого совпадения просто не могло быть. Он виде ее один-единственный раз. Но запомнил. Ее- белую Моль. Запомнил.

– Да что же вы плачете. Не пугайтесь, ради бога. У меня хорошая память, очень хорошая, особенно на лица. Я тогда весь спектакль запомнил, все его части. Хоть сейчас рассказать могу. Я не маньяк и не убийца, господа. Ну какой из меня убийца, только разве что кур каких безмолвных могу забить, да и то по большой нужде... А... Вы были на море, – попытался перевести тему с неприятного Слава.

– Никогда, я только сегодня думала об этом. Всегда хотела покачаться на волнах, где-нибудь рядом с большим белым маяком, освещающим путь морякам, возвращающимся домой. А еще хотела бы попробовать выпить морской воды, хоть чуть-чуть. Говорят, от этого кости становятся лучше. – на полном серьезе произнесла Надя, лукаво поглядывая на Славу.

Слава долго смотрел на девушку –женщину с золотыми крапинками на коже и не мог представить ее в своем поселке или на скалах, откуда здоровы прыгать в море. Но, наверное, она прекрасно бы смотрелась, стоя на маяке и смотря на море, окрашенное охрой заходящего солнца. Или она была слишком совершенной для постоянного ожидания?

Собеседница была бы как его бабушка, всегда занятая и деловитая, немного себе на уме. Они бы с бабулей, наверняка,ладили, только это была бы их первая и последняя встреча.

Парнишка улыбнулся светлой, лучашейся обворожительной улыбкой, по которой вздыхали все девочки на его кур-

се. Только вот почему-то у нее была совершенно противоположная реакция, Надя начала немного дрожала, а затем отвела взгляд.

– Море, оно как человек. Если вы его не увидите разным, то считайте- вы его не поняли. Вот все отдыхающие хотят видеть море голубым-голубым, как на картинках в журналах. А оно ведь другое, древнее и непонятное, как сама вселенная. Ну это я, конечно, очень старался сказать, но оно такое. Особенно прекрасно оно во время бури, когда ты стоишь на берегу и с замиранием сердце ждешь, что оно схватит тебя за пятки и потащит на дно к морским тварям и затонувшим кораблям. А еще, вы когда-нибудь должны увидеть, как море плачет. Это обычно можно наблюдать на закате, когда солнце практически скрывается за горизонтом. Тогда по воде плывут разводы- ручейки, уносящие слезы моря, которое боится темноты.

–Красиво говорите, не ужели вы выросли где-то рядом с ним?

– Вырос, с семи до тринадцати лет жил около него. А потом переехали сюда, бабушку надо было лечить. А здесь мне теперь почти всегда мне не хватает воздуха, простора. Не понимаю москвичей, бегают по своим гигантским торговым центрам и думают, что счастье целиком в этом, в брендовых и модных шмотках, которые здорово демонстрировать перед другими жалкими людишками. А настоящая роскошь- быть свободным от этого всего и жить на просторе, иногда, из-за

большого желания заходить в магазин, общаться людьми и быстро оттуда выходить, чтобы это не затянуло.

Надя вновь потянулась за таблетками. Слова этого мальчика эхом отдавались в ее сырце, ускоряя биение настолько, что становилось невозможно дышать. Такое происходило с ней уже очень давно, где-то лет десять-двенадцать.

Начались ее панические атаки с злополучного письма, полученного в день выпускного из академии. Но корни, истоки проблемы тянуться в Екатеринбург к ее лучшему другу Петруня или Пети, как его называла тетя.

Никто из взрослых никогда бы не посчитал бы их друзьями, уж очень странно они выглядели и слишком вредили друг другу. Ему уже исполнилось двенадцать и мальчишка высоким увальнем с вечно взъерошенными русыми волосами и двумя шрамами на лице, полученными в результате активной дворовой жизни. Вокруг него вечно вились мальчишки, помладше, старшие не признавали его за человека, но не обижали. Парнишка придумывал интересные игры для всего двора, распределял роли, ставил всех на места, но сам не играл, смотрел со стороны и наслаждался всем, что происходило вокруг. А вот девчонки его боялись, в их глазах он был похож на монстра из мультиков, потому что у него не было левой руки до локтя и части левой ступни, левое ухо было рассечено так, словно кто-то разрезал его ножницами, да и шрамы на лице внушали ужас.

Петруня всем рассказывал разные причины случившего-

ся. Среди них был и метеорит, и землетрясение, ограбление, нападение пиратов, страшная внезапная болезнь. Никто во дворе не знал о том, что же приключилось с Петруней. Порой об этом шептались девчонки, но ни к чему путному это не приводили.

Надя очень долго относилась к Петруне, как к больному человеку, который не понимает того, как к нему относятся другие. А также что над ним смеются и шепчутся за спиной, а увалень это терпит и улыбается всем. Ну не кретин?

Так было ровно до тоги дня, как они с братом попали под дождь на детской площадке и пережидали ненастье в детском домике, в который Надя едва влезла.

Был пасмурный августовский день, но для ребят это не было поводом находиться дома, потому что мама выставила их на улицу под предлогом «важного разговора» с их новым папой. Надя хорошо знала эти их разговоры за закрытыми дверями, где они сопели, охали и ахали. А потом мама сообщала, что у нее будет кто-то младшенький. К десяти с небольшим годам, девочка обзавелась огромным чемоданом цинизма, который сочился сквозь каждое ее слово и действие. Вот и сейчас малышка недовольно пинала камни на детской площадке и нехотя приглядывала за младшим братиком, копошащимся в песочнице.

Внезапно, из неоткуда хлынул дождь. Поэтому, стремительно вытащив орущего брата из песочницы, девочка, крайне недовольная происходящим, побежала к домики-беседоч-

ки, предназначенному для очень маленьких. Дождь все не затихал, с неба начали уже сыпаться бисеринки градин, опасно стучащие по железной крыше, дети плотнее прижались друг к другу.

– О, смотрите. А я думал, что только мне в голову пришло пойти погулять, – произнес кто-то очень радостным и звенящим голосом.

– Тесно, ну да ладно, – сказал пришелиц и уселся напротив брата с сестрой.

– Держи, – он протянул Наде свою куртку-дождевик, быстро перекачавшую на засыпающего Борю.

Мальчик с двумя шрамами на лице, сидящий перед ней, широко и приветливо улыбался, сияя, как новенький грошик. У него сильно намокли волосы, а синяя рубашка прилипла к телу, демонстрируя его маловатое телосложение. Но под рубашкой он что-то держал одной рукой, а вторую завел как-то неловко за спину, словно хотел что-то спрятать.

– Что там? – тыкнула девочка пальцем в небольшой бугорок на его животе.

Мальчишка, все так же широко улыбаясь, извлёк из-под рубашки крошечного грязного щенка, с еще не открывшимися глазками.

– Он, наверное, голодный. Ему бы молока из пипетки, мы так своего хомяка выкармливали. Если не покормишь, он умрет. – со знанием дела серьезно сказала Надя, вытирая грязь с головки щенка.

– Я его только нашел. Он валялся около стока, думал его унесет туда вместе с водой вот и подобрал. – оправдался парнишка и достал из-за спины руку, чтобы почесать щеку, а руки то там и не было.

Петя очень смутился, когда понял, что Надя уставилась на его пустой рукав, слипшийся как обваренная оболочка сосиски.

Надя смотрела долго, словно ее взгляд мог восстановить конечность мальчику, который от смущения не знал куда себя деть.

– Наверное, ты не очень тяжелый, без руки, кажется, тебе легче держаться на воде, да и поднять тебя проще, – выпалила девочка.

Мальчик искренне засмеялся и Наде почудилось, что вокруг него заблестели искорки, словно маленькие колокольчик смеха повисли над его головой.

– Обычно девочки пугаются, верещат, а еще часто называют зомбаком. Ну или монстром. Но то, что мне без руки легче плавать, только тебе смогло в голову пришло, – все еще заливался мальчишка.

– Собаки у монстров на руках не спят. – уверенно сказала Надя и поплотнее закутала в куртку брата.

– Меня Петя зовут, но можешь звать Петруней, если хочешь. А тебя?

– Надежда, так меня и называй, – сказала Надя, проникнувшаяся уважением к мальчишке.

– Надеждой? Надюхой-вот это здорово. Ты можешь раздобыть соску Надюха, просто у меня нет, а купить вряд ли выйдет. Щенка надо кормить. Я его у себя пока прятать буду, но соску бы надо поскорее...

Надя не дослушала его и помчалась под проливным дождем в дом, к соседке Ирише, у которой как раз недавно родился братик, которого кормили из бутылочки.

Мальчик смотрел ей в след и думал о том, что так высоко еще никто из его знакомых через лужи не прыгал.

После того дождя, заставшего ребят врасплох, Надя с Петруней сдружились. Они выкармливали щенка, ползали по заброшенным дачам, до которых было совсем недалеко от их двора, часто устраивали посиделки на своей секретной базе, которая располагалась между четырьмя растравленными близко друг к друга гаражами. Места там было еще и на пятый, но никто ничего не строил, что друзьям сыграло на руку. У ребят там была база, со всеми атрибутами. Был и небольшой наблюдательный пункт, находящейся на крыше самого высокого гаража, и колокольчик-сигнал, вытасченный из груды металлолома, одеяла, карты, нарисованные Петей, Надины старые пуанты, повешенные на стену для украшения. В их обители можно было найти даже пару ножей и вилку, с помощью которой можно было раскрыть банку с кукурузой- неприкосновенный запас на случай ядерной войны.

Надя поняла, что Петруня хороший как-то само-собой, словно он всегда был ее другой, всегда шутил и разыгрывал

ее, размалевывая свою руку красной краской, а потом искренни недоумевал почему девочка не пугается.

Что они только не делали, где т не бывали. Но, наверное, смогли бы обследовать другие секретные локации их города, если бы Надю не отправляли в танцы, а Петруню силой не утаскивала домой тетка, у которой он жил после гибели родителей. Почем-то он ее за глаза всегда называл мамой, наверно, чтобы самому было не так больно от звучания ее истинного значения в ее жизни.

– Я Динку, нашу собаку, спасал, да меня прижало слева бревном, – рассказал однажды Наде историю потери своей руки Петруня.

–А родители не успели выбежать, потому что спали. А я на веранде спал с Динкой. Динка тоже умерла, ее эта балка напололам разделила. – дополнил мальчик свой рассказ, глядя на пол их базы.

Надя тогда впервые пожалела, что не очень умеет выражать эмоции, вернее не то что не умеет, не получаются у нее они в том объёме, который хотели бы видеть люди. Надя просто погладила его по голове, то был самый сильный всплеск эмоций по отношениям к людям с ее стороны.

–А у меня папа умер. Он был старый, умер, когда мне было меньше шести. Наверное, он тоже был человеком, которого было бы любить. А так я всех ненавижу

– Почему? Всех?

– Потому что из-за них я не могу быть лучшей, – зло про-

шипела Надя, нанизывая бусины на леску от удочки.

– А если ты и так лучшая, – спросил ее Петруня.

– Но они-то так не считают, никогда не учат меня сложным движениям, как других девочек, а только говорят, что у меня не хватает растяжки и чего-то там еще.

– Они и не должны так думать, ты так должна думать, ну может быть еще я, чтобы тебя было не так страшно, – Петруня посмотрел на нее очень внимательно, чересчур серьезно для себя.

– Почему ты так уверен, а вдруг я плохо танцую

– А ты покажи, – совершенно невозмутимо произнес мальчик.

Повторять дважды девочке не пришлось. И она закружилась, копируя старших из группы, стараясь ровно стоять на земляном полу убежища. Надя в этот момент была похожа на парящий в воздухе тополиный парашютик, вертящийся и приземляющийся по спирали. Кажется, что она просто превратилась в воздух, который переносил ее с одной точки на другую и в последний, самый важный момент, девочка развела руки, словно раскрыла бутон молоденькой розочки.

– Я все еще думаю, что ты лучшая. А им, им ничего не понятно. Они же тебя не любят, вот и вся беда. Пошли, надо бы проверить нашу яблоню.

Тот день так и остался в памяти девочки, как самый светлый за много дней. Кто-то считал ее лучшей, просто потому что это была она. Надю кто-то любил, она была нужна. Не

потому что она могла что-то дать, помочь или подарить, а просто так.

Наверное, они бы жили с Петруней долго и счастливо, так же исследовали бы разные места, кормили собак и разбирали металлолом. Но мама вновь решила, что им надо переезжать. А это значит, что все- ничего уже не будет.

В последних числах августа семья Нади уже должна была быть в другом городе, до отъезда оставались какие-то десять дней, тянущиеся невозможно долго и ранящие ее сердце, внезапно почувствовавшее боль.

Надя держалась. Ходила на занятия, возилась с Борей, а вечерами допоздна засиживалась в их секретном убежище, надеясь, что тоска рассосётся, и она наконец скажет Петруне, что уезжает.

Но ничего не выходила, друзья только ссорились, порой даже дрались, мальчишка, толком ничего непонимающий, уходил домой, а потом все повторялась сначала.

Вот и за два дня до назначенной даты, ребята поругались, Петруня ушел, а Надя внезапно поняла, что плачет. Она не плакала все время, что себя помнила. Мама злилась на нее за слезы, но тут никого не было, поэтому, можно было бы и пореветь всласть. И вот слезы капля за каплей уносили с собой тоску, печаль, страх, но какое-то глубокое чувство, природу которого девочка не могла рассмотреть, так и не покидало ее.

– Я... Ты чего? – в штаб вернулся Петруня, решившей из-

виниться.

Надя горько плакала, ничего не слыша вокруг себя. Девочка надеялась, что все вернется на круги своя, что все будет хорошо, как раньше. Но жизнь, как ни печально, никогда не дает задний ход.

Петруня опустился перед девочкой на корточки и погладил по голове. Просто молча, ничего не говоря, даже не понимая причины слез.

– Я уезжаю, в другой город... насовсем, – выдавила Надя из себя и обняла мальчика.

Так бы, они, наверное, и сидели еще долго, если бы у Петруни не затекли ноги и он с глубоким охом не сел бы на землю, потащив Надю за собой. После чего ребята принялись истерически хохотать, катаясь по пыльному полу. Смех был продолжением слез, но более мягкой их альтернативой.

– Ты мне напишешь. И я тебе напишу. И будет, как в той книге? «Монтигомо Ястребиный коготь, как ты когда-то меня называла...». И эти письма не потеряются. Все будет хорошо. Ты станешь самой лучшей балериной на свете, а я принесу тебе букет цветов. Большущий с твою голову, нет, даже с две головы. И ты никогда не будешь больше плакать, чтобы я не переживал, хорошо? – внезапно серьезно произнес Петруня.

– И так будет всегда-всегда. Ты никогда не бросишь? Никогда-никогда? – все еще всхлипывая спросила Надя.

– Никогда-никогда. Могу поклясться на мизинцах. – убе-

дил ее Петруня.

Внезапно Надя вздрогнула, словно сбросила с себя груз старых воспоминаний. Открыла глаза. Ее мир все еще был тем же, вокруг по-прежнему крутился зрительный зал, а рядом сидел молодой актёр, беспокойно на нее поглядывающий.

– Знаете, мне показалось, что вы уснули. Я говорил с вами, а вы все молчали и молчали. Только раз произнесли «никогда-никогда». Вам плохо, Надежда?

– Ха-ха, да вы знаете, ой. Ты знаешь, бывает так...

У нее зазвонил телефон. Это был Максим. Надя глубоко втянула в себя воздух, надеясь таким образом оттянуть начала бессмысленного разговора, принесшего ее только разочарование.

– Да. Ало. Ладно. Ты придешь через полчаса? А тебя пустят? Да не приходи, зачем мотаться. Ты же очень устал на своей встрече. А это было совещание. Да не важно, покорми Петрунина, молока ему налей. А. Да. Я позвоню, когда освобожусь. Да, можешь у меня ночевать. Пока, – повесила трубку Надя.

– Это ваш муж, простите за любопытство, – сам удивляясь своей бестактности сказал Слава.

– Ха, ну не красивый вопрос. Да что уже там. Не, это мой молодой человек. Он вечно работает, вечно занят. Сам позвал же, – немного зло прошептала девушка, нервно потирая переносицу.

–Да. У меня тоже самое было. Ну всмысле, у моих родителей. Отец тоже без роздыха работал, на работе ночевал, а потом- пусто. Исчез просто, как в воду канул. Я, если руку на сердце положить, в лицо его не помню, но, наверное, его помнят на работе, надеюсь, он сделал что-то великое, ну или хотя бы не ужасное. – неловко произнес юноша.

–Молодой человек, это не ваше дело. Я не должна была так распускать свой язык. Извините. Столько лет, а все еще попадаюсь на уловки всяких проходимцем, – зло прикрикнула на него Надя и отвернулась.

Парнишка сник, осел в своем кресле и обиженно произнес:

–Простите, я не хотел вас обидеть.

И тут, будто божественное провидение, а может быть чей-то злой умысел, ровненько после последнего слова Савы в зале погас свет. Причем потух он не сразу весь, а по блочно, словно кто-то друг за другом нажал выключатели. Единственным светом в зале остались несколько ламп около сцены, подсвечивающие мир каким-то нездоровым, трупным цветом. А в подсвеченном их воздухе танцевали пылинки, кружась и переворачиваясь в безмолвном танце, словно это была их последняя возможность повеселиться и напомнить о себе миру.

Люди недовольно зашушукались, но продолжали сидеть в зале в ожидании разъяснений, ну или хотя бы включения света. Но вместо этого слышалась какая-то дробь,

вернее какие-то хлопки, приближающиеся все ближе и ближе. Огромный паук страха, нависший над залом замер, ожидая развития событий. И вдруг, распахнул свою бездонную пасть, в тот самый миг, когда в зал влетели несколько банок, пропитывающие на ходу воздух сладковатым газом, медленно пробирающимся между сидениями, заползающими под одежду, в волосы, а затем и в нос.

Люди, гонимые криком огромного паука, ринулись к выходам, но выбежать так и не смогли, падали прямо около дверей, не вилах пошевелится. Складывались складывались в кучи, будто игральные карты с колоду. Да так, едва подерживаясь, как отравленные ядом тараканы, и продолжали лежать, становясь нижней картой для следующего потока людей. Те же, кто сидел в центре зала, достаточно далеко от входа, сразу же поднесли ко рту ткань, видя какой эффект сладковатый, как дешёвые духи, газ делает с их товарищами, по несчастью. Люди прижимались друг другу, вставляли на стулья, желая вдохнуть побольше чистого воздуха, все еще надеясь, что включится свет и все происходящее окажется дурацкой шуткой.

Но внезапно, хлопки переросли в нечто большее, и через главный вход, что рядом с колоннами зашли какие-то люди, запускающие пули веерами в воздух. Зал наполнился уже не криком огромного паука, а его воем. Вперемешку с криками людей, залезающими под свои места или складывающимися в три погребели.

Что-то большое ударилось о колонну, стоявшую левее от входа, в этот же миг на людей посыпались искры и повалил черный едкий дым, несся на головы несчастных еще и куски, отколовшиеся от гипсовой бандуры, совершенно пустой внутри.

Черный дым, смешиваясь с белым начинал безумно крутиться, создавая микротайфунчки, которые друг за другом сыпались на головы зрителей мелкими ядовито-сладковатыми каплями, сквозь которые иногда пролетали горячие пули, испаряющие ядовитый состав.

Еще через пару минут, практически большая часть зал затихла, вдохнув успокоительно-сковывающую смесь, обеспечивающую захватчикам беспрепятственное проникновение в зал.

Зашедшие же, со знанием дела закрыли входные двери, повесив на них цепи, при этом за чем-то в дверях сделали отверстия, для света и воздуха, а под запасные входы, вокруг которых кучками лежали люди, все еще дергающие то рукой, то ногой, подложили пару черных сумок и подперли двери стульями, оставленные работниками театра.

Затаившейся черный паук страха теперь уже не просто весел нах залом, он сам целиком стал потолком, слился с расписанным плоскостью и проглотил люстры. Теперь страх не просто витал в воздухе, он и был тем воздухом, который каждый ежесекундно вдыхал. А паук все рос и рос, не зная, что и делать от радости.

Глава 4

Вова потерял сознание сразу же, как воздух наполнился какой-то непонятной субстанцией, стремительно лишаящей людей движения. Мужчина даже не успел испугаться, но все же последним кадром, оставшемся в памяти была старушка-соседка, залезающая на кресло, опираясь на девочку в зеленой блузке.

Врач подумал, что это даже к лучшему, что умереть здесь не так уж и позорно, все же лучше, чем в одиночестве в за-трапезной комнатке, не овейной уютном. Хотя свою небольшую комнату он любил всем сердцем, а стерильную частоту и аскетичное убранство ценил намного больше, чем вычурные нагромождения в особняке отца. Зачем ему нужен такой огромный дом, если он все равно обитает только в библиотеке, ну на самый крайний случай выходит отобедать с семьей в столовую, где всегда встревоженная кухарка тетя Нина пытается ему угодить. Эта женщина пятидесяти лет появилась в доме после женитьбы старшего сына и категорического отказа его супруги готовить, вот тогда и появилась невысоконая крепенькая женщина с короткой стрижкой и вечно смеющимися глазами. Володя ее уважал и в какой-то мере даже любил, потому что женщина всегда относилась к нему без лишней предвзятости, по-доброму, без обиняков. Вот, вероятно по ней он будет скучать на том света, а еще по

ее наваристому куриному супчику с невероятно тонкой домашней лапшой, которую кухарка готовила специально для него, чтобы подбодрить.

Будет скучать по Неде, которую не видел уже довольно давно, кажется около полугода. Если бы не эта женщина, он бы так и остался загнанным в чехол парнишкой, играющим по всем правилам родителей и никогда искренне не радующимся. Что только стоит их поход за продуктами, ведь для него это было целое представление, потому что не барское это дело- ходить в самые обычные, среднестатистические магазины. Тогда, будучи уже достаточно взрослым, он так и не знал, что кукурузу продают еще и в банках, замороженная клубника в несколько раз дешевле свежей, а порошок, которым пользуется его семья можно купить только по очень большой скидке- иначе он будет стоить дороже элитной говядины. Неда же выбирала фрукты, молоко, хлеб, настолько внимательно, что упорно не обращала внимания на разморившуюся косичку, выбившиеся из которой пряди так и лезли в глаза. Наверно, тогда, пятнадцать лет назад, она была полностью искренней. Хотя...

Когда он вспоминал ее косу и смотрящие прямо в душу глаза, невольно вспоминалось и плохое, то, что разбило ему сердце. Это случилось уже после ее признания, но до того, как они разъехались. Кажется, были новогодние каникулы, которые, к Володиному удивлению, они проводили дома, а не в больнице. Володя варил кофе, а Неда использова-

ли новую пряжу для вязания- творила свитер для своей мамы, к которой планировала поехать через пару дней. Володя сварил кофе и предложил жене, побаиваясь, что ее опять может стошнить, как это было перед католическим рождеством. Но, похоже, что пищевое отравление прошло и женщина полностью оправилась от него. Неда улыбнулась и приняла благодарно чашку из его рук, отложив вязание.

– Может быть не поедешь к маме? Сходим куда-нибудь, может, в твой любимый театр. Или, если хочешь, махнем куда за город? Вроде бы у нас все начинает налаживаться, Недочка? – осторожно задал ее ряд вопросов Володя.

– Вов. Я поеду к маме, потому что она моя семья. Поднимешь? А мы с тобой друзья, нет не так, друзья со штампом в паспорте, которые иногда спят вместе. Ты же понимаешь, что мы так живем, потому что это удобно, практично, в общем, хорошо живем. Чего это ты вдруг решил вдруг поиграть в семью?

– Ну как же, мы же и есть семья. Разве нет. Мы ходим на семейные ужины, вместе обедаем, иногда ходим в кино, магазины, вместе готовим, в конце концов, с кем, как не женой мне заниматься сексом? Или ты предлагаешь так проводить время с друзьями? Ну сейчас, нет конечно, а вот потом, когда дети появятся, тогда, ты назовешь нас семьей? – все еще с надежной смотрел на нее Володя, любящий эту циничную девушку всей душой.

Неда рассмеялась, ее начала бить истерическая дрожь,

расплескавшая кофе. Девушка заливалась:

– Вов, какие дети? Я не собираюсь рожать детей, потому что это не входит в мои цели в этой жизни, как и семейная жизнь с тобой. Если ты не хочешь со мной жить, я сразу же съеду, только скажи. Всегда найдется человек, разделяющий мои принципы существования.

– Но мне кажется, что ты уже его ждешь? Разве не так, ведь у тебя ранний токсикоз, разве я не прав? Да и по сроку, это где-то пара недель с моего дня рождения? Или я ошибаюсь?

– Я аборт сделала, не парься. – произнесла, практически не открывая рта Неда и вышла из комнаты.

Володя так и остался сидеть с чашкой кофе в руках, не понимая почему так происходит. Неужели он значит для нее настолько мало, что ему выделено место равное месту дивана или телевизора. Неужели это не он когда-то целовал ее, навещал ее маму в больнице, вместе с ней потом проходил дополнительные обследования. Он- никто? Абсолютно никто для Неды, для отца, для брата, сестры, матери, коллег. Просто сгусток энергии- не человек. Мужчина даже не отец, оттого что не подходит на эту роль из-за всего. Из-за чего? Из-за того, что он- это он, а не тот человек, которого бы окружающие хотели видеть.

После того дня, Володя превратился нынешнего себя. Неуверенного в себе до неприличия человека с огромным чувством вины перед каждым и обидой, перемешенной с

тоской. А еще именно после того дня он ушел, оставив Неди квартиру и штамп в паспорте. А себя же стал утверждать, что тот разговор был ее просьбой о том, чтобы Володя съехал.

И что? Сейчас он умрет, превратится из пустого место в ничто, канет в лету бытия и все, конец. А может быть на том конце его ждет другая, хорошая жизнь? Там его ждут ребенок, которого бы он назвал Женей, и любил бы всей душой, и дедушка, счастливый от того, что внук скрасит его бытие.

Дедушка сам это сказал, когда Володя навещал его в больнице.

—Ты очень скрасил мою проданную жизнь. Владимир, я очень хочу, чтобы все у тебя было хорошо, чтобы ты был счастлив. Чтобы ты добился всего, что только захочешь, а главное, считай это моей просьбой, чтобы ты полюбил себя. Вот я с этим так и не справился, всю жизнь пытался что-то доказать, пыжился, что-то из себя строил. А ничего, не поменялось. Как был парнишкой из деревни, который любит свежий хлеб больше всего на свете, так им и остался. И даже огромные деньги ничего не изменили. Я умираю все тем же, поняв, что возможно обмануть их, тех кто платит, не нельзя обмануть себя, притворяясь ради того, чтобы тебя купили подороже. Внук, я знаю. Что ты другой. Ты тоже стараешься быть лучше, но ты делаешь не для себя, любимого, а для того чтобы не расстроить тех лицедеев, которые тебя не ценят. Ты, мой друг, лучший из них. Надеюсь, мы еще долго с тобой не встретимся на том свете. А если встретимся, я мечтаю,

чтобы это был не ад.

Дедушка долго кашлял, а потом попросил плачущего Володю его оставить. Он хотел поспать, потому что слова сожгли его последние силы. Дедушка уснул, да так и не проснулся. Бог прибрал его во сне, говорят, что таким образом в рай попадают только праведники.

Володя думал об этом, поручаясь в небытие все глубже и глубже. Он, словно в замедленной съемке, двигался по какому-то коридору, из которого никак не мог найти выход. А может выхода нет и сейчас он так и исчезнет, прямо здесь. Но внезапно откуда-то сверху послышались голоса, словно его звали, тянули или будили.

«Все, вот я и умер. А это меня зовут души», – смиренно подумал Володя и приоткрыл глаза.

На него глазами полными ужаса смотрела девочка в зеленой блузке, у которой по лицу была размазана кровь, к которой прилипли волосы. Она что-то ему говорила, кажется трясла его за плечи, а вокруг нее сквозь туманного облака газа проникал свет, создавала божественное сияние, божественный нимб или что-то подобное.

– Пожалуйста, проснитесь. Пожалуйста, – лепетала девочка себе под нос, необычайно близко наклонившись над мужчиной.

Володя попытался издать звук, но вместо этого повернул голову набок. Лучше бы он этого не делал, потоку что прямо на него, глаза в глаза смотрела стеклянными глазами старуш-

ка –соседка, которой прострелили шею, из которой бурым ручейком текла кровь, пытающаяся вернуться в прежнее русло. Ее платье, которое женщина с таким трудом выбирала, должно быть, для этого дня, было залито алой жидкостью, делая его еще более элегантным и траурным. Женщина безусловно была мертва, а тот, кто ее убил сейчас как раз заговорил. Девочка, дернулась из- за звук и прижалась к Володе.

– Не бойся, я тут, – прошептал он ей на ухо хриплым, словно неживым голосом.

А кто-то из тех, кто захватили зал, возможно даже их главарь, начал настраивать микрофон.

– Раз. Раз. Отлично. Добрый день дамы и господа. Рады приветствовать вас сегодня в этом прекрасном зале. Если вы будете сидеть тихо и не двигаться лишней раз, вы не пострадаете. Ну до поры, по крайней мере. А пока, позвольте представится. Мы Б.Е.С.Ч.Е.Л.О.В.Е.Ч.Н.О.С.Т. Так можете нас и называть. Пока все понятно?

Послышался голос, за ним шаги, удар. Кто-то крикнул затем упало. Удар. Крик. Выстрел.

– Ну же, тише. Тише. А теперь вопросов нет? Вот и славно. Сейчас, я постараюсь вам все рассказать. А пока, можете усесть поудобнее и не рыпаться. А то получится, как с тем милым мужчиной.

Девочка, лежащая на груди у Володи, заплакала, мужчина прикрыл ей рот ладонью, а свободной рукой погладил по голове.

–Все будет хорошо. Главное – тихо.

За одну минуту и два, и две четверти часа до...

Между рядами ходили люди в черных костюмах в лыжных очках на лицах. Их было двенадцать, а если почитать главарю, это была чертова дюжина. Володя опустил сидение своего и соседнего, освобождённого от убитой старушки стула. Сам сел на пол и усадил дрожащую девочку, намертво схватившую его за руку. Люди вокруг расположились кто- как. Одни сидели на креслах, обняв себя за колени, другие сидели на корточках в проходах, третьи просто забивались под сидение, надеясь таким образом избежать случайной смерти, постигшей их товарищей, по несчастью. Трупов было много, Володя это сразу заметил. Это были те несчастные случайно попавшие под предупредительные автоматные очереди или же те, кто доставил проблем. Последним нехотя били чем-то тяжелым в челюсть и сворачивали шею. Хруст был настолько громкий, то слышали даже зрители на задних рядах.

Свет так и не включили, зато лампы- прожекторы направили в зрительный зал, желая наблюдать за напуганными до смерти людьми, копошащихся на полу как тараканы. На сцене же стояло несколько переносных фонарей, подсвечивающих лидера группировки, восседающего, но бархатном пуфике и чинно покуривающего сигарету.

Он, как и его коллеги по цеху был в черной спортивном костюме, с большим черным рюкзаком за спиной, в огромных лыжных очках, натянутых на небольшую белобрысую

голову. Рядом с ним стояла высокая женщина с автоматом, с которой они коротали время подшучивая друг над другом, пока другие осматривали зал на предмет опасности и сгоняли людей ближе, чтобы ни один не выскользнул.

Сбежать из зала было невозможно. Потому неизвестные собирали людей, чтобы те не создавали лишних проблемы. Володя и девочка сидели в самый центр, поэтому никуда уходить не собирались, а даже наоборот, всех сгоняли в их сторону.

Пока люди в черных костюмах двигались, словно хорошо запрограммированные машины, убирающие мусор. Володя успел осмотреть кровоточащий лоб девочки, которую в предсмертных конвульсиях поцарапала старушка.

– Как тебя зовут? Меня вот дядя Володя. А тебя, – приклеивая пластырь ко лбу спросил мужчина.

Девочка не отрываясь смотрела на него, словно видела его насквозь и хоть сейчас была готова назвать все грехи мужчины. Но вместо этого тяжело вздохнула, желая таким образом унять дрожь во всем теле и произнесла

– Женя. – тоненьким и немного дрожащим голосом пропихнула пострадавшая.

Володя приклеил пластырь ко лбу и извлек конфеты-драже из того же кармана, из которого мгновение назад достал лейкопластырь помощи.

– Держи. Можешь мне выбрать зелены. Люблю яблочные. А себе бери все остальные, – протянул он девочки конфеты.

Она держала их на ладони как что-то ценное, должно бы очень дорогое и невероятно, именно такое впечатление создавалось у мужчины.

– Можешь все есть. Мне не жалко. Ешь. – сказал он ей, желая, чтобы этот взгляд исчез.

–Нет. Сейчас. Я выберу. Я никогда такие конфеты не пробивала. Спасибо.

–Вот и попробуешь. Смелее. И не вздумай реветь. Знаю, что сложно. Знаю, что по бабушке сердце плачет. Но ты держись. Поплачешь, когда нас спасут.

–Я и не плачу. Она мне не бабушка, чтобы по ней болело сердце. – сказал Женя с космической скоростью поглощая конфеты.

Володя посмотрел на тело, которое они вытащили в проход и подумал, что это должно было быть очевидно. Слишком эта утонченная женщина был непохожа на хрупкую взъерошенную девочку, одетую в старомодную несколько не соответствующую возрасту блузу.

– Она мой опекун. Ей за меня платят. Вернее, платили. – и девочка снова замолчала.

Сказка про цветок Мироздания

Мужчина с забинтованной рукой закурил. Дымок расплзался по закутку равномерно, из-за чего очень скоро синеватое марево висело над головой Гельки, все так же капающим в книжке и не обращающем внимание на запах, неприятно щекочущий нос.

– Ой парень, я чего-то не замети тебя сразу. Надымил тут. Ох, попадет.

– Да ничего, вам очень повезло, что сегодня дежурит не тетя Груня. Она бы вас быстро выпроводила.

Мужчина затушил сигарету о портсигар и туда же ее и спрятал. Закрыв нагрудный карманчик кителя и похлопал по нему для верности, потом встал и стал мерить шагами комнату, замедляясь ненадолго около витражного окна и возвращаясь в отправную точку.

– Дядя, да вы сядьте. Моя мам мастер своего дела, она вам поможет.

– Да... Наверное. Хотя даже не знаю нужна ли мне помощь. Я бы, наверно, был бы не против и никуда не идти. И так и остаться ни с чем.

– Да бросьте. Ничего страшного нет там. Все будет в порядке. Хотите конфету?

– Не откажусь, парнишка. Давно сладкого не ел. – мужчина присел рядом с мальчиком и принялся усиленно работать челюстями.

– Как тебя зовут шкет? – спросил мужчина и протянул мальчишке руку.

– Гелька, а вас?

– Анхель Владленович. Будем знакомы.

– А вы кто? Ну по званию. Генерал?

– Полковник. До генерала еще работать. Но, видимо, уже не судьба. – улыбнулся мужчина.

– А может быть судьба. Вы рано сдаетесь. Вам еще долго ждать. Вас вызовут, когда моя мам освободиться. А это еще не скоро.

– Эх, как же ждать не люблю, Гелька. Вот хуже нет, чем штаны просиживать.

Мальчик посмотрел на мужчину, а потом на книгу. И задал свой извечный вопрос.

– А вы не знаете какую-нибудь интересную сказку, ну которую бы знали только вы. Я просто их собираю. Пожалуйста, – и посмотрел на мужчину своими бездонными, полными морской водой глазами.

– Наверное, все же знают сказки. А вот про необычные. Слышал я от одного бойца своего историю, которая в сердце мне запала. Сейчас, дай бог памяти, расскажу и тебе.

«Где-то там, где заканчивается купол неба и начинается ромашковое поле серебряных звезд, там, где стоит каменный замок Луны и деревянный дворец Солнца, на самом отшибе, до которого дотекает лишь Млечный путь стоит дом, где живет Мироздание, не любящее суеты и лишнего шума, которое царит в центре купола небес.

В его небольшом домике, расположившегося под кроной древа Времени всегда было тихо и спокойно, а с небольшой веранды всегда можно было любоваться зеленой гладью молодой планшетки-питомца Солнца, по которой синими жилками текла кровь рек и пятками громоздились волдырями горы с белыми маковками.

Мирозданию нравился пейзаж, поэтому оно часами могло потягивать знаменитый эль, сделанный Полярной звездой, и смотреть на медленно крутящуюся вокруг хозяина питомца, которую оно про себя называло – Земля.

Но больше таких безмятежных посиделок, оно любило свою тепличку, где росли самые прекрасные цветы в поднебесье.

Вот и сегодня Мироздание решило проверит, как же его любимца там поживают. Оно натянуло на себя световую робу, подаренное перелетной Кометой за помощь в поиске ее искрящегося хвоста-платя.

В теплицы пахло зноем, которое посоветовало распылять Солнце и ночной прохладой, подаренной Луной. Но похоже цветам это нравилось, и они разрастались пышным цветом, привлекая внимания небожителей.

Здесь были алые вытянутые цветы с золотыми тычинками- Гневливость, белые, почти прозрачные крошечные звёздочки с резными листиками- Доброта. Рядами друг над другом громоздились Веселость, Успех, Честолюбие, Слава. Но самыми любимыми и потому самыми многочисленными были у старого садовод были цветочки Таланта, расшившего небольшими кустиками, сплошь покрытыми разноцветными цветочками с остренькими и раздвоенными лепесточками, которые напоминали кудри или лапки насекомых.

Мироздание всегда приносила лучшую млечную воду только для них, а удобрения щедро сыпались тоже только в

их землю. Цветочки же благодарно цвели пуще старого и радовали вечно брзжащего молчаливого старика.

Мирозданию все время чего-то не хватало, оно все думало, что цветы недостаточно яркие, недостаточно высокие или красивые. Старик никогда не чувствовал чего-то, что бы заставляло его остановиться и просто наслаждаться их видом. Поэтому цветки росли, здоровели и в один из тех дней, что так же похож на другие в поднебесье, где нет часов и Солнца, которые обычно выходит купаться в прохладны нижних слоях воздуха целыми днями было вне поля зрения жителей, произошло что-то странное.

Любимый Талант, радующей его множество восходов и заходов Солнца, начал засыхать, скукоживаться. Его цветочки стали сворачиваться в маленькие круглые разноцветные шарики, очень скоро отваливающиеся от стеблей.

Это была катастрофа. Что делать со все этим Мироздание не представляло, поэтому решило наведаться к своему ближайшему соседу- Возрождение, жившему немного выше по склону, там, где клубился самый плотный в поднебесье туман.

Возрождение, когда его сосед свалился к нему на голову так внезапно, не очень и удивилось. Оно подало ему чай и немного песочного печенья, купленного у местного умельца-Метеора.

– Что привело тебя ко мне, соседка. Неужели решил перебраться поближе к нам и больше не куковать в одино-

честве со своими цветочками.

– Не смейся надо мной, сосед. Я нынче в большой печали. Погибают мои самые любимые цветы Таланта. Превращаются в какие-то шарики, которые не пахнут и более не радуют глаз. Что мне делать, сосед? Ведь знаю я, что ты у нас бывший заводчик. Может быть ты знаешь что-то и про цветы?

– Ну что я могу тебя сказать, дружище. Твои цветы более не могут жить здесь, где Время не имеет веса, времена года не сменяют друг друга. Они истратили свои последние запасы сил и превратились в семена, которые требуют благодатной почвы. Такой почвы нет здесь у нас, в поднебесье. Но ее можно найти на том зеленом шарике, где я поселил своих питомцев. Они там знатно обжились, освоились. Может быть и твоим цветам там найдется место?

– Ты что! Хочешь сделать из моих цветов паразитов, сосущих соки из тела питомца Солнца? Никогда я до такого не опускаюсь. Это выше моего достоинства.

– Ты что, Вселенная с тобой. Питомец Солнца? Кто тебе сказал эту глупость? Это садик нашей матушки-Вселенной, которая так любит всякие штуки, которых нельзя сотворить здесь, у нас. Выдумщица, одним словом. Она туда моих людей и пристроила. Думаю, будет не против твоих цветочков. Может быть это как-то на этих дураков повлияет? А то дерутся друг с другом, воют, льют кровь, почему зря. А я с таким трудом их из крошечек недозвездочек выхаживал, кормил, поил, одевал. И что? Да ничего. Что уж говорить теперь.

–Что ж. Правда. Может ты и прав. Надо бы эти семена на Землю переправить, ведь, наверняка, и другие цветы заходят в почве жить. Спасибо, сосед.

И на следующей день, который стал для Мироздания еще грустнее предыдущего, он отправился к солнечному порту, с которого каждое утро уплывало на своей лодочке Солнце, чтобы всласть накупаться в прохладном и незастоявшемся воздухе.

– Добрый денек, сосед. Не возьмешь к себе пассажиром? Хотелось бы садику Вселенной поближе подобраться, да новых жильцов туда доставить.

Солнце было компанейским парнем, поэтому без лишних вопросов уступило место старичку-брюзге и, весело болтая само с собой, отправилось в недалекий путь.

–Эй, дедушка. Прибыли. Вон самый краешек неба. Можешь оттуда спустить что тебе надо. Я как кружочек вокруг садика сделаю, так к тебе вернусь.

Старичок с большим трудом перелез через борт лодки и взгромоздился на край поднебесья, открывающий его взору совершенно невероятный мир.

Там пели невиданные доселе существа с двумя отростками из спины, с помощью которых летали, а изумрудные, как вода в вечном озере Смерти, поля были усыпаны цветами, не таким прекрасными, как у него, но тоже достойными. Недалеко текли воды, так не похожие на его родной Млечный путь, но такие же бесконечные и бурные.

И между ними ходили питомцы Возрождения. Люди. Они копошились себе там и сям, строили деревянные домики, копались в полях, смеялись, бегали. Где-то на окраинах плодородных земель страдали и изнывали от гнета захватчиков. Воевали, бились, лили реки крови. И не видели того счастья, что окружает их на каждом шагу. Не хватало им чего-то? Может быть души? Хотя душа, по мнению друзей Мироздания, это продукт эволюции, формирующийся со временем, как и удачные гены после скрещивания у цветов.

Мироздание глубоко вздохнул и начал пригоршнями сыпать семена Таланта на Землю.

Где-то они падали в воду, откуда тут же поднимались огромными невероятно умными рыбами, способными понимать команды. Где-то приземлялись на землю, там они превращались в невиданные доселе растения, плоды которых были питательны и полезны и спасали от самого страшного голода. Но иногда они попадали на человека и прорастали внутри его какой-то невероятной силой или способностью.

Такие люди думали больше других, мечтали и иногда поднимали головы к небу, откуда на них все еще взидало Мироздание.

– Ну что, сосед. Отчаливает. Посадил свои семена.

– Посадил, дай бог, чтобы в благодатную почву.»

Полковник закончил свой рассказ и посмотрел на мальчика, восхищенно поглядывающего на него.

– Какая история. Мне еще не доводилось ни разу слушать

про мир поднебесья. Я думал вы мне про бои станете рассказывать. А вы про талант...

Полковник вновь закурил

—Что толку в боях. В вот красивые слова..., наверное, малец, я бы хотел когда-нибудь придумать что-то столь же прекрасное. Когда-нибудь...

—Анхель. Глядите. Вас готовы принять, скажите моей маме, что я вас угостил конфетой. Удачи.

—И тебе Гелька удачи, надеюсь, что мы еще когда-нибудь встретимся

За одну минуту и полтора часа до...

Он погружался все глубже и глубже, легкие щипало и колело, а душа изо всех сил рвалась на воздух. Но это не могло отменить его неминуемую кончину, становившейся столь очевидной для маленького Сережи, не особо умеющего плавать.

Его столкнули в воду. Местных деревенских мальчишек веселил бессловесный парнишка с черными сапфировыми глазами, глядящими на мир из-под звездочек-ресниц. Он ходил один, молчал и все смотрел н море, простирающее до самого горизонта. Маленький Слава не пытался с ними дружить, а напротив, избегал людей. Ребенок подолгу просиживал в полугротах в полупещерах, которых так много по высоким скалистым берегам Золотого.

К чести местных, они пытались с ним подружиться. Соседских парнишка семьи крымских татар, заходил в дом, даже звал погулять. Но потом так же быстро удалялся, заметив маму-скелета, спящую на лавке. Правда после их приезда бабушка смогла-таки заставить ее есть, и, по прошествии месяца, она уже не походила на барабанную палочку, обтянутую кожей. А через год с небольшую маму было уже не узнать, такой красивой и миловидной стала, некогда безнадежная женщин. Она начала новую жизнь, избавившись от «психологических якорей», как говорила бабушка.

Но мальчишек от пяти до двенадцати, которые бегали по поселку вечно визжащей и почти лающей стайкой, это ничуть не интересовало. Стайка всегда ищет слабого, чтобы выжить его или хорошенько поиздеваться, что в общем и происходило с городским немым мальчиком с миловидной внешностью.

Сначала старший мальчик с взъерошенными и колючими, как проволока, волосами сломал славинового любимого солдата в красивом камзоле с золотыми пуговицами, подаренного папой на прошлый новый год, все мальчика-шакальчики поняли, на кого надо лаять.

Слава приходил домой вечером весь в песке и пыли, с изодранными в кровь коленками, насквозь мокрый или пропахший бензином. Но мальчик упорно молчал, только бабушке, которую из-за сложности имени внук называл Царица, удавалось вытянуть из вечно побитого ребенка пару слов, никак

не связанных с его злоключениями.

Главная неприятность произошла, когда солнце жарило пуще обычного, а море хранило гробовое безмолвие. Славика скинули со скалы, заманив туда рассказами о паруснике.

В поселке ходила легенда о затонувшем в этих вода паруснике «Смелый», на борту которого были несметные богатства- подати, которую везли в столицу. Местные верили, что судно иногда, в особенно жаркие дни, можно увидеть на горизонте, потому что сам Морской Дьявол поднимает его из пучины, чтобы уплыть подальше от нагревшихся гротов и мелководья, чтобы охладиться.

Славику о «Смелом» рассказала бабушка и посоветовала посмотреть на него, когда выдастся удачный денек. И он выдался. Посмотреть на корабль позвал Руслан, тот самым быстро ретировавшийся дружелюбный мальчик.

На Клыке, куда спешили товарищи, уже собрались все псы и шакалы, готовящиеся отгрызть молчаливому приезжему за его странности и излишнюю угрюмость. Мальчика двигали плечами, подвигая мальчишку к краю, чего он, конечно, не заметил, высматривая заветный парусник.

И тут. Удар. Короткий крик. Вода. И только уходящие в верх ленточки пузырьков составило мальчишке компанию.

Вода становилась все темнее, и в какой-то момента мальчик, внезапно начавший хвататься за жизнь, понял, что его накрыл темный саван Смерти. И дальше пустота. Абсолютная и непроглядная, такая, для описания которой не хватит

никакой краски, известно миру.

Однако, жизнь не закончилась. Произошло первосортное чудо, о котором так любят снимать кино. Славика вынесло на берег ровнёхонько к любимому ракушечному пляжу, мест-ных, где были самые чистые ракушки и самая голубая вода, не отравленная тушами приезжих.

– Парень, – кто-то начал бить его по щекам, нажимать на грудную клетку, пытаясь воспроизвести искусственное ды-хание.

– Да ты что его колошматишь, он же дышит. Это же Айгу-лин ребенок. Поднимай малого, надо отнести. А аккурат-нее, нежнее.

Сильные рук, пахнувшие солью и солнце, закинули Слани-ка на плече. Пострадавшего понесли по извилистым тропин-кам, где иногда по лицу больно ударяли ветки кипариса, а кожу нещадно жгло солнце.

Мальчика положили на стол, проверили нет ли у него пе-реломав, больших ссадин или порезов, Тсеритса, склонив-шись над ним стала читать какие-то молитвы, не понятные окружающим.

Глубокий вдох. Славик инстинктивно резко сел.

– Как ты думаешь? Бабуль, а до дня морского можно до-тронься.

Тогда бабушка заплакала, запричитала, начала прижи-мать его, мокрого с ног до головы, к себе. Бабушка была счастлива, что он заговорил, но еще больше женщина была

рада тому, что ее любимый внук остался жив.

Вечером, когда прошел первый испуг, пришли слова. Они сыпались, как дождь из черных летних туч, меняя форму и размеры, но ничуть не уменьшая количество. Мальчишка начал смеяться, что доселе было невиданным для его семьи явлением.

Мам, вернувшаяся из местного магазина, где работала продавцом, застыла в недоумении, настолько вечерний сын был не похож на утреннего, мирно сопящего в своей кровати.

Слава о чем-то говорил с бабушкой оживленно жестикулируя, а заведев маму, бросился ей на шею.

– Мам! Ты сегодня рано. Я рад, как раз хотел тебе рассказать про «Смелого», которого я видел под водой.

Пока Айгуль, удивленно хлопая глазами, слушала звонкий голосок взволновало сыночка, бабушка лишь внимательно смотрела на мальчика, подозревая, неладное. Хотя, что только может случить с ребенком, пережившего такое потрясение.

Юноша глубоко вдохнул и резко сел.

Слава очнулся в полумраке на полу театра. Он все еще был жив и почти цел, не считая руки, выгнутой под каким-то нечеловеческим углом. Рядом с ним лежала Надежда, на которую каким-то чудом осколки колонны почти не попали. Она дышала.

Парнишка, хотел было встал на ноги, но голова закружи-

лась и силуэт, движущейся ему навстречу стал размываться, словно растворяться в задымленном воздухе.

Сразу же пришел страх, сковывающий и не дающий вздохнуть полной грудью. Рядом гуляла смерть, и Слава мог ее очень скоро встереться, потому что только что произошедший теракт, со всеми вытекающими, легко предоставлял причины для свидания.

Телефон, кажется был цел, поэтому юноша, еще плохо соображающий, судорожно начал набирать номер полиции, но ему помешала нога, опустившаяся ровно на ладонь со смартфоном.

– Парень, ты не слышал? Может тебе уши почистить? Все телефоны сдаем. По счету все, сколько телефонов, дорогуша, столько живых людей. И у девушки своей тоже телефончик достань, а то мало ли, пальчик куда дёрнется, – сказал ему голос, принадлежащий человеку в больших черных очках и кустистой бородой, неприятно царапающей юноше лицо.

Сережа начал капаться в сумочке Нади, молясь чтобы мобильник попался как можно скорее, и девушка не пострадала от террориста, пахнувшего как старый фанерной шкаф: столярным клеем и стружкой.

В сумочке были таблетки, расческа, старая косметичка, кошачий корм в пакетике, пластырь, помада и, наконец, телефон, быстро перекочевавший в руке правонарушителя.

– Бывай, парнишка, – мужчина поднял ногу и ушел.

Слава понял, что весь дрожит, только тогда, когда не смог

с первой попытки расстегнуть злополучную фиолетовую бабочку, превратившуюся в удавку, стягивающую и без того тощую шею.

Вокруг парня с девушкой лежали люди, не подающие признаков жизни из-за тяжести, упавшей на их головы. Рядом с Надей валялась легкомысленная розовая сумочка, хозяйка которой застыла на кресле закинув пробитую голову назад. Рядом с левой ногой молодого актера виднелась черная лужа крови, натекая из умершего тело, некогда принадлежавшему солидному мужчине в дорогом костюме. Словно, все кто был рядом умерли, а их с Надеждой кто-то спас, отвел смерть, а может, немного отложил встречу с ней.

Слава все еще не могу сфокусировать взгляд, рука неподвижной плетью висело вдоль тела, ноги, налитые свинцом, не случались, когда Надя начала двигаться.

У девушки было поранено одно плече, кровь красной лямкой спускалась на черное платье, а волосы наполнились гипсовой пылью и мусором. Девушка перевернулась на спину, пользуясь привилегией просторного прохода, и, выразительно посмотрев в потолок, перевела взгляд на испуганного Славу.

Он помог ей сесть и прислонил палец к губам, умоляя не задавать лишних вопросов. Девушка, увидев тела вокруг все же невольно вскрикнула, а потом, глубоко вздохнув, придвинулась ближе к юноше.

– Я рада, что мы живы. И, кто бы они ни были, надеюсь,

их скоро обезвредят, – сказала она довольно четко для человека в несколько секунд увидевшего такое, что обычного средненького обывателя повергла бы в смертельный ужас.

– Давай уйдем отсюда, думаю, что рядом с этой развалиной не безопасно, – сказал юноша все еще не твёрдо ступая на некогда красный ковер- дорожку, расстеленный по всему залу.

Колонна теперь походила на шип или копье, острым концом, убирающееся в потолок и изредка посыпающие земных обитателями крупички гипсовой стружки, некогда принадлежавшей ее верхней части.

Молодые люди, собравшись в ежиный комок ужаса, приобняв друг друга, осторожно ступали по ковру, иногда снабженного новой преградой- пострадавшим, лишённым двигаться или уже отмучившемся объектом, испустившим дух. Короткий путь, который в обычной ситуации не занял бы и двух минут, сейчас оказался настолько долгим, опасным и тернистым, что было невероятно удивительно, как обстоятельство меняют все, включая человека, расстояние и даже время.

Где-то на середине пути, кто-то со всей силы ударил молодых людей чем-то по спине, так, чтобы они синхронно, одним духом, встали на колени.

– Сказано, не ходить. Сели около следующего прохода. Тихо. А то еще голову прострелят, – слова явно принадлежали женщине, входящей в одну приступную группу с уви-

денным ранее мужчиной.

– Ты идешь. Держись, – прошептала сквозь зубы Надя, заметившая как Сережа едва не падает от боли, которую ему причиняет каждый шаг.

А парень же только сейчас заметил сцену, освещенную несколькими переносными фонарями, человека в черном, что там важно развалился на театральном пуфике, а также бурые тени его сообщников, рыскающих по залу в поисках жертв, выказывающих неповиновение.

Что заставило их поступить так? Нападать на людей? Приносить им боль? Убивать? Их ждали дома дети? Или таким бог не посылает детей? Почему же тогда он допустил их рождения? Или это очень жестокого, запрещать плохим людям рождаться?

Слава думал о несправедливости до той самой минуты, пока черные точки боли не сплелись в единое кружево, оградившее его взор.

Молодой человек крепче сжал руку Нади, которая что-то сосредоточенно шептала себе под нос, скорее всего молилась. От прикосновения девушка сначала дернулась...

– Кажется, я не вижу, – сказал Слава, притворно спокойным голосом.

Надя поводила рукой перед его глазами, все еще поглядывая на курсирующих людей. Парень никак не отреагировал.

– Это нервное. Такое у меня бывает, когда надо выходить на сцену, знаешь. Не переживай... Да, забавно это зву-

чит, конечно. Ну, постарайся сильно не переживать... Говори больше, хочешь я тебе что-нибудь расскажу... Не думай от том, что тут происходит, постарайся.

Слава начал дышать, долго втягивая в себя воздух и медленно и часто выдыхать, создавалось впечатление, что он сидит в салоне и боролся с накатывающей паникой, а не находился где-то с террористами, которые даже не говорили, что они хотят и чего от них ждать.

Б.Е.С.Ч.Е.Л.О.В.Е.Ч.Н.О, как они себя называли, похоже и сами не представляли, что должны делать террористы и как им вести себя с людьми, чего требовать и как же начать. Пришедшие люди, судя по всему, выжидали момента, какого-то часа X, после которого и должно было начаться их основное движение, того времени ради которого задумывалась операция, больше похожая на очень жестокое представление на детском празднике.

Сейчас в зале находилось семь человек, уже не сгоняющие людей, а стоящие по периметру и картинно выставляющие вперед панцири свои увесистых черных рюкзаков, набитые, должно быть, смертью. Оставшиеся шестеро куда-то испарились, скорее всего, отправились исследовать здание, которое представляло деловой центр и, соответственно, содержало в себе офисы, еще, к несчастью, не оставленные клерками.

Над татар находились тридцать два этаже, выкупленные под офисы огромной компании международного уровня, занимающейся продажей, производством и доставкой ле-

карств, необходимых в разных случаях жизни. «Человечность»— так называлась корпорация, светя огромными неоновыми буквами с крыши небоскрёба на муравейник- Москву, мигающую гирляндами неспящих домов и предприятий, ночи на пролет, словно это было в порядке вещей- не спать, когда Солнце уже отправилось на покой.

В СМИ частенько просачивалась информация про владельца компании, в течение сорока лет скрывающего свою личность. Одни журналисты утверждали, что он появился с уже сколоченным состоянием и просто вложил деньги в нужное предприятие, другие, что он взрастил «Человечность» с нуля, таким образом став одним из самых успешных миллиардеров России. Но была очевидная вещь- это был очень умный человек, хорошо разбирающийся в своем деле.

Хотя, в последние пару тройку лет про эту компанию ходили не самые лучшие слухи, в газетах разного уровня появлялась то одна статья, то другая, непрозрачно намекающие про некачественные, а порой и вовсе опасность их продукции, что они производят. Но как быстро такие статьи появлялись, столь стремительно они и исчезали, а вместо них из газет, как грибы после дождя, поднимались хвалебные отзывы и рекомендации от счастливых потребителей, оставшихся крайне довольными после приема медикаментов этой фирмы.

Некоторые лекарства компания производила в собственных фармацевтических лабораториях, другие создавали вы-

купленные заводы, находящиеся под их четким руководством. Одним словом, «Человечность» занимала лидирующую позицию среди российских компаний своего профиля на родине и одно из ведущих за рубежом. А их головной офис, где, как в мозгу, проходили самые важные решения, и протекало создание необходимых связей, сейчас находился сейчас ровнехонько над заминированным театром, служащим, в очередной раз, способом обогащения для их руководителя, выступившем главным спонсором для нового заведения.

Надя потихоньку прокручивала имеющуюся информацию в своей голове, желая найти причины того, что сейчас происходило. Но так и не видела обстоятельств подрывать театр, столь небольших размеров. Да и офис крупной компании никому особо и нужен не был, если сейчас захватчики не там, а здесь наставляют автоматы на людей, пришедших насладиться постановкой.

– Слав... Ты чего? Говори. – пихнула его в бок Надя, переставшая капается во всей информации, худа-бедно связанной с театром.

Молодой человек крепко сжал зубы, он очень старался не расплакаться: нижняя губа тихонько подрагивала, а плечи поднимались от каждого ее слова.

– Ну. Ты слушай. Хорошо? -он кивнул, – никогда не любила общаться с людьми, никогда не обнажала перед ними душу. А вот, что, если сейчас, через несколько минут я раз-

умру. И никто не услышит то, что у меня на душе. Хотя, наверное, был один человек, который знал обо мне очень много, которому я доверяла, который доверял мне. Он был очень хорошим, самым лучшим, если быть честной, в моей жизни. Но он умер. Как ты думаешь, он на том свете дожидается меня или уйдет куда-нибудь, где веселее... Где девушки красивы, как богини, а солнце ярче, чем в Италии. Или рая не существует... Так вот. Я никогда ничего не говорила. Даже мама не особо в курсе того, что со мной происходит. Но, ей что говори, что не говори - все едино. А ему я только лишь писала, такие знаешь объёмистые письма, которые с трудом помещались в конверт. Я писала каждый день, а отправляла дважды в неделю, желая ему не показаться назойливой и липчивой. Он мне тоже писал, даже пару раз летом приезжал в гости. Хороший он был челок. Да бог с ним... Я надеюсь, что сейчас он в лучшем месте. Вот, а я хочу сказать, что всю жизнь меня гложет один единственный вопрос. Какого человека можно назвать талантливым? И талантлива ли я? Ты думаешь, что это эгоистично? Пожалуй, так, но меня мучает этот вопрос. Сколько себя помню, только он был у меня в голове и злость, которая выливалась в зависть. Вот кем ты меня представляешь? Миленькой балериной, которая прекрасно танцует и всегда получают море цветов. Вообще нет. Я ужасна, просто в самой крайней степени. Я завистлива, жадна до комплиментов и падка на похвалу. Как я ненавижу этих красивеньких изящных идеально сложенных девочек, наделен-

ных всем с рождения. И растяжка у них и телосложение и длинна ног. Все. А я... Правда, сейчас этот как-то поутихло. Наверно, смирилась. Приняла реальность. Мне же уже почти тридцать. Считай, скоро уже и старость, которая несет меня в небытие, словно меня и не было. Я всю жизнь надеюсь на то, что найду себя, найду ту крупницу золота, что есть в глубине меня и покажу все, что я тоже драгоценность, а не пирит, что блестит только под определенным углом. Надежда, как говориться. Только вот, знаешь, наверно этого так и не случиться, мы тут... Хахааа, -рассмеялась девушка.

– Умею поддержать. Скажи. Ну, как? Видишь что-нибудь? Или все еще темень- спросила Надя.

– Вижу свет и тебя. Мне кажется, что золото рассыпано по твоей коже, а ты и так сверкаешь, без всяких там натужных поисков, – как-то бесцветно сказал парнишка, уставившись на сцену.

– Почему ты думаешь, что ты не талантлива в любви? Или может быть в кулинарии? В поэзии или, например, в вязании крючком. Почему именно балет, – спросил через несколько минут ее Слава.

– А я ничего кроме балета не умею. Разве, что животных люблю. За то, что я для них просто так хорошая без причины. Им ничего не надо доказывать, только вот любовь к братья нашим меньшим- не талант.

– Не это. Доброта. Почему тебе важно, чтобы тебя кто-то любил, почему для счастья не хватает, того, что ты любишь

себя. Хочешь, я буду за тебя, чтобы тебе не было так страшно, – произнес парень.

Надя замерла. Он произнес почти слово в слово Петины слова, словно это Петя ее сейчас утешал. Надя заплакала, прижавшись лбом к спине юноши.

– Я обычно шучу. Так уж повелось. Всегда шучу, веселю других. Не выходят у меня серьезные речи, сплошно шут, в общем. И мне это очень не нравится... Послушал тебя... и подумал, что действительно так это и не произнесу. Вот произнёс, кажется, не поменялось ничего. Все так же. Хм, а какой эффект вообще должен быть? Я должен почувствовать облегчение... Да не плачь ты, думаю, что облегчение наступит только после смерти, отпустившей тебе все земные муки. Так моя бабушка говорила. Она верила, что люди перерождаются и в следующей жизни получают то, чего не смогли получить в этой. А если же еще они гибли не просто так, а как-нибудь героически, то и вовсе перерождались в людей, рождённых с серебряной ложкой во рту. Может быть, я так думаю, если уж жить не получилось шикарно, хотя бы может быть умереть, помогая другим?

– Звучит, как хорошо продуманный план. Даже смешно так цинично говорить об этом. Словно жизнь ничего не стоит, а твои слова действительно правда, и так мы купим себе счастливый билет на поезд в новую жизнь. Ты не думаешь, что это глупо? С легкость умирать? —Надя вытерла слезы о его рубашку и вновь села рядом, проведя между делом ла-

донь перед глазами Славы, которую он уже реагировал на движение, доказывая это движением зрачков.

– Почему ты решила, что это будет легко? Никогда не легко. А уж тем более умирать за других, все равно что сигать с большой высоты в море, не знаешь получится ли удачно или нет. Думаю, размышлять о перерождении не стоит, иначе действительно как-то противно цинично выходит. Что если думать об этом, как о подарке, для тех, у кого есть шанс? Кто талантлив? Или молода? А вдруг кто-то должен стать отцом или матерью гения, а мы можем его спасти? Представляешь, ты спасешь будущего Моцарта, а я мать будущего Толстого. Согласись, что за такое и умереть не жалко, если конечно, нет чего тереть. Но я думаю тебе есть. У тебя же есть семья. Наверное, ты любишь своего мужа или кто должен был с тобой сидеть? Я уже и забыл, прости.

Надя начала нервно смеяться, прикрывая рот рукой, чтобы лишней раз не привлекать к себе неугодных зрителей.

– Ха, у меня есть парень, который рад моему наличию, но не более. Мы с ним спим иногда, когда он не очень устает на своей работе. Он программист, много работает, часто задерживается в своем офисе, где проверяет перечень медикаментов и заносит их в карты. Может быть слышал про фирму «Человечность», вот он в одном из их филиалов трудиться, деньги зарабатывает. Кажется, ему все в этой жизни нравится, а главное он сам. Даже если я умру, не будет он по мне слезы лить, разве что по нашим привычным отношени-

ям, которым опять придется искать достойную замену. Свидания, девушки, время. А он не очень тратит время на кого-то кроме себя. Наверное, нехорошо так говорить, но так уж есть. Такой вот у меня «муж», как ты выразился. А вот кота жалко. Он у меня умный, хороший, правда старый уже. Кто его без меня кормит будет. Не думаю, что Макс возьмет его к себе. Да скорее выкинет на улицу. А Петрунин пропадет... Может быть написать брату, чтобы он его забрал?

– Ты чего, я же отдал телефон, куда писать? Да и как. – сразу же отберут.

– Ну, у меня еще часы остались. – И девушка тыкнула в умные часы, которые, поблескивали на ее запястье.

– Ты хочешь сказать, что террористы такие идиоты, что не собрали часы-смарты, которые тоже смогут служить передатчиками. Вот же... Пиши, я прикрою. Пиши в полицию, только быстро...

Надя даже замерла от столь прекрасной мысли столь внезапно посетившую ее голову. А что если увидят... Ну, тогда она получит счастливую жизнь...

Слава прикрыл приобнял девушку заслонив ее руки своим телом, изображая пылкие объятия влюбленного, утешающего возлюбленную.

– Все. Я написала. В милицию. Брату. Даже Максу написала. Так что, может быть, перерождение нам не понадобится, – сказала Надя, поднимая голову на Славу.

Они практически столкнулись головами, но все же сопри-

коснулись носами, что их очень рассмешили, заставив улыбнуться вечно серьезную балерину и постоянно смеющегося парнишку без определенных целей в жизни. Так они и смотрели друг на друга, видя в глаза друг друга отражение столь похожей жизни. Кажется, что еще мгновение, и между ними пробежала бы молния, воспламенив кровь.

Но тут раздался противный и уже знакомый некоторым голос, принадлежащий белобрысому главарю.

– Господа, как вы наверняка догадались, что вы попали в самую настоящую передрагу. Мы здесь вас недолго подержим, так уж надо, вы подождите. А потом, я на это очень надеюсь, мы с вами мигом разойдемся. Если никого нет вопросов, то пожалуйста, прижмитесь поплотнее к полу и молчите. Не мешайте нам творить здесь все, что нам хочется, потому что нам это слишком дорого встало. Повторяю, мы не стремимся причинить кому-либо вред, но если придется, то можем воспользоваться и оружием. У нас оно в избытке.

Главарь затих и продолжил разговаривать с высокой девушкой, старательно о него отворачивающейся, но все же не отходящей. Словно, что-то ее вынуждало стоять и смотреть на людей, которые в страхе сворачивались в защитные коконы и мысленно прощались со своими любимыми и близкими. На самом деле девушка уже давно простилась, а теперь лишь стояла и с замиранием сердца следила за людьми причиной смерти которой могла бы стать.

Часть 2

Глава 5

За одну минуту и час с третьей до...

Борю вздрогнул от неожиданно-резкого звука. Темень холодной весенней ночи неожиданно озарилась тревожным флуоресцентный светом старенького смартфона. Ему написала сестра.

Спаси. Я в театре. Тут убивают. Надя.

Боря сначала посчитал это розыгрышем, ведь столь неожиданным и несвойственным было вмешательство сестрёнки в его житье-бытье.

Обычно она звонила или писала ровнёхонько по собственному праздничному расписанию. Поздравляла с важными датами или событиями, такие как новый год, день рождение или именины. Никогда не утруждала себя излишней словоохотливостью или прямотушием. Говорила все четко, по делу и не слишком эмоционально. Кажется, даже когда он звонил ее прощаться перед своей возможной смертью, Надя лишь сдержано простилась и положила трубку.

Но сейчас у нее явно что-то случилось. Парень проснулся

и начал судорожно размышлять.

Какой театр? Куда бежать? Москва? Но до нее же 12 часов езды. Куда? А Максим ее? Он там с ней?

Парнишка, с большим трудом поднял свое грузное тело с разложенного кресла-кровати и прилип к экрану, молниеносно загоревшегося телевизионного экрана. Там ничего не говорили о каком-то московском театре, где убивают. Тишина, не внушающая ничего хорошего.

Адреналин начал тихонько покидать организм, но энергия все еще бушевали, даруя парню невероятную силу и несвойственную обычно сообразительность.

– Ало. Максим? Срочно, ты с Надей. Кто? Брате её. В каком она театре? Что с телефоном? Взломали ее? Тебе тоже пришло это сообщение? Ты думаешь, что это спам... Она бы скорее утопилась, чем потеряла своей телефон или часы. Это она писала, наверняка. И у нее неприятности. Максим, спаси сестру. Я еду в Москву, как только денег соберу. До связи.

Парнишка облегченно выдохнул и сел на кровать. Адреналин весь вышел, и Боря вновь оказался в своем неповоротливом теле, обвешенном гириями лишнего веса и болезней. Сто сорок килограмм и каких-то жалких 1,7 росту. Еще целый букет болезни и последствий, полученных после двух неудачных пресытое печени, что провело к длительному отравлению организма. Боря в свои двадцать с не большим выглядел, как сорокалетний мужчина, которого в жизни ничего кроме еды и не интересует. Да и что могло интере-

совать паренька, прожившего в больнице почти десять лет.

Боря ощутил знакомую жалость к себе, но, вспомнив про сестру, начал быстро, как только мог одеваться. До чего же неудобно одеваться, когда не видишь ног из-за нависающего пуза.

Почему он так спешил? Может быть, хотел спасти то хорошее, что как-то соединяло его с обычной жизнью. А может быть тревожная неразбериха с Надей, служила ему хорошим стимулом вырваться из этой жизни, где существует лишь экраны и доставка готовой еды. Сестра вновь дает ему шанс.

Стоит ли звонить матери и ее семейству? Наверное, нет, ведь они слишком счастливы и беззаботно живут где-то на той стороне земного шара, где круглый год солнце, а море плещется прямо у крыльца твоего дома. Как его мама повстречала своего четвертого мужа, обеспеченного мецената, оплатившего лечение Бори, так женщина и исчезла, прихватив с собой младшую сестренку и остатки своей материнской любви, вскоре растраченные на милых близнецов, родившихся под солнцем чужбины. В общем и целом, не стоило на нее обижаться, ведь деньги на житье-бытье она прислала регулярно, иногда даже писала в фейсбуке, интересуясь как там ее сыночек поживает

– Не стоит, – пробурчал себе под нос Боря, надевая черный рюкзак, долго пылившийся на антресоли.

На улице, уже сидя в автобусе, едущем на вокзал, Боря

написал Глебу, своему старому знакомому. Они познакомились в больнице, где первый лежал уже мучительные пять лет, а второй попал случайно, но по серьезной причине. Сейчас приятель работал в Москве то ли журналистом, то ли парнишкой на подхвате. Но главное, о мог много рассказать.

–Здоров, Глеб. Да, прости если разбудил. Не спишь? Все еще на работе? У вас та ничего странного в Москве не происходит? Ну может, где убивают кого? В театре?! Теракт...

Боря опустил трубку. Друг действительно подтвердили. И это не играло на руку.

Надя ему не врала. Теперь, когда реальная угроза дышала ей в затылок, вся эта поездка уже не казалась игрой или приятным путешествием к своей немножко нездоровой на голову сестренке.

Надю могут убить. Единственного человека, который помнит, когда ему пересадили печень, того, кто привозил ему супы из дешевой забегаловки, в то время, когда он не мог глотать твердую пищу, могут убить. Просто взять и в любую секунду лишит жизни. Но он ей даже спасибо не сказал, за то, что она его не оставила, хотя могла бы, как мама отгородиться от проблем и убежать в свою академию. Но, не смотря на кажущее безразличие и равнодушие, Надя его не оставила. Даже сейчас, когда ее это и вовсе не казалось, она присылала ему деньги, которые просила потратить на здоровую еду и сухо прощалась, вешая трубку. Она не была плохой, как казалось. И это открытие Боря обязан был сказать

ей лично.

Юноша вновь поднес трубку к уху.

– Глеб. Пожалуйста. Встреть меня на Казанском вокзале, я приеду утром. Да, спасибо дружище... Ах, да. Если тебе это надо знать, там, внутри убивают людей, мне написала сестра...

Пока Боря с трудом заходил в поезд, кляня свою неповоротливость на чем свет стоит, Глеб в Москве выполнял свои прямые обязанности. А именно, был на подхвате.

– Владислав Игоревич, тут информация поступила, что в Свече действительно что-то происходит. Это не вброс и не ложь. Там действительно убивают. Может быть стоит туда ехать.

В офисе, где еще двадцать мигнуть назад царило оживление, сейчас висела гробовая тишина, обнажающая каждый случайный звук, начиная от кашля и заканчивая ударами воды о железную раковину. Слова же стажёра в эту минуту вновь наполнили помещение звуками и вернули безмолвный мир в его привычное состояние. Люди, дремавшие над работой, которую приходилось выполнять сверхурочно, проснулись и вновь застучали по клавишам.

Вячеслав Игоревич провел по лицу рукой. Тщетно пытаюсь проснуться, похлопал себя по щекам. Главный репортер встал со стула и, распрямившись в полный рост, которого в нем было почти два метра, стал расхаживать по комнате, надеясь таким образом структурировать свои мысли и планы.

– Значит так Глеб, группа туда уже выпихала. Хорошо, что ребята из милиции делиться информацией, иначе сейчас бы уже места не было около этого здания. А твои слова, это кое-что да... Тут надо подумать... Ты связывался с кем-то, кто в этом здании? Как? – мужчина перевел взгляд на парнишку, тут же вытянувшегося по стойке смирно.

– Мне звонил мой товарищ. А с ним, должно быть, связался уже кто-то оттуда. Не знаю, как...

– Это называется журналистская хватка? Тебе материал прямо в руки приплыл, тебе надо было его только поймать, а ты... Недотепа.

– Но мой друг приеду на утреннем поезде, я должен буду его встроить, тогда...

– Ты вообще понимаешь, что до утра все уже закончиться? Там или убьют всех тысячу раз или взорвут все к чертовой бабушке. Какой, скажи мне на милость, товарищ, если все закончиться... Господи, с кем я работаю...

Вячеслав Игоревич согнулся в две погибели и, заложив руки за спину, стал ходить по комнате еще быстрее. Лихорадочно работающий мозг уже сложил все имеющееся в единую картину. Пора было действовать.

– Все. Хватить дурью мается, я сама поеду, звони Жоре, пускай без меня ничего не снимают. А ты мониторь форумы и вбросы в сеть, если что, сразу же звони мне.

И главный редактор вышел из комнаты, немногая шаркая ботинками по полу.

Глеб, оказавшийся без малейшего понимания ситуации и обстоятельств, просто присел на небольшое кресло, что стояло у двери. Силы у молодого сотрудника кончились, и он прикрыл ненадолго глаза, жалея спрятаться от всей суматохи, что творилась здесь этим вечером. Началось все с того, что позвонили друзья Вячеслава Игоревича, затем звонили коллеги из отдала, получившие подобную информацию. И маховик журналистики закрутился, завертелся, разнося людей и их жизни в разные стороны.

В этом, как считал Глеб, есть главная сила журналистики: забывать обо все, и вся и рассказывать целому миру, что творится, не опираясь на чье-то субъективное мнение, основанное на чувствах и эмоциях.

И примером для такого поведения, несомненная являлся Вячеслав Игоревич, собравший в себе самые нужные и полезные журналисту черты. Мужчина был собран, ответственен, трудолюбив и дотошен. Въедлив и беспристрастен. На нем не висело бремя в виде семьи, как на многих его ровесниках – коллегам, одним словом, мужчина жил ради работы. Глеба давно им восхищался, и даже сейчас, когда начальник в очередной раз указал ему на промахи, тянущиеся за парнишкой вереницей, Глеб погрузился в сладостную дремоту фантазий, сотканную из его глубоко желания стать хорошим репортёром, как его начальник.

А вот Владислав Игоревич и питал иллюзий, уже не упивался мечтами, он просто работал по давно созданному об-

разу. В эту минуту, как и множество раз до этого, мужчина двигался в то место, куда ему необходимо было попасть ради получения лучшего результата. Редактор ехал к театру, в котором творилось что-то неладное.

До того, как попасть в информационную службу, где он работал уже одиннадцатый год, мужчина служил менеджером, возился с бумажками, таблицами и прочими не особо интересными вещами. А потом, бац. И все поменялась. Теперь он, в свои неполные пятьдесят, бегает туда и обратно, нервничает, кричит на младших коллег и чувствует себя совершенно счастливым человек, нашедшим дело своей жизни.

Что должно было произойти, чтобы человек ощутить это? У него началась новая жизнь, для которой требовалось скинуть все, стереть, будто ничего и не было. Будто его прежнее имя Славик, как лазского называли коллеги, исчезло в неизвестности. А все благодаря судьбе, в которую мужчина уверовал совершенно случайно, но крепко и навсегда.

Все шло из рук вон плохо. Работа не радовала, а жизнь, казалось, не имела смысла. Пока, из-за невнимательности Славик чуть не погиб. Едва только – только не переехала машина. Буквально из-под колеса, мчащейся навстречу легковушки, его вытащил пожилой мужчина в огромных, почти что на все лицо очках. Ему Вячеслав Игоревич был признателен всю свою жизнь. Дедок его долго осматривал, а потом, усадив на скамейку, начал медленно расспрашивать. Имен-

но расспрашивать, а не рассказывать про себя, как это часто делают одинокие пожилые люди, ищущие аудиторию.

– Ой, ну и высохший же ты кузнечик. А сколько тебе? Должно быть молодой, а лицо вон уже все посерело. Нравиться тебе хоть что-нибудь в жизни? Работа? Девушка?

– Я женат, – хрипло произнес Славик.

– Значит не любишь, коли таким тоном отвечаешь. Она, должно быть тоже, раз ты не спешишь домой, женушка и не звонит, не ищет. Ох, до чего жизнь докатилась. Никто никого не ищет, никто не ждёт, не люби. Просо ходят, как машины и деньги зарабатывают. Разве это счастье?

– А что по-вашему счастье? Зачем оно вообще? На счастье, еды не купишь, комнату не оплатишь.

– Да, это ты правильно сказал. А еще без счастья жизни не будет, какой бы правильной она не была. Будь ты тысячу раз добродетельным и хорошим, а вкуса еды и запаха горного воздуха ты так и не почувствуешь. Потому, что незачем тебе. Нет у тебя смысла, нет у тебя повода чувствовать.

– Зачем? Если я буду счастлив, то другие окажутся несчастны, как же быть?

– Тоже верно. Но с чего ты взял, что твое несчастье-это их счастье и наоборот? Почему ты не попробуешь? Немного, а потом решишь, глядишь жизнь приобретет краски, звуки и еще что-нибудь.

– Вы так говорите, должно быть вы нашли свое, по вашему мнению счастье? Вы не выглядите таким серым листом, как

я.

– А вот это, молодой человек, я и сам не знаю. Счастье, оно, как воздух, когда оно есть- его не замечаешь, а когда-нет, то становится тяжело. Может быть... Может быть...

– Тогда... Спасибо. Я пойду, наверное. Огромное вам спасибо.

– Не за что пока. Вы если вдруг надумаете что-то, приходите, может быть в нашем центре вам найдется место. Спросите там Антона Александровича, того, что за литературный раздел отвечает. Это я. Помогу вам. Очень уж вы на моего сына похожи. Помогу.

В общем, так Славик и превратился в Вячеслава Игоревича, а его покойный шеф и наставник стал ему настоящим другом, по которому он частенько горевал. Правда, если говорить уж совсем честно, за свое счастье он заплатил потерей семьи. Но, как в глубине души надеялся мужчина, они по нему не сильно лили слезы.

–Жора. Вот и я. Ну что тут у вас происходит. Быстро в курс дела меня в веда. -отчеканил продрогший мужчина, подошедший к съемочной команде.

Вокруг высотных зданий, в сотни метров о того злополучного театра уже дежурил ОМОН, полиция и еще какие-то непонятные люди в форме, переговаривающиеся по рациям и огораживающие территорию.

Мимо них прохаживались зеваки, которых росгвардейцы потихоньку отодвигали все дальше и дальше от место воз-

возможной трагедии. Забота о людях- приятное дополнение к работе спецслужб.

– Говорят, что все входы и выходы заминированы и все, кто сейчас находится в высотке, не выйдут оттуда, разве что их вывезут через крышу, но есть информация что лестницы тоже заминированы.

– Откуда это информация? Неужели кто-то информирует изнутри?

– Нет, террористы включили прямую трансляцию, почти сразу, как мы сюда прибыли. Да и спецслужбы тоже не лыком шиты- уже много что накопили. Но, шеф, мы все еще единственные репортеры, которые сюда прибыли.

–Ты не очень – то радуйся. Это значит, что работы у нас море. Надо узнать больше и тогда, сразу в эфир. Думаю, нас пустят в эфир главные каналы, если Светочка им запросы отправит.

–Если больше информации соберёте, да побольше драмы, чтобы было трогательно. То пустят- отозвалась менеджер-Света, устанавливающая раскладные столики.

– Ну ты и стервочка. – недовольно пробурчал Вячеслав Игоревич.

–Какая уж есть. Ищите людей. Может Глебу позвоните, он чего нашёл.

Начальник группы не стал бежать впереди паровоза, поэтому решил осмотреться прежде, чем кидаться в пучину неизвестности. Никогда за свою непродолжительную карье-

ру репорте не оказался в такой гнетущей обстановке. Порой приходилось оказываться и за рубежом, и в небезопасных, почти оккупированных городах. Но никогда еще он не видел напряжения, окутывающее театральную площадь, где расположились журналисты и спецслужбы.

Словно человечность смешалась с безнадежностью и легким флером страха, не в полной мере еще осозанным. Весеннее бесцветие и темная ночь нагоняла тоску и замораживала нарастающий в груди страх.

Спецслужбы еще не проснулись, поэтому находились здесь ради формальности, которую продиктовала начальство, не верящее полностью в реалистичность происходящего.

Зато коллеги Владислава Игоревича были погружены в работу, старательно капались в крохах той информации, которую из великодушия кинули им, как кость, уполномоченные приятели.

– Я нашла. Его папаша сразу же всю общественность поднимет. В зале находится сын Елизарьева, известного на всю Москву хирурга. Может быть, кто-нибудь знает, как достучаться до этого семейства, – вскрикнула Света, оторвавшись от экрана.

– Это в этом семействе доктор-Неда, которая в детском центре работает, мы же у нее недавно интервью брали для утренних новостей?

– Это жена невезучего сына, звони. Вот же подфартило. –

Довольно произнес Вячеслав Игоревич

Глава 6

Неда сидела на самом близком к выходу месте, надеясь сбежать в тот самый миг, как выдастся такая возможность. Во главе стола находился Сергей Елизарьев, отец именинник и глава дома, выглядящий не очень радостно, а скорее раздраженно. По праву руку – его импозантная жена, все время с опаской поглядывающая на главу семи. Слева – мужчина неопределенного возраста с пепельной лицом, сын именинника. Мужчина был смертельно вымотан, но все же пришел на сие «теплое мероприятие», прихватив с собой сына-интерна и миниатюрную жену, которые копались в телефонах и даже на поднимали глаза на присутствующих. Рядом с хозяйкой дома расположилась дочь с мужем, угнетенно улыбающиеся и напряженно счастливые. Ни один из здесь присутствующих не хотел быть здесь. Их идеальные наряды, сдержанные движения и натужные улыбки-ширма, скрывающая далеко одиноких людей, находящихся врозь, будучи рядом.

Все здесь, начиная от наречённого отца и заканчивая племянником-раздолбаем били здесь настолько неискренними, что от этого невольно сводило зубы. Останавливало одно-она была точно такой же. Мило сидела, улыбалась, надеясь таким образом получить какое-нибудь преимущество, дополнительные очки, так сказать. Зачем? Для чего?

Этого Неда не знала. У нее уже было все, о чем мечталось.

Все то, к чему она ползла сквозь жизнь, как по минному полю, лежало перед ней и... было ей уже и не нужно. Зачем? Бесконечная работа, высокая должность, признание на работе, любовь пациентов, внушительная зарплата, заграничные семинары и лекции, одним словом- успех.

Оно было словно картонное, а Неда, облаченная в грозную маску, была королевой этой бумажной инсталляции. Женщина была поддельной королевой окружающего картонного мира. И где была она настоящая? Та, которая всем сердцем любила детей, до жути боялась лягушек, обожала книги и их солнечно-пыльный запах? Где-то далеко, обращенная воспоминанием юности девочка, горящая честностью и любовью к ближнему, почти умерла.

Ту девочку и любил Вова. Вот кто знал ее настоящей больше других, но и эту частичку Неда старательно отобрала у парня и захлопнулась в непробиваемый панцирь строгости и циничности. Прошлая она мечтала о самореализации, которую ей, по личным соображениям, мешала получить семья, муж, дети. А Вова, Вова... весь такой до нельзя добрый и податливый, он никогда ни на чем не настаивал. Он просто ее любил. А порой мягко, боязливо говорил ей о детях, о их семейном будущем. Ведь было непривычно слушать его желания, при этом не озвучивая собственные чаяния. Почему?

Потому что не хотела казаться беспомощной, уязвимой, продемонстрировать больше своего слабого места, чем было нужно. Ровно по этой же причине женщина сбежала от Во-

вы, когда поняла свои ошибки и то, какую боль ему принесит. Слабость – то, что никто в целом свете в Неде так и не заметил.

Сидя здесь и осознавать, что ее жизнь, внешне красивая и успешная, пугающее сильно похожа на Елизарьевскую, было страшно. Настолько страшно, что женщина не знала куда и деться от внезапно вспыхнувшей мысли.

И тут позвонили.

Неда, обрядившаяся, что можно сбежать на счастливо образовавшуюся работу, взяла трубку. Слегка побледнела. Кивнула на прощание присутствующим.

А затем молча вышла из зала, под неодобрительными взглядами счастливого семейства.

Легенда о пользе страха

Гельку складывал бумажных журавликов, пользуясь журналом оставленным посетителем приемной. Увлекательно занятие поглотило ребенка с головой, поэтому он не сразу заметил подошедшего. Посетитель зашел в приемную и, так и не сказав ни слова, замер, остановившись рядом с мальчиком. Это была высокая девочка с курчавыми русыми волосами и разодранными в кровь коленками.

– Прости, ты не знаешь куда дальше надо идти? – тихи спросила девочка.

Гелька улыбнулся и приветливо ей помахал.

– А вон в ту дверь. Но тебя должны вызвать. Посиди пока со мной. Не бойся, здесь никто не кусается.

Девочка присела, морщась от боли.

– Да ты не переживай. Знаешь какая моя мама классная! Она тебе быстро поможет. Все хорошо будет. Лучше посмотри какая у меня есть книга.

Девочка поглядела на книгу и тут же вновь потупила взгляд.

– Красивая. Это тебе мама купила?

– Конечно же нет, здесь истории, которые я собираю. Мама их потом сюда записывает, а я поля украшаю. Хочешь и твою любимую историю запишем сюда?

– Моя история? Но моя история не такая, чтобы записывать в такую красивую книгу.

– А ты расскажи такую историю, которую ты хотела бы прожить. Чтобы сказка была очень важной для тебя.

– Она может быть про кого угодно?

– Ну конечно же, твоя история может быть про кого угодно, ведь это твоя история. Хоть про крокодила, хоть про принцессу.

– Ладно. Слушай тогда, только не злись, если не понравится.

«В далекой восточной стране, где богатые носят мягчайший шелк и дорогие украшения, а бедняки дни и ночи на пролет гнут спину на рисовых полях, жил Воин. Он когда-то верно служил императору, исполнял все его повеления, при-

крывал его своим щитом в минуты смертельной опасности, а минуты триумфа – благодарно склонял перед Солнцеликим голову. Так бы прожил Воин подле императора, если бы не черная зависть чиновников, точащих зуб на весь род воина. Стали чинуши нашептывать злые слова про отца Воина Императору, принялись очернять старшего брата и дядю в его глазах. Про его сестер распустили грязные и непристойные сплетни по двору, а невесту воина и вовсе выставили посмешищем перед всем двором.

И поверил их словам Император, страшно разгневался он на семью Воина и призвал того к себе в покои.

–Знаю я о твоих подвигах, друг мой, знаю и то, что никогда ты меня не придашь. Но дошли до меня злые слова о твоей семье. Недостоин такой верный друг, как ты, такого поганого рода. Оттого повелеваю тебе возглавить отряд, что уничтожит вашу семью.

Воин молча склонил голову, почтительно поклонился и вышел из покоев императора. Воин был предан владыке, но ничуть не меньше он был предан и своему отцу, и другим родственникам. Не мог он позволить погубить их, но и сам погибнуть не хотел. Тогда написал он письмо, прикрепил к меткой стреле и пустил ее ровно в свой двор, чтобы предупредить всех любимых своих.

И после этого, снял воня свои дорогие доспехи и шелковое кимоно, надел простое крестьянское одеяние, убрал свой бесценный родовой меч в торбу и пошел куда глаза глядят.

И шел он так дни напролет, съдаемый совестью и тоскою, злостью на себя, страхом за свою жизнь и ненавистью к собственному мягкосердечию и трусости.

Так шел он год и два, и все десять. Позабыли о нем люди, да и сам Воин про себя позабыл, осталось от бывшего только тень, да меч, тянущий к земле.

Зашел безрадостный воин как-то раз в небольшой город, где вдруг не оказалось людей. Все лавки были пусты, но полны товаром, конюшни — лошадьми, а едальни — пищей. Так ходил воин по городу день напролет, а на ночь зашел в постоялый двор, где горел свет и разостланы были футоны.

И в тот самый миг, как Воин прилег, слышались тяжелые шаги. Но Воин не растерялся, выхватил меч и принял боевую стойку, резво вскочив на ноги. Шаги затихли, а потом переменялись, на легкие, будто женские. И к воину из тьмы вышли две его сестры с отрезанными волосами и в изорванных в клочьях нарядах.

— Что же ты не защитил нас. Теперь мы мертвы и не можем никак покинуть этот свет, потому что никто не прочел по нам молитвы, никто не сжег наши тела. Что же ты...

И встали они рядом с Воином и заплакали кровавыми слезами.

А Воин посмотрел на них, снял с себя рубаху и отдал старшей сестре, отрезал свои волосы и отдал их младшей.

— Простите меня милые мои сестры. Страх сковал меня, не мог я прийти к вам на помощь, потому что нет для меня

в целом свете ни единого человека, кого я могу послушаться, кроме императора. Не сносить мне головы было бы, коли б пошёл против него. Я хотел, чтобы вы спаслись, мои хорошие. Простите меня, не достоин я места среди вас в загробном мире.

Сестры успокоились, приняли подарок брата и ушли, оставив за собой кровавый след.

Рассвело. И снова все повторилось. Снова воин не нашел ни единого человека во всем городе. И опять лавки ломались от товаров, а фонарики, украшающие улице, задорно качались от набегающего ветра.

Наступила ночь. И вновь слышались шаги. На этот раз мужские, уверенные. Холодок пробежал по спине Воина, ощущающего, что вновь пришел к нему Страх, чтобы заглянуть прямо в лицо.

И правда, пришли к Воину его отец с перерезанным горлом и задушенный брат, тянувший за собой отрубленную руку.

– Что же ты не встал с нами плечом к плечу. Что же ты не защитил дом свой. А как заяц, сиганул в кусты. Зачем оставил нас страдать в этом мире не упокоенными?

– Простите, отца и брат мой. Слаб мой дух был. Не хотел я противостоять воле Повелителя. Не хотел выбирать сторону. Хотел для всех оставаться хорошим, да еще и жизнь сохранить. Простите.

Отрубил Воин себе руку и приставил ее к плечу брата, а

оставшейся рукой отдал отцу меч.

Притихли неуспокоенные души, приняв дары от живого человека, и ушли перед самым рассветом.

Весь день не выходил воин на улицу, истекал кровью. Ждал. Ждал грядущей ночи.

И снова, как и впервые две ночи, слышались шаги, такие мягкие, словно кашка крадется, а не человек ступает по циновкам.

То пришла к нему его прекрасная невеста, краше которой не было во всей стране. Пришла она совершенно нагая, со спутанными, перемазанными грязью волосами. И заговорила еле слышно.

– Почему же ты, мой любимый, не пришел на помощь мне. Отчего, сердцу мое, оставил меня на поругание извергам этим. Отчего собственноручно не лишил меня жизни. И заставил меня саму утопиться от перенесенного позора.

Понял все Воин, упал перед ней на колени и принялся молить о прощении.

– О свет мой, трус я. Трус. Не смог выбрать, что есть истина, а что ложь. Страдаю я страшно. Не могу простить себе свою трусость. И страх.

– Не надо корить себя из-за страха, сердце мое. Страх- это то, что заставляет тебя отсеяться человеком. Сам страх не страшен, ужасен тот человек, кто идет на его поводу, уходя с собственной дороги. Виноват не ты, одержимый страхом. Виновен ты, не нашедший силы пойти с этим страхом рядом,

а не спрятаться от него, свернув с жизненного пути. Будь же спокоен сердце мое, я прощаться пришла. Ибо нет самоубийцам покоя нигде, ни в мире мертвых, нив мире живых. Не могу я уйти, так и останусь здесь, неживая буду, немёртвая.

—Что ж. Тогда живи. Я дарю тебе жизнь. Возвращаю то малое, что могу вернуть.

Воин вырвал сердце свое и вложил его в пустую грудь умершей невесте. Сам в ту же минуту пал за смертью, а девушка упала без чувств.

Утром люди, проснувшиеся после долгой ночи, нашли на постоялом дворе окоченевшее изуродованное тело сына старого управляющего города, который ушел отсюда десять лет назад. И рядом с ним, не понятно, как, прямо из земляного пола выросла и распустилась сакура.»

Девочка закончила свой рассказ и снова уставилась в пол.

— Какая страшная сказка. И кем же ты хочешь быть в этой истории? Неужели этим воином.

— Нет, им я уже была. Хотела бы стать сакурой, которой был подарен шанс на жизнь.

Геля замолчал. Вытер слезы и протянул девочке конфетку.

— В этот раз, в этот раз точно у тебя будет второй шанс. Иди, тебя вызываю. Удачи Лика.

Девочка кивнула и, все еще уставившись в пол, пошла в кабинет.

За одну минуту и полтора часа до...

Макс с облегчением рухнул на кровать. На работе выдался трудный день, начальство все насаждает уже какую неделю с бесконечными отчетами. У мужчины было ощущение, что фармацевтическая корпорация, с которой работала его логистическая фирма, старательно пыталась спрятать свою продукцию, разослав в удалённо точки, расположенные в хаотичном направлении по всей стране.

Макс еще пару месяцев пытался разобраться в этом, но в общем, сейчас до работы мужчины не было никакого дела. Хотелось только поспать, съесть купленный в ближайшем ресторанчике пасты с грибами и выпить чего-нибудь крепенького. Театра в списке желаний не было. Да, что уж греха таить, мужчина не особо любил лишних передвижений, эти театры, музеи, оперы не доставляли ему удовольствия. Смысла в них просто не было. Так и сегодня у Макса нашлась причина, чтобы избежать от очередного бесцельного сидения в пыльном помещении с Надей. Все равно билеты достались бесплатно, были отданы приятелем, поссорившемся с дамой сердца.

Хорошо, что она не особо злилась из-за этого. Его девушка спокойно воспринимала его отлучки, не злилась, не устраивала истерики. Хотя, наверняка, Надя понимала, что все его слова-отговорки. Золотая женщина, если подумать, была его

девушка. Жалко, что не очень симпатичная.

Максим скинул ботинки, распластался на диване, и врубил телевизор. Кот, спавший на коврике рядом с экраном, тут же проснулся и недовольно зашипел на Макса.

Петруня недолюбливал Макса, а мужчина кота. Вот и сейчас отдыхающий просто кинул в кота подушкой и вернулся к просмотру. Будь здесь Надя, мужчина и не посмел бы даже косо посмотреть на животное, ибо девушка в нем души не чаяла, носилась с ним, как с ребенком, и очень переживала, что кот может умереть от старости.

Максим же считал, что это бессмертный комочек злости переживет и его, и Надю, потому что такого шкодливого и вредного кота стоило еще поискать. Ботинки приходилось прятать в антресоль, одежду всегда убирать на верхние полки, только лишь затем, чтобы рыжая бестия не испортил их. При этом Надины вещи не подвергались нападению.

Макс до сих пор помнил, как впервые познакомился с котом около трех лет назад. Тогда Макс чувствовал себя с Надей неуверенно, старался быть внимательным и добрым, шутить и слушать. Тогда впервые котяра и исцарапал парню руки так, что до сих пор шрамы остались.

Наде, будто не замечавшая ненависти своего любимца, регулярно подтрунивала над враждой своих мужчин. Частенько журила Петруню, но еще чаще накидывалась на Макса. Дескать кот чувствует, злость его, вот и ершиться. На вопросы Макса, откуда у нее взялось это злобное животное, девуш-

ка грустно улыбалась, и утверждала, что заботиться о коте друга. А на дальнейшие расспросы не отвечала и отнекивалась. Но от природы любопытный Макс не терпящий того, чтобы что-то не принадлежало ему, даже информация. Парень все же наседал, практически лопался от любопытства, однако ответы были любезно и совершенно случайно представлены Надей, переборщившей с выпивкой.

У девушки был день рождения, на улице шел дождь, а на столе возвышались три бутылки вина. Надя, должно быть, не рассчитывала, что Макс вернется с работы рано, поэтому парень застал ее за приканчиваем второй бутылки вина и просмотром записи какого-то очередного балета.

– Надюша, ты чего? Плачешь? – спросил Макс, заходя в комнату.

Девушка неуверенно встала, натянув на оголившиеся плечи старенькую кофту.

– О, неужели любовь моей жизни, пришла?! Что ж присоединяйся, ещё две бутылочки осталось. Я так и быть подеюсь, вернее, мы с Петруней поделимся.

Девушка присела на пол, наполнила пустую кружку, протянула ее Максу.

– Присаживайся. Или ты вновь занят... – девушка отпила вино прямо из бутылки.

Макс отправился было выть руки, но что-то заставило его замешкаться и остановиться в дверном проеме. Любопытный парень обернулся.

Надя облокотилась на диван и, положив кота на колени, начала тихо, изредка всхлипывая, говорить.

– Вот и чего, скажи мне Петруня, почему он взял и погиб. Он же мне обещал, что всегда-всегда меня поддержит, а для этого нужно было жить. И, чтобы жить в маленькой комнате под крышей, тоже было бы не плохо быть живым. А он просто взял и умер. Я ему даже сказать не успела ничего. Зато он, хорош, все мне успел написать.

Девушка крепко прижала к себе кота. Глубоко вдохнула и продолжила бессмысленный и очень грустный монолог

– Петя, Петя. Кто ж тебя просил в озеро сигать за котятками. Всегда же шутил, что плаваешь хуже, чем кошка. А в итоге Петруня как-то выкарабкался, а ты утонул. Почему? Почему ты мне снится перестал? Я так скучаю... Я так и не станцевала с тобой на выпускном, обещала же тебе. И вместо танца я получила бумажку. Корявый почерк твой, знаешь, с трудом разобрать можно. Но я разобрала.

Девушка опустила кота на пол. Сама прислонила заплаканное лицо к диванной обивке, кажется, сразу же уснула, облегчив свою душу от накопившихся печалей.

Максу в новинку было видеть слезы девушки, очень редко выражающей чувства. Надя для него была собранной, серьезной, не особенно эмоциональной девушкой с очень мягкими волосами и незапоминающейся внешностью. Разговоры она, как ему думалось, не любила, предпочитала им действия и молчание. Даже слезы за все время общения он видел у

нее один-единственный раз, во время знакомства. Наверное, этот человек, по которому она убивалась занял все ее сердце. Значит там для него не найдется уголка. Самое странное, что после умозаклочения, Макс не испытал грусти или боли. Ведь их связь было очень, так сказать, надежно. Их отношения пропитаны постоянством и уверенностью, в них нет месту истерикам или пламенной любви, как и любви вообще, что было прекрасно.

Макс улыбнулся этой мысли. Все-таки вымыл руки и перенес Надю на кровать. Она все всхлипывала и всхлипывала, продолжая сжимать что-то в левой руке.

Макс, все еще улыбаясь, закрыл Надю одеялом и забрал бумажку, которую та невероятно крепко сжимала в руке.

То был очень измятый конверт, подписанный красивым каллиграфическим, должно быть женским почерком. Не очень прислушиваясь к совести Максим принялся читать.

Сперва он достал коротенькую записку, выведенную таким же почерком, как на конверте.

Здравствуй, Наденька. Я думаю, что ты меня уже и не помнишь, я тетя Петя. Я написала тебе, чтобы ты знала. Петя погиб. Утонул, полез спасать очередных котят, выброшенных в пруд. Ну ты понимаешь, что с его неустойчивым умением плавать, да еще в не прогретой воде... Похороны пройдут 28 июля. Я думаю, что письмо дойдет до тебя позже. Прости. Я не знала твоего номера. Но я знала, что Петька собирался ехать к тебе в Питер. Говорил, что

так уже никогда тебя не отпустит. Я посылаю тебе его последнее письмо, он его не успел отправить. Приезжай На-денька, как сможешь. Я живу по тому же адресу.

Любящая тебя тетя Вика

Второе письмо было затертым и не очень аккуратным, в некоторых местах зачеркнутым и заляпанным.

Надюха! Сдал я все экзамены, ну в эту, ну ты поняла. В ветакадемию. Там даже не посмотрели, что у меня руки нет и ноги. Сказали- инвалидам у нас везде дорого. Я у них под какую-то квоту попал. Даже этот треклятый русский написал, постарался.

В общем, они меня взяли Надюха. Я это только пару часов назад узнал, мне какая-то женщина звонила. Сказала, чтобы вез документы. Представляешь! Я буду жить в тво-ем Питере, ходить всегда во влажной одежде и мерзнуть в малюсенькой комнате под самой крышей. Я надеюсь, что ~~мы вместе там мерзнуть будем, что еще есть билеты на ближайший поезд, который, как ты не знаешь, отходит сегодня вечером.~~ Я успею.

Вот сейчас схожу за билетами и позвоню тебе в общагу, ты, конечно же, обрадуешься и приедешь на вокзал намного раньше. Я тоже выйду в тамбур намного раньше и буду очень стараться разглядеть тебя на перроне. Надеюсь, что с прошлого лета ты не сильно поменялась и я вновь встречу Былиночку с золотыми звездочками на лице. Ты же ничего не сделала с веснушками? Ты такая красивая-у тебя красивые

веснушки.

Так вот, а когда я приеду, и ты поможешь мне вылезть со всеми чемоданами из вагона. Мы куда-нибудь их засунем, я верю, что в надежное место. И пойдем гулять.

И даже эта никчемная нога не мешает мне радоваться жизни. Ты потанцуешь со мной ночью? Ты же когда-нибудь пригласишь меня на свой балет?

Потом, я, дай бог, успеть к 29 июня, приду к тебе на выпускной. И ты со мной потанцуешь. Нет, не так. Я приглашу тебя танцевать. Хочется верить, что не отдамлю тебе ноги.

Тогда я уже точно никогда от тебя не отстану. Обещаю. Ты больше не останешься одна. Если ли же все-таки останешься, я всегда найду способ до тебя добраться и быть рядом. Обязательно ворвусь в зал, дом, сарай, не важно где ты будешь, с огромным букетом и подарю тебе, как лучшей девушке на где бы ты ни была.

А пока все это не произошло, билет я еще не купил, мне надо дойти до тети Мани. У нее, говорят, кошка трех котят родила, хочу взять одного и привезти его с собой. Может ты его возьмешь, если у меня нельзя будет держать животных?

Назовешь его Петруней, а уж он тебя в обиду не даст. Я, кстати тоже. Потому что я тебя люблю-я тебя никогда не предаю, а ты не предашь меня. А ведь так важно, чтобы ты был кому-то нужен

Ну все Надюха, жди. Позвоню тебе с приветом, расскажу, что солнце встало.

Навсегда твой Петя

После прочтения письма, Максим понял отчего его так не любит кот и больше не пытался водить с ним дружбу, а старался держать оборону и, при удобных случаях, нападать. Радовало только одно- его соперник-человек был мертв.

Из пучины размышлений молодого мужчину вызволил телефонный звонок. Звонил брат Нади, утверждающий, что с ней что-то случилось в театре.

Максим, спешащий на помощь только своей матери, которую боготворил. Решил, что у брата Нади не все в порядке с головой спешить по его сумасшедшей просьбе в театр не стоит, еще силы свои тратить. Ну какие неприятности, а тем более теракт, может произойти в Москве. Да еще в весьма элитном театре, куда без разрешения даже мышь не пролезет.

Максим сделал звук громче и принялся наматывать на вилку бесконечную макаронину.

За одну минуту и час до...

Дети улеглись по кроватям, а старая нянечка Анна Николаевна тихо сидела в общей комнате и пила чай с оставшимися после ужина бутербродами. Женщина не очень любила хлеб с чаем, но ограничивала себя имеющимся, ибо лишние

траты не входили в ее небольшой план и без того скромных трат. Деньги, которые она получала еле-еле хватал на жизнь, а еще надо было поддерживать сына, который недавно женился. Поэтому старушка уже десять лет подрабатывала в соседском детдоме ночной нянечкой.

Работа это была спокойная, не хлопотная. Одно что раз другой надо заглянуть к ребятишкам или провести маленьких в туалет, если дежурство выпадала на младшие группы. Пожалуй, то единственное, что расстраивало женщину во всем этом, это дети. Они были какие-то замороженные, словно ненастоящие, живущие по жестокому и злому сценарию, составленном жизнью.

Малыши, уже в свои пять – шесть годиков страшно ругались, и вели себя неестественно тихо для деток. Но, пожалуй, именно с ними было легче всего. В группах, где собирались детей старше, будто бы напускали холода. Они смеялись, ссорились, но почему-то не играли, а сразу же были такими миниатюрными взрослыми, которые тайно курят или что-то друг у друга выменивают. В средних и старших группах уже было невыносимо. Дети там вовсе «слетали с катушек» редко учились, порой ругались, но представляли собой взрослого, запертого в четырех стенах, который ради желания хоть что-то почувствовать воровал, курил что-то страшнее сигарет, путался с кем придется и с жаром говорил о будущей жизни, которой до дрожи в ногах боялся.

Вот такие они были, дети воспитанные в детском дом.

Добрые, но замороженные, бесчувственные, но мечтающие о любви, дети, которых слишком рано обстоятельства превращают во взрослых. А если вдруг к ним попадали дети домашние, из благополучных семей, родители которых погибли, а родственников, готовых забрать, не нашлось, сколоченное годами общество их сначала не принимало. Их не любили, сторонились, порой гнобили, но недолго. Позднее домашние примыкали к местным, и ситуация налаживалась.

Но иногда, очень редко, домашние из благополучных оставались сами по себе. Старались инстинктивно сохранить внутреннее тепло, оставшееся после родительского дома.

Анна Николаевна восхищалась такими детьми. Они практически шли против общества ради того, чтобы сберечь хорошее и доброе, оставшееся от любящих родителей. Таким примером было Женьки. Этих ребят женщина помнила с того самого дня, как они попали сюда, пять лет назад.

Брат и сестра оказались в приюте после гибели родителей и несвоевременного ухода в мир иной бабушки. Белобрысый мальчишка-подросток и тихонькая девочка-первоклашка, конечно же оказались в разных группах. И, не взирая на скептические предположения воспитателей, так до конца и не стали в них своими.

Женька, не угодил местным своей начитанностью и жизнерадостностью. Слишком он опекал свою сестричку, тихо сидящую обычно в группе где-то с краешка стола и ни с кем не разговаривающую.

Но со временем он сблизился все-таки с Геной, пожалуй, одним из немногих адекватных пацанов, его ровесников, который страшно увлекался химией и радел за права люде. Мальчик выпустился из детского дома год назад. Да так и не пришел навестить сестренку.

А девочка, которой именно в этот момент была нужна поддержка и забота, закрылась в себе. Стала на отшибе коллектива да так там осталась бы, если бы ее не взяли под опеку.

Опека- очень интересное явление здесь. Вроде бы тебя забрали в семью, вроде бы то ее часть, а нет. Ты всего лишь опекаемый, за которого государство платит копейку. Если у опекаемого какое-то проблемы со здоровьем, то за ребенка еще больше. Вот она, вся суть бескорыстной любви к детям сиротам.

Так молчаливую, но упрямую девчонку и взяла под опеку какая-то старуха-показушница. Конечно, Анна Николаевна очень хотела ошибаться, но седовласая опекунша Жени внушала именно такое впечатление.

Женька была ее любимицей. Такая скромная, но уверенная, в меру общительная и по-своему обаятельная девочка чем-то отдаленно напоминала женщине собственную внучку, росшую в любви и заботе. Будь у старушки немного больше денег она бы взяла Женечку к себе, как-нибудь бы устроила в жизни. Но вот страх, что денег не хватит, что сын из-за этого отвернется от нее, а внучка обидится, заставил жен-

щину бездействовать.

Оставалось надеяться, что девочка устроит свою судьбу...

Внезапно позвонил вечно молчащий стационарный телефон. Неужели руководство ночью решило позвонить?

Когда из трубки полились тревожные слова о том, что их воспитанница та самая Женя, вместе со своей опекуной находится в захваченном неизвестными театре, сердце доброй старушки буквально ухнуло куда-то вниз. Звонили это полицейские, у которых имелся список взятых в заложники, оповещали так сказать близких, чтобы те начинали накручивать себя, видимо, заранее.

После последнего слова молодого милицейского в голове еще долго стоял звон, а мысли путались.

Неужели беспокойные, жестокие, бесчеловечные времена, которые, как думала Анна Николаевна, уже прошли, остались в далеком прошлом, вновь возвращаются?

Но зачем? Зачем убивать, мучать людей? Ради какой такой необходимости? Неужели ради вено недостаточных денег? Или, что маловероятно, для привлечения внимания? Привлечения внимания к чему? Ко злу, которое творят ради добра?

Старушка беззвучно заплакала. Чай остыл.

За одну минуту и часа до...

– Кушай Пашенька. Что же ты сегодня так поздно? Опять

на очередную подработку ходил? Сколько тебе можно повторять – у нас есть деньги. Нам хватает. Не надо спину лишний раз гнуть. Нароботаешься еще.

Паша, не успевший снять еще униформу, так и сидел за кухонным столом в жилете и отвратительной фиолетовой бабочке, дополняющей клоунский наряд. Молодой человек с такой скоростью втягивал себя суп, что мама причитала еще больше.

– Ма, да я сегодня ушел, так сказать под шумок. У меня друг один, на голову больной, договорился со мной поменяться. Он за меня там остается, а я за него в вестибюле. Ну я постоял, постоял там. Никого нет, программки никому не нужны. Хорошо, что в гардероб не подрядился. Ну я тихонько ушел, все равно деньги сразу же на руки дали. До чего ж он странный мам. Вот что академ с людьми делает.

– Ну значит, сына, он сам виноват. Учиться надо в институте, а он? Он под ничего не делал, да еще деньги зашибал, небось? Я не права? Но ты у меня хороший, учишься. А он пускай хоть уработается. – проворчала мама, кутаясь в фланелевый халат.

– Да вот знаешь, мам, а он как раз не из таких. Талантливый он, знаешь, как по нему преподы вздыхали, когда он на третий семестр не вернулся. Вот правду говорят, что, когда талант есть – его не замечаешь. У Славика, какие-то семейные обстоятельства форс-мажорные были. Поэтому и не смог вернуться. То ли мама умерла, то ли бабушка. Они экс-

периментальное лечение проходили, в долги влезли. А отдавать- ну никак. Он ж сирота, ил что-то около того. Вот и работает. Я уж не стал спрашивать, как там у него с долгами и вернется ли он. Как-то не тактично.

– Да. Жалко парнишку. Что ж... Ты чего притих, ну ка доедай. У меня там еще пирожки остались, которые тетка принесла. Принесу. Доедай. – мама вновь засуутилась.

Внезапно у мамы зазвонил телефон. Кому бы в такой час беспокоить ее, подумалось Паше.

– Да. Да. Паша? Как? Да вот он сидит напротив меня? Нет. Вернее, ...– женщина медленное осела на пол.

– Мама, что случилось, – парнишка подхватил маму под руки.

–Поговори с ними, это из милиции.

– Да... Как? Да, должен был. Но я поменялся... Да, он остался там. Как? Да его зовут Слава. Слава Финист. Да... Я не знаю какое отчество. Да 18 лет. Не знаю где родился... И родителей тоже не знаю. Но он в Щепкенском учился со мной. Может быть там про него что есть. Да... Еще что-то надо. Хорошо... До свидания.

Маму Паша усадил на кушетку, принес воды. Женщину била мелкая дрожь и вода все никак не могла остаться в стакане из-за трясущихся рук.

– Он сказал, что ты в зале, который захватили неизвестные. Они сейчас как раз озвучивали требования. А мне позвонили, сказать, что ты там...– мама разрыдалась.

– Вот видишь. Мам, я тут. Я в рубашке родился. Уберегся от такого... Включи- ка телевизор. Уже журналисты разму- солили уже все.

– А ведь родители у того мальчика, про которого ты гово- ришь даже не узнают, что он там. Бедные, – мама все еще плаката. Она крепко обняла Пашу, словно хотела вместить его в свое сердце без остатка, чтобы любимый сыночек был в безопасности.

Паша же, успокоив маму, первым дело включил телеви- зор, что по одному из центральных каналов транслировали выступление человека в черном.

Молодой парень в темных очках подсвечивался со всех сторон прожекторами и ехидно улыбался в камеру. Он про- вел рукой по ежику светлых волос и начал.

– Господа. Вот, наконец я на всех экранах страны. Та- кая честь, а такая честь. Я бы сначала хотел представить- ся. Мы, все те, кто безжалостно, жестоко и зло напали на людей, команда справедливости. Можете называть нас Б.Е.З.Ч.Е.Л.О.В.Е.Ч.Н.О. Я считаю это красивое смешение ни сколько смешение наших инициалов, сколько отражение наших требований.

Каждый из вас знает огромную, сейчас уже националь- ную фармацевтическую корпорацию, по названию «Чело- вечность». Да все же слышали. И не по одному разу. У каж- дого в нашей стране найдется флакончик, тубик или баноч- ка, изготовленные на одном из их предприятий. И хорошо,

если это окажется валерьяна или вазелин. А если это что-то более серьезное, чем витамины? Если это жизненно важные препараты? И все вы скажете, ну и что? Это же классные препараты, которые помогают. А я вам скажу, что нет. Они не помогают, не могут тягаться с иностранными аналогами, которых безжалостно вытеснили с рынка. Порой в них даже есть лекарственное вещество, только в такой микроскопической дозе, что пользы нет. А уже если это какие-то штучные препараты, которые предназначены сложным пациентам- фиаско. В 80 случаев из 100 ничего не поможет. Пациент умрет, а производитель с невинным видом заявит, что это виновата болезнь, которая не подвластна даже их лучшему из лучшего препарата. Ну что? Я заставил вас задуматься? Наверное, все припомнили антибиотик, который не подействовал или новенькое средство от аллергии, прописанное врачам? Да отчего же вы молчите! Сколько лет «Человечность» уже губит людей? Десять? Пятнадцать? И почему никто не говорит о смертях, к которому привело их лечение? Да потому что бесполезно. Не слышат нас, если мы говорим, если мы кричим, если мы стучимся во все двери, обиваем пороги. Но вот если будут кричать другие, если будут кричать обычные люди и мы, террористы, сотрудники головного офиса «Человечности», который мы любезно подорвем через часик другой... Тогда нас услышат? Только смерть тут может породить мир? Да что же это за жизнь то такая? Дофига справедливая!

Парень рассмеялся. Казалось, что еще секунда и что-то окончательно сорвет ему крышу и он вылезет из экрана и все...

– Вы ведь сейчас опустили глаза? «Это не мое дело. Меня это не касается. Что за сумасшедший»– это ваши мысли. Вот именно поэтому все в этом здании умрут. Окей, чтобы все было честно, умрут только те, кто как-то связан с этой заразой и те, кто хочет, как и мы, привлечь внимание. И, еще. Когда мы ворвались... Некоторые погибли, потому что очень хотели жить... Их смерть на наших руках. Поэтому можете ненавидеть нас, может быть это подстегнет всех сделать хоть что-то...

Выступающий стал серьезным.

– До связи. Господа.

Паша выключил телевизор. И почему-то сразу вспомнил как маме долго н помогали таблетки от суставов. Хотя может быть это совпадение?

– Ну сумасшедшие же люди. Мам! Ты как?

За одну минуту и пятьдесят пять минут до...

Включение закончилось. На экране снова появилась ведущая и продолжила рассказывать о новостях на сегодня, как ни в чем не бывало.

Владислав Игоревич допивал третье кофе и недовольно

поглядывал на приехавших молоденьких журналистов-репортеров, мучающих родственников заложников.

«Не умеют людей на эмоции раскручивать, да не брались бы. Им же все на блюдечки поднесли. Обзвонили всех, кого смогли, нагнали темных красок. Пригласили сюда. Все. Расспрашивай- не хочу. А потом самую интересные реакции и в выпуск. А эти, проси господи, по краешку ходят, миндальничают. Главное-истина, которая получается при естественной реакции.»

Владислав Игоревич прошел мимо скучившихся журналистах, на коленки клепающих сценарий нового репортажа. Мимо дежурящих у ограждения милиционеров, с опаской поглядывающих на Свечку. Мимо родственников, практически разбившие палатки на театральной площади. Но постепенно, ради их же безопасности, милиция настойчиво отодвигала от здания все дальше и дальше. По краю площади, раскинувшейся перед высоткой, уже стояли спецмашины, полные спецназом, готовым выбежать в любой момент. Но для этого, как было понятно, стоило разработать план.

Владислав Игоревич уже подготовил небольшой сценарий про штурм, но материалы были сыроваты, поэтому мужчина просто ждал, когда молодежь закончит мельтешить и можно будить добраться до оператора.

Мужчина сел на низенькую скамейку и, потягивая кофе, принялся посматривать на Свечку.

Счет в здании горел на нескольких верхних этажах, отбра-

сывая тени ужаса, который царил там среди забаррикадированных людей. Отсветы бродили по второму этажу, смешивалась со страхом, преобразовывались в панику посетители театра.

Владислав Игоревич е жалел им, ибо они были лишь часть его работы, а переживать из-за работы он не любил. Но и полностью равнодушным мужчина тоже не мог оставаться, поэтому ему лишь оставалось слегка переживать за запертых. А может? А может покопаться во всей это каши с лекарственной компанией? Тем более, где-то, лет десять назад, всплывали подобные факты. Но журналистское расследование закрыли, потому что кто-то влиятельный поспособствовал этому. Возможно, где-то завалялись чеки с его подписью. Вот это была б буча... Все бы всколыхнулось, похлеще чем после его интервью с радикалами –соотечественники.

Но зачем эта головная боль? Ради самоутверждения? Да вроде бы все уже утверждено. А правда... Правда, порой хочет, чтобы ее лишний раз не трогали.

– Эх, какие смелые ребята. – сказал Владислав Игоревич, допивая кофе.

Внезапно к его островку спокойствия кто-то приблизился. Высокая женщина в нефритовом пальто уверенно подошла к нему вплотную. Она вытянулась в струнку и прямо на ходу громко прокричала Владиславу Игоревичу

– Это вы мне звонили? Как можно помочь? Что сделать, чтобы его вытащить! – женщина практически кричала.

– Гражданочка, тише. Вы кто будете? Простите... – устало произнес мужчина.

– Недара Елизарьева. Вы сказали, что мой муж в здании. И посоветовали приехать.

– А. Те самые зарвавшиеся Елизарьевы? Вообще, именно вам мы звонили, чтобы хоть как-то привлечь внимание к этому всем? Но, все, вроде бы и само раскручивается. Но вы, я не сомневаюсь, можете подключить какие-нибудь связи. Сможете?

Женщина поменялась в лице. Глаза приобрели сиреново-черный грозовой оттенок, а лицо вытянулось.

– Вы за кого нас принимаете? За криминальную группировку? Или за уважаемых врачей? – гневно прошипела Неда.

– Успокойтесь дамочка. Я много что знаю про вашу семью. И то, что вы с мужем не живете, и то, какие-то штуки творятся в ваших центрах. Но, я же вас не хочу обидеть. Звонили, чтобы просто...

Женщина на ровном месте начала плакать.

– Господи. – журналист усадил женщину на скамейку.

– Просто... надо им помочь. Скажите, что надо сделать, – Неда беззвучно плакала и пыталась нормально говорить.

– Давайте интервью запишем? Гладишь еще больше резонанса будет. Только надо в эту же минуту делать. Приведу оператора, подождите.

«Вот так работают профессионалы, а не то, что вокруг.» – довольно отметил про себя Владислав Игоревич.

Несказка и легенда про одно целое

В приемном отделении было холодно, должно быть из-за того, что за окном бушевала снежная буря, клокочущая за витражным окном.

Гелька сидел, закутавшись в шаль, и тёр замёрзшие ручки друг об друга. Мама, как и всегда, была занята. А посетителей, которых можно было бы поднимать, как назло не было. Мальчик сначала хотел попрыгать, но в итоге все же решил открыть свою любимую сказку.

Он сам ее когда-то записал, своей рукой, так попросила мама. Эта сказка не была волшебной, да и не очень походила на сказку, но она его согревала, будто бы делала живым изнутри, стоило лишь только начать ее читать.

«Говорили, что он появился из ниоткуда. Однажды белый, как легкое облачко, ребенок пришел к церковному приюту. Белоснежные волосы, бесцветная кожа, прозрачные, слегка синеватые глаза и светлый костюмчик - вот таким он предстал перед работающим там монахинями.

Среди икон и одинаковых кроватей, мальчик стал росте с невероятной, несвойственной детям скоростью. В день он вытягивался на 2-3 сантиметра и очень этим пугал окружающих. Через пару недель был уже подростком.

- Сатаненок, – за глаза называли его местные жители.
- Белая ворона, – обзывали ровесники.

Его чурались, избегали, смеялись. Но мальчик, не понимая причины людской злости, воспринимал ее как должное. Улыбался прохожим, старался быть приветливым. От него лишь отшатывались.

Еще одно незадача была у подростка, он больше не вырос. Как обратился тринадцатилетнем мальчишкой, так и остался им, прошел год, и два, и пять, и десять.

Его ровесники выросли, создавали семьи, умирали. А он, будто стоял на месте. Смотрел на них и все больше отдалялся.

– Дьяволёнок из избушки, – теперь дразнили его уже дети былых ровесников.

А он, мечтавший стать наконец равным с ними, улыбался им. Сердце мальчишки было слишком большим и теплым, оно требовала поделиться теплом, накопленным за годы одиночества, с другими. Поэтому, прожив среди людей три десятилетия и, поняв, что добро для них диковина, которую редко принимают, за чистую монету, подросток стал творить маленькие чудеса тайно.

Иногда, вечерами, когда городок спал, он, знающий в чем нуждается та или иная семья, приносил им это и оставлял на пороге. Будь то новые башмаки или прорешка-парнишка мастерил это, в своей отшельничьей избушке и оставлял, желая сделать им приятное.

А на следующей день, на рынке слушал восхищенные разговоры людей, прознавших, что соседям что-то оставили под

дверью. Люди уверовали, что эти чудеса- дело рук фей, которые по преданию живут в лесу, что окружает городок. Мальчик при этом только улыбался.

Но, как говорится, тайное всегда становится явным. И однажды, когда мальчишка оставял на пороге семьи фермеров новую косу, его подкараулили дети, жившие в доме напротив.

– Чудило, глядите. Это он косу хотел украсть? Вот же зараза. Ребята, бей его.

И дети, как псы, которых спустили с цепи, накинулись на парнишку, который удивительно неловко от них отклонился назад, запнулся о ступеньку и спиной напоролся на косу, прислоненную к двери.

Дети тут же бросились в рассыпную, будто не они были причиной всего этого.

А мальчик тихо лежал на ступеньках, сжимая левой рукой рукоять косы. Ему показалось, что он умер.

Неожиданно для себя самого, мальчик открыл глаза. Снова. Словом, ничего и не бывало.

Он стоял в каком-то помещении с большими окнами и светлыми стенами. Паренек не чувствовал боли, с легкость переставлял ноги, а в руке у него так и осталась коса.

За единственной в этом помещении дверью, парнишка, открыв ее, увидел черноволосую женщину невиданной красоты.

–О боже! Мой мальчик! Ты вернулся, я так тебя долго те-

бя ждала! Ангел, ну ка иди к маме, – мягко и радостно произнесла женщина, раскрывая свои объятия.

– И отдай мне эту штуку. С тебя, моя радость, надо пылинки сдувать. Потому что такой чистой и невинной души не сыскать во всем свете. Каждый раз ты просишься увидеть мир и каждый раз вот-так возвращаешься. Ты, солнышко, слишком хорош для людей, это они слишком плохи, чтобы ты пытался жить с ними рядом. Поэтому...

– Мама. Не говори о них так. Они просто разные. Не плохие. Не хорошие. И я хочу быть с ними, пусть даже и на расстоянии. Ведь их жизни такие интересные, словно волшебные сказки. А косу я себе оставлю, пускай будет.

– Глупышка ты мой. Но как скажешь. Только бы тебе было хорошо. Дай я тебя обниму, – притянула его к себе женщина.

Гелька оторвался от книги и улыбнулся. Он невероятно гордился, что даже у него, такого малыша, есть своя сказка. Своя собственная, как у самого обычного, рожденного среди других человека. Будто он тоже ошибался, злился, любил, ненавидел, страдал, горевал, сдавался и снова шел вперед.

– Как же я все-таки завидую им. У них столько всего, что можно почувствовать, столько всего, что можно испытать. – произнес мальчик и принялся выискивать себе новую историю, чтобы занять время.»

Но, словно из неоткуда, возник перед ребенком с ног до головы мокрый юноша с большим шрамом на лице.

– О малой, привет. Что-то я не до конца понял? Где это

я? Меня так быстро вытащили что ли?

Это же не больница?

– Всмывле не больница, конечно больница. Дяденька, вы чего, – крайне удивился Гелька.

– Ну, не. Я прям чувствовал, как что-то себе сломал, когда в воду сиганул... А тут я целый и невредимый. Но не важно, мне бы побыстрее отсюда выйти, чтобы на поезд успеть. Надо мне в Питер, там Надюха ждет.

Гелька от неожиданности рот открыл. Встал с удобной скамейки, даже позабыл про холод. Обошел кругом молодого человека. Нет, пришелец был таким же посетителем, как все. Но почему-то он помнил все и у него были цели... Может быть...

– Да вот за той дверью и выход. Только посидите со мной немного, вас вызовут. Там моя мама работает, она хорошая.

– Да некогда мне тут сидеть, малой. Эх, ну ладно, – удрученно присел юноша.

Пришедший что-то стал делать со своей ногой и потом, неожиданно для мальчика, снял ее. Вернее, снял протез.

– Да, знаешь, его бы просушить надо. Да и саму ногу, тоже-а то я потом ни петь, ни свистеть, даже дойти до вокзала не смогу дойти.

– Слушай, дядья. А тебе какая-нибудь история приходит в голову, вот сейчас. В эту самую секунду. Какая-нибудь, очень волшебная, – выжидательно спросил мальчик.

– Да какая тут сказочка. Нет времени об этом думать. Надо

спешить, -фыркнул юноша в ответ.

– Вы странный. Все, кто сюда приходят, ничего не имеют в голове, только образы, яркие слова, обрывки чужих слов, которые складываются в красивую легенду, порой сказку, реже в мистическую историю. Так уж у нас здесь устроено, атмосфера, так сказать. И история каждого уникальна и при этом типична. Они повторяются раз за разом, а я их слушаю. Самые красивые записываю, чтобы они повторились снова... Но никто, еще не отказывался рассказать истории, потому что им нечего кроме нее было рассказать. А вы...

– Ничего не понял я парень. Сказку хочешь? Да сейчас я тебе быстро припомню что-нибудь. Хм... Кто же мне ее рассказал? Мама? Тетка? Наверное, Надюха, уж шибко она любит такое, как тебе объяснить, драматичное, да чтобы больше чувств. Но, что ж с нее, взять творческая личность. Ладно... Начну, но если вдруг позовут, ты меня прерви...

«На рассвете Мира, когда еще не появилось, ни людей, ни богов, а земли и в помине не было, в Космосе, этом бесконечном сапфировом замке, жилка Вселенная. Как она туда попало- было известно только ей, а рассказать свою историю, ей, ровеснице бытия, было некому. Не появилось еще рядом с ней, ни единой души. Сначала Вселенную это радовало, она часами купалась в Млечные реки, что протекала вокруг замка. Бродила по причудливому лесу Черных дыр, собирала осколки бывших цивилизаций, занесённых в лес временем. Иногда ловила огненные и ледяные брызги, принадлежащие

перелетным Квазарам. Но вскоре, по прошествии времени, не поддающемуся счету, Вселенная загрустила. Одиноко ей было в огромном замке. Одиноко ей было в лесу и на реке. И тогда, горько заплакала страдальица. Ее драгоценные слезы, наполненные печалью, рассыпались мелким бисером по полу замка, начали медленно подниматься вверх, увеличиваться в размерах, крепнуть. И вуаля – над ее головой плавали большие и маленькие, белые и красные, яркие и не очень Звезды. Так Вселенная обрела своих первых соседей. Затем, поняв, что от бездействия ничего на поменяется Вселенная начала творить Мир. Вышила она золотыми брызгами Солнце, а серебряными – Луну. Так в замке стало светлее.

Потом, уже при помощи друзей, собрала космической пыли, смешала ее с водой из Млечной реки, и слепила шар, за ним второй и третий- девять таких шаров и выкинула из окон замка. Так появились Планеты, выстроившиеся в одну линию.

В тот момент, когда вокруг уже не было пугающей пустоты и печали, Вселенная успокоилась и принялась была вновь жить как придется, творя вещи по невнимательности или незнанию.

По как-то раз, взяв умирающую Звезду на руки, прародительница запросто сотворила первую Душу, которой Солнце и Луна, заботливо подготовили новый дом на одной из небольших Планет. Так, согласно приданию, появился первый человек. А за ним еще и еще. Один за другим Вселенная

переносила Души умерших подруг-звезд на самую красивую из получившихся у нее планет, населяя ее новыми существами. Так появились известная тебе Земля.

И Вселенной стало интересно, ее жизнь обрела смысл. Повелительница Космоса постоянно наблюдала за людьми, смеялась над их радостями и горестями, злилась из-за неурожая или болезни. Старалась, в меру сил помогать. Но вот задача- ее век непрерывен и часы, минуты, месяца не имеют значения, как и смерть и рождение. Но век людей не долгов и порой, привязавшись к какому-либо человеку, Вселенная через мгновение уже теряет его, потому что тот умер.

После очередной подобной утраты, Вселенная бессильно уронила слезу, которая в этот раз все летела и летела вниз, проходя через бесконечные слои воздуха, пока в итоге, распавшись на две части прямо у земной поверхности, обратившись двумя человеческими детьми.

Одна часть оказалась девочкой и попала в семью фермера, начала свою жизнь среди колосьев пшеницы и виноградных лоз. Другая часть угодила в рыбацкую деревушку, где выросла мальчиком, таким же юрким и ловким, как анчоус, водившиеся в близлежащем море.

Вселенная сразу же залюбовалась на свои новые творения – две звездочки-человека, имеющих одну душу на двоих. Вот росли они день за днем, красивыми с сильными, лучшими в любом деле.

Тера, именно так назвала девочку семья, обладала вол-

шебными руками и кристально чистой душой. Виноград, собранный девочкой, всегда был лучшим, томаты тоже. А какое невероятное кружево создавала девочка. Счастлива была семья ее, что бог наградил их столь способной дочерью. Любили Тера и соседи, за веселый характер, доброту и пытливый ум. Только вот сама Тера все время что-то искала, будто какую-то часть, чего-то целое, которой ей не доставало. Девочка все искала ее, искала, но не находила и огорчалась.

— Ну пожалуйста, Господи, скажи мне, где искать мне то сокровище, которого не достаёт моему сердцу для спокойствия! — молилась девочка каждую ночь.

А в ответ ей снилось штормовое море, стянутая сетью белой пены.

Маре, мальчик попавший в рыбацкую деревню, вырос в искусного рыбака, умеющего голосом останавливать рыбы, а движением руки загонять последнюю в сети. Сильным и смелым рос мальчик, способным и отзывчивым считали его друзья. Как с другом говорил парнишка с ветром, как сестре пел колыбельные волне. Сокровищем называли его родители. Но страдал он оттого, же что и девочка. Не знал он покоя, не было у его души гармонии, будто бы кровоточило в ней что-то, искало потерянное и не находило.

И подобно Тери, мальчик молился о помощи. А в ответ ему снились поля пшеницы.

Так и жили дети, крепили, но со временем становились все грустнее и грустнее. Истощала их тоска по необходимой

неизвестности.

Вселенная решила помочь звёздочкам. Взятась она столкнуться землю и море, чтобы на тот момент выросшие дети встретились.

Начался на земле страшный шторм и ветер, разрушающие все на своем пути. Испугались люди за свои легкие домики, взяли детей и собак да отправились в древние гроты, где еще их дедов и прадеды переживали ненастье. Пошли туда и Тера с Маре.

Шторм все не утихал, дождь лил не переставая, а молнии плели злое кружево на небосводе. Люди обнялись, прижались к друг другу и лишь молились, чтобы стихия не тронула их семьи. Вмести со всеми мололась Тера и Маре, которые словно проснулись ото сна и, наконец, начали чувствовать забытую радость. Каждый из них чувствовать друг друга сердцем, но встретиться, пересечься среди тысячи человек, им так и не удавалось.

Пока погожим утром, по просьбе Вселенной, Солнце не вышло на небесную сцену вовсе своим великолепии. Его лучи немного разогнали тучи, и дождь прекратился. Люди мало-помалу выходили на улицу и обнимались друг с другом. Так и Тера вышла, чтобы обняться со снившимся ей морем, плещущемся прямо под утесом, на котором стояла девушка.

–Море! Море! Но где же то, что ты спрятало от меня? Когда же найдется потерянная вещь.

Маре, который проверял на берегу сети, слышалось

свое имя, которое, казалось шептал южный ветер, кружащейся над утесом. И юноша забрался на скалу, где и обнаружил заплаканную Теру.

Они увидели друг друга. Мир на мгновение замер. Даже море перестало качаться в своем вечном ритме. Затих ветер. Перестал двигаться воздух. Только электричество побежало по жилам двух половинок.

– Я, так долго тебя искал... – сказали они в унисон, подходя ближе

Едва молодые люди прикоснулись друг к другу, сила заключенная в каждом из-них по отдельности, наконец нашла выход. В утес ударила молния. И в скале образовался удивительный по своей красоте Грот, представляющий собой перевернутое кольцо, сквозь которое течет невероятная бирюзовая вода, подобной которой нет ни в одной другой точке мира. Оттого и прозвали грот Голубым, а арку, обрамляющую вход- арка влюбленных.»

Молодой человек, наконец закончил историю.

–Что же за история такая? Они умерли? Погибли? И это счастливый конец? – расстроился Гелька.

– Ну конечно же счастливый. Они же встретились, нашли друг друга. И уже никогда друг друга не отпустят. И в конце концов снова встретятся, и все у них будет хорошо.

–Но как же они встретятся? Ведь их нет? Они умерли-превратились из-за удара молнии в пыль. – чуть не плакал Гелька.

– Пфу, как же ты не понял, что все тут, то есть там- оболочка. Звезды, солнце, луна, планета, люди- всего лишь форма, в которую обратилось нечто большее. Так и они- кусочки одной души, которые встретятся, когда придет их время.

– Мне кажется, что ваша история должна иметь немного другой конец. Хороший, чтобы все жили счастливо, растили хлеб и ловили рыбу.

– Но ведь они и так все это проделывают. Ведь твой счастливый конец и мой, разделяет... Ну скажем... минута. Для Вселенной время- ничто...

– Возможно, но для вас -нет. Вы точно, торопитесь? К вашей Наде? Вам надо быстрее?

– Конечно. Что для вселенной минута, для нас – целая жизнь. Надо стараться ее прожить.

– Тогда, только никому не говорите... Лишь только вы увидите мост, когда зайдете- прыгайте. Главное, думаете о вашей Наде.

–В смысле мост? Какой мост? Это разве не больница? – встревоженно спросил парень.

Гелька лишь показал на оконный витраж, переливающейся всеми цветами радуги и процедил.

– Быстрее, иначе она вас так и не дождетя.

Молодой человек сразу же метнулся к двери, даже не махнул Гельки на прощание.

–Но новой встречи. Я буду ждать, – произнес Гелька

Глава 7

За одну минуту и полчаса до...

Володя накладывал жгут на руку парню, сидевшему рядом, желая хоть чем-то ему помочь. Парнишку била дрожь, но он крепко сжимал зубы, желая скрыть это. Вероятнее всего, у него перелом, причем очень удачный- рука сохранила подвижность, боль не критична. Повезло молодому человеку, как и сидящей рядом с ним молодой женщине, с сильной травмой головы.

– Ну все, жить будешь, – улыбнулся Володя, привязывая руку к груди.

– Конечно, как и все, кого отсюда не выпустят, – улыбнулся пострадавший, смахивая со лба капельки пота.

Молодая женщина тоже не впадала в отчаяние, занимала себя плетением косы Женечке, в глазах которой плескалась паника.

– Давай парень, отойдем, – кивнул пациенту Володя.

Мужчины отползли на пару рядов назад, тихо, чтобы лишний раз не попадаться мучителям на глаза.

– Молодой человек, давай так не шутить. Видишь, как ребенок перепугался. Мы ведь поверили, что они нас отпустят. – ужина усмехнулся.

– Да шути, не шути, а нас отсюда никто, похоже вытаскивать не собирается. Надо самим что-то делать. – сказал парень, вытирая пот с лица здоровой рукой.

Владимир замолчал. Паника, которая была под контролем до этого момента, внезапно дала о себе знать. Мужчина испугался.

Очень испугался, как в детстве, когда отец, разозленный чем-то на работе, поднимал руку на него. Снова запрыгали перед глазами черные зайчики, в нос ударил запах пыли и терпких духов- запах, царящий в платяном шкафу, месте где мальчик прятался в те вечера, когда дедушка дежурил в больнице. Старик никогда не давал своего любимого внука в обиду. Дедуля сглаживал все углы, порой даже наседал на своего зятя, разговорила с Володей за ужином и, когда выдавалась свободная минута, расспрашивал парнишку про школу. Единственное, что всегда разгоняло черных кроликов, закрывающих мальчику мир, был запах дедушкиной домашней фланелевой рубки, пропитанной антисептиком и хозяйственным мылом, вперемешку со старым одеколоном. Даже после того, как дедушка умер, Володя приходил в его кабинет и подолгу вдыхал аромат, еще витающий в воздухе.

Как бы кстати сейчас был бы дедушка, смеющийся найти выход из положения. Он бы наверняка собрал бы вокруг себя людей, организовал их. И все- проблем бы не было. Никто бы не боялся, что каждая минута окажется последней.

Отец бы тоже справился со сложившейся ситуацией. На-

верняка, уж как-нибудь, да воспользовался бы связями или подкупил бы террористов своими миллионами. Ну или хотя бы смог поддержать людей, тонущих в собственной панике.

Брат бы, как робот, принялся бы оказывать первую помощь. Бинтовать и обрабатывать раны все тем, что найдет.

Сестра с мамой – и те бы справились лучше него.

Володя почувствовал, что ноги слабеют, а все тело постепенно погружается в невесомость.

– Дядя Вова. Дядя Вова. Вам плохо, – раздался из тьмы тоненький голосок, разогнавший в миг черных зайчиков.

Его окликнула Женя, выглядывающая из кресла впереди. Девочка хотела проверить, здесь ли он. Что ж. Он был здесь. Пока что. Но с удовольствием уже бы отправился на тот свет.

– Простите. Вас Владимир зовут? Меня вот Слава. – представился парнишка, со сломанной рукой.

– Я ведь вас так и не поблагодарил. Спасибо, что залатали. Откуда у вас с собой бинт отказался? Довольно странно...

– Да, из больницы вышел. Я там врач, – еле ворочая языком ответил Владимир.

– Вы врач... Тогда вам, наверняка, что-то известно про все, что говорили, нападающие на нас? Это все правда?

Володя замялся. Что-то такое, безусловно было. К нему, на обязательные приемы, навязанные больницей, частенько приходили люди, на которых не действовали лекарства, прописанные ранее. Но Владимир им рекомендовал новое- они больше не возвращались. Но вот сталкивался ли он с этим

ближе, чем на приеме? Например, дедушка, сгоревший после перенесенной простуды так быстро, будто его и не лечили.

«Человечность»-это те, кто предоставлял ему медикаменты, потому что, кто еще кроме единственной внучки, главному акционеру компании, не достать для деда редкое лекарство...

Володю осенило. «Человечность»- одно из детищ его сестры, которая она развивала из-за невозможности быть врачом. Знала ли она обо всем этом? Или все же нет?

-... А я вот столкнулся. У меня сначала дедушка умер, прямо так, на ровном месте, но это, естественно, можно списать на возраст. А потом и бабушка. Мы отдали им столько всего. Дом, сад, даже дедушкину лодку продали... а она умерла. Конечно... Вы сочтете это совпадением...

- Нет, я вам верю. Да... Сочувствую вам. Но...- Володя глубоко вздохнул, отгоняя последний черных зайчиков, - надо что-то делать. Для начала, надо прикинуть где здесь есть запасные двери, выходы и прочее.

-Тут нет запасных выходов, только два боковых, и тот, через который все заходили. Ну может быть, есть тот, через который заходит оркестра. Но ни сразу заметят...- отозвался слава.

Мужчины вернулись на старые места в молчании.

Надя заметила, что что-то произошло между ними, но, чтобы еще больше не пугать Женечку, забившуюся между

двумя креслами и мучительно пытающуюся не разреветься, девушка произнесла:

– Ваши предположения сколько еще?

Слава серьёзно на нее посмотрел. Нарисовал число «тридцать» и «пятьдесят» в воздухе.

Похоже, что им остается ориентироваться только лишь на слова главного уroda. Приближается развязка. У них мало времени. Надо рисковать.

Надежда попыталась поправить слипшиеся от пота волосы, более-менее стереть страх с лица, чтобы привести себя в порядок. Затем встала.

– Ты чего? Жить надоело, – дернул ее Слава вниз.

– Может быть. А может быть я хочу спасут бедующие таланты. Надо рискнуть... – Надя вновь попыталась встать.

– Ты чего, просто так, очертя голову решила бесполезно умереть? А как же те, кому ты нужна? Не глупи, – Слава шептал почти срывающимся голосом.

– Те, ждут, когда я к ним присоединюсь.

Слава очень крепко сжал ее руку и его накрыло какое-то странное чувство дежавю. Будто он уже делал так раньше, что уже говорил этой девушке, о тех, кому она нужна. Сердце внутри дернулось, показалось, что по телу пробежал ток. Слава часто заморгал и, наконец, произнес.

– Все обдумаем, и погоним Надюха.

Девушка внимательно на него посмотрела, на миг замерла.

– Ну что ж. Вперед. Я думаю, что нам было бы не плохо согнать всех со сцены. Там, сбоку сцены, за занавесом, есть дверь, ведущая из оркестровой ямы за кулисы. А с другой стороны, вероятно, есть вход уже в оркестровую яму. Если пройти так, провести людей- то они выйдут, ну или попытаются выйти. Только надо бы как-то отвлечь этих... Но они прибьют на месте сразу, даже рот не успеешь открыть.

– Да мы ровно это же с доктором обсуждали. Но есть одна загвоздка- отвлечение внимания. Кто этим займётся? Да и как? Может мне попробовать...

Слава резко встал, оттолкнул от себя Надю. И высоко поднял руку.

Люди, в черном вальяжно ходящие туда-сюда быстро заметили какое-то движение. Один из ближайших к выступающему террорист приблизился к Славе.

– Доктор, надо всем обо этом сказать, может кто и успеет, предупредите, – успел прошептать Слава.

Человек в черном подошел близко и сразу же, с размаху ударил в живот. Женя дерзко вскрикнула голову, поглядело на нападающего.

– Сказано же тихо сидеть, что возникаешь

– Хочу героически, как..кшш.. вы...кшкшк... поучаствовать в восстановлении справедливости, – прохрипел Слава.

Женя, которая в первый момент застыла от страха, неожиданно для себя вылезла из-под кресла и стала вглядываться в нападающего. Многое в нем было каким-то неуловимо зна-

комым. Голос, руки, походка.

– Ну вот и умри. Тут и умри. За справедливость, -прошипел пришелиц и уже развернулся, чтобы уйти. Но Женька, выбравшаяся в проход, окликнула его

– Геша...

Человек в черном замер, медленно повернулся и невольно подался вперед.

– Геша, это ты... – Женя плакала.

Перед ней стоял ее брат – Женя, который канул в небытие около года назад. Куда-то растворился в своей взрослой жизни. Правда ей приходили подарки от него на день рождения и на новый год, но разве за этим нужно семья? И вот так он нашёлся? Ее золотой, добрый, благородный и отзывчивый брат. Единственный брат ее и убьет, прямо здесь и прямо сейчас.

А ведь мама говорила, чтобы Геша о ней, как старший заботился. Очень интересная забота...а бабушка и вовсе бы сейчас второй раз умерла, ее сердце разбилось бы, потому что Гешу она любила, как собственного сына. Не ждала старушка, что все так обернется.

– Сеструха... Тсс, сиди тут тихо. Я сейчас, слышишь. вернусь, – сказал он ей и вновь отправился к людям в черном, демонам во плоти.

– Женечка? Кто это? – спросила Надя, пытающаяся успокоить девочку.

– Мой брат

Взрослые, окружающие ее, замолчали. Кажется, им несказанно повезло, просто сказочно. Возможно, только что они нашли настоящего союзника среди беспредельщиков.

– Женя, нам надо, чтобы твой брат, если он вдруг вернется, и захочет вывести тебя, помог нем выйти самим и вывести остальным. Он тебя послушает, – Владимир серьезно посмотрел на девочку.

– Он меня бросил. Променял на своих друзей шизанутых. Он меня ненавидит... Этот человек... – девочка рыдала.

– Женька, этот человек, пусть он тысячу раз ужасный, наш единственный шанс отвлечь их. Вывести людей. Пони-маешь? Мы должны попробовать. – Слава сказал это, глядя плачущей прямо в лицо.

Женя прижалась к Наде, обняла ее и вытерла лицо о черное платье девушки.

Владимир достал из куртки последние, так называемые стратегические, конфеты. Протянул девочке.

– Не плачь.

Так они и сидели вчетвером, ожидая разрешения сложившейся ситуации. Надя в упор смотрела на Славу; Слава то-нул в непонятных образах, роящихся у него в голове; Влади-мир, держащий Женю за руку, думал, как бы так обойти на-пуганных людей, чтобы создать наименьшее количество шу-ма; Женя оплакивала образ своего доброго брата, которого любила всем сердцем.

Два года назад, когда Геше исполнилось восемнадцать и

оставаться в детдома парню больше было нельзя, он пообещал Жене, что заберет ее, как только появиться возможность.

Больше он и не пришел. Старшие, поддерживающие с ним связь, рассказывали Жене, что он связался со странными людьми, среди которых главным был Гена-единственный друг брата. Те, с кем спелся брат, занимались чем-то непонятным. Вот борцы за справедливость. Тоже мне.

А какая у них была семья. Отец и мать работали на большую компанию, времени у них хватало и на детей, и на работу. У папы были широки плечи и шершавые руки, пахнувшие хлоркой и дезинфицирующими средствами. Лицо... Совсем вынеслось из памяти, зато в ней сохранился голос с приятной хрипотцой и небольшим дрожанием, которые отец, обычно используя, читая им с братом сказки. Женек, как его ласково называли родители, все время протестовал против чтения, утверждал, что уже взрослый и сказочки для малышей.

На его недовольные возгласы приходила мама, с вечно всклокоченными волосами, которые торчали во все стороны. Тогда папа шутливо злился и говорил, что уснуть сегодня не получится, потому что солнышко вошло к нам в комнату. А потом, все четвером создавали кучу-малу на диване в детской и еще долго не спали, слушая папин голос.

Родители пропали из жизни в один момент. Вот так-раз и не стало их. Бабушка говорила, что они вместе уехали ку-

да-то очень далеко и плакала. Но стоило Геше начать говорить про что-то или кого-то, про школу или спортивный кружок, бабуля вмиг вытирала глаза и как замороженная слушала внука. Бабушка слышала, что у внука с сыном были очень похожие голоса.

С бабушкой вскорости тоже произошло что-то неладное. Она стала чахнуть на глазах, все реже выходила на улицу, а затем вовсе лежала в кровати круглые сутки. Так, во сне она и умерла. И их, теперь уже ничейных, отдали в приют.

На этом все хорошее, что должно было сохраниться в Геше кончилось... Почему?

Подобное приходило в данную напряженную минуту и в голову Геси, настороженно поглядывающего на сестру.

«Почему все пришло к тому, что через несколько минут я стану причиной смерти своей сестры. Я ведь не этого хотел. Я хотел, чтобы воцарилась справедливость. Чтобы на проблему обратили внимание. Я даже готов был отдать за дело свою жизнь. Но я не могу позволить забрать жизнь и у моей сестры... Но при этом позволяю себе убить чужих сестёр, братьев, отцов... Такой подонок.

Но я не могу пойти против моей семьи, против товарищей, который приняли меня в свой круг, ведь это будет предательство самой идеи смерти ради народа. Должен ли я погубить самое дорогое, чтобы спасти других. Или же жизнь одного человека ценнее, чем судьбы миллионов?»— у парня просто взрывалась голова от наполняющих ее мыслей.

Геша был человеком слова, сказано- устроить сестре достойное будущее, он нашел странную старушку, желающую приютить сироту. Ведь с ней, со взрослого Женечки было бы намного чем с ним, вечно пропадающим обалдуем.

Договаривались-быть за друг друга горой, Геша стоит горой за своих, за Генка, Беллу, Ельку, Захара, Чингиза, Леху, Олега, Верку, Егора, Чару, Никиту, Орхана. Они его семья, да к тому же люди, которые потеряли близких их-за этой уродской компании, экономящей на компонентах своих лекарств. У кого-то, как у Беллы, погибли братья, у кого-то дети, Орхан потерял любимую девушку, Елька похоронила тетю, а Гена и вовсе- обоих родителей. А еще парочка ребят, как и Женя, лишились слишком много знающих членов семьи- их просто незаметно, но намеренно лишили жизни.

Но самое обидное, это то, что все оставались глухи к крикам ребят о помощи, к крикам о бедствии, к крикам о трагедии, к крикам, предназначенными, чтобы помочь.

Августовским днем, кажется что-то около полугода назад Генка, разозленные такой несправедливостью, прорезюмировал- порешаем всех, тогда и услышат. Дальнейшие действия происходили, как на автопилоте. И чувство заторможенности не покидало Гешу ровно до той минуты, как он ни увидел Женю.

Парень мгновенно осознал, что все- это не игра, не сидение вечером в гараже, за выпивкой, не шуточная потасовка и даже не учебный выход, это –реальность. Смерть.

Они смерть для себя и для всех, кто случайно оказался здесь. Сложившуюся ситуацию как ни странно, нельзя полностью изменить. Но можно ли попытаться? Можно ведь?

Геша окончательно установил внезапно сместившиеся ориентиры и, прежде чем действовать, глянул на товарищей, по несчастью. Все уже собрались, а это значит, что взрывчатку установили, входы заминировали, а главный выход забаррикадировали. И теперь все, и жертвы и их мучители страдали от духоты в закрытой наглухо коробке, представляющей собой театр.

Геша снял очки, расстегнул черную куртку и, кивнув Гене, быстро пошел к Жене.

Глава 8

За 1 минуту и двадцать минут до...

У них появилась надежда. Или Надежда была с ними с самого начала? Но ни это было важно, а то что брат Жени, отошедший от них пару минут назад и картинно пнувший Славу для убедительности, пообещал им помочь.

Согласился поспособствовать им в осуществлении отвлекающего маневра, а также в дополнительном прикрытии, в случае чего. Обязательным же его условием была абсолютная защита Жени, которую вызвался вывести Владимир, проникнувшейся к девочке. Этот на первый взгляд сильный доктор очевидно нервничал и даже боялся, чувствуя приближение конца. Но помощь девочке не была связана с его потребностью сбежать, как можно скорее, а наоборот, он привязал сама себя намертво к готовящейся операции и уже не мог сбежать в любой момент. И это, судя по всему, ему неожиданно помогло понять себя.

Владимир, большую часть жизнь прятаящийся, обходящий все возможные спорные моменты, поддающийся чужому влиянию и редко выражающий свое мнение, внезапно сбросил оковы робости и страха. И принял в итоге себя, принял свой страх и решил идти с ним в ногу, а не прятаться

по углам.

Вдоль рядов больше не ходили люди в черном, они расконцентрировались по периметру зала. Поэтому мужчина практически ползком переместился в соседний сектор, где, обнявшись сидели четыре женщины, явно поддавшиеся панике. Владимир предупредил их о готовящихся импровизированном «прорыве». Дальше надо было переместиться между убитых тел неопределенного пола, которым шальные пули угодили в головы. Кровь, пахнувшая увядшей жизнью и загубленной судьбой, впиталась в рубашку, кожу, кажется и в плоть, подпитывая вновь клокочущий где-то внутри страх.

Но сдаваться сейчас и не предупредить остальных, было бы еще страшнее, чем умереть. Оттого экспедиция в одном лице продолжалась. Следящими доктор предупредил пожилую пару, забившуюся между стульями ложи бенуара. Седовласая старушка долго не могла понять, зачем так рисковать им ради незнакомцев.

А собственно зачем? Чтобы поступать правильно? Чтобы казаться хорошим в глазах близких? Действовать группой, чтобы было не так страшно? Нет, чтобы не спасовать, не струсить, и продолжить действовать, чувствуя ответственность перед таким количеством людей... А может быть для того, чтобы доказать самому себе, что ты смог остаться человеком.

Далее была группа студентов, быстро среагировавшая на услышанное. Потом последовали уговоры безутешной жен-

щины, за мгновение лишившейся мужа, лежавшего у нее на коленях.

Как он смог обойти каждого за считанные минуты?

Возможно, это все внутренняя ответственная, требующая выход многие годы.

Когда мужчина вернулся в точку отправления, при этом успев облиться потом, поседеть и несколько раз проститься жизнью, он смог –таки сформулировать зрелую голову мысль:

– Женя, у тебя ведь больше не осталось опекунов? Или я не прав, – спросил девочку запыхавшийся мужчина, с таким видом будто никуда и не уходил.

– Нет, думаю меня снова отправят в мой детдом. – бесцветно произнесла девочка.

– А если бы, ну скажем, такая возможность представилась, ты бы не отказалась стать частью моей семьи? У меня не первоклассные родственник, но каждый из них может определённо, хм, дать мотивацию к действию.

–Зачем, дядя Вова, я же не очень здорова. Таких никто не берет. Я ж проблем доставлю и все такое, а ... потом, вы меня вернете, -девочка начала выкручивать себе руки.

– Потому что я всегда знал, что у меня будет Женечка. Мне еще в детстве прабабуся моя нагадала. Будет у меня ребенок, которого будут звать Женя. Вот я и понял, что это ты. Если конечно, ты не против... – Владимир грустно улыбнулся.

–А ваша жена?

– А моя жена не будет против.

Женя подняла на мужчину немного красные от слез и рожьейся в воздухе пыли глаза, проморгалась и кивнула. Ее подсвеченное сиюминутным спокойствием лицо стало лучшей мотивацией для Владимира двигаться дальше.

«Вот и нашел я человека, кому подарю свою жизнь»– с легкостью подумал мужчина и посмотрел на молодых людей, которые спорили кому же идти, чтобы остальные смогли уйти.

Девушка Надя, которая Владимиру сразу же понравилась, самозабвенно что-то говорила молодому человеку, который, кажется весьма за нее тревожился. Володя сначала считал их парой, но они обоим опровергли это. Что же тогда между ними происходило? Ребята, впервые познакомившиеся в театре, так прониклись симпатией друг к другу, словно были знакомы и до этого. Владимир улыбнулся. Должно быть это и есть родственные души.

–Да отчего этот Геша не перестреляет их всех к чертовой матери, да мы все спокойно выйдем, он с нами. Мы его не сдадим, скажем, что они сами там- что-то, – тарабанил Славик, выплескивая накопившиеся эмоции.

– Ну он же сказал, что они его семья. Он и так их предает, потому что помогает нам. И так человек, считай от всего отказывается. Просто... надо и нам отказаться. Поэтому пойду я,– произнесла Надя.

– С чего это бы. Нет Надюха, ты туда не пойдешь, кто потом танцевать на лучших сценах мира будет, – сказал Слава каким-то не своим голосом.

Надя расплакалась.

– Ты так говоришь... Так, как будто, это он. Будто он живой.

Слава долго смотрел на девушку, испытывая вновь столько эмоций, сколько доселе ему и не снилось. Хотя нет, однажды ему это уже снилось или это только показалось? Когда его вытащили из моря, в то далекое лето детства, снился сон про какую-то поездку. Про худенькую девочку с золотыми веснушками, которая долго ждала на перроне, про узкие улочки Питера и, конечно, про неожиданный ливень, окативший их с ней с головы до ног. Белое платье прилипло к девочке, да так сильно, что проступила каждая чётрочка ее тела, начиная от маленькой груди, до выступающих ребер. А еще в память въелась золотое пятнышко на предплечье, в виде короны.

– Прости, можно твою руку, – сказал юноша, присматриваясь сначала к левой, а затем к правой. И действительно на левом предплечье, ближе к локтю была золотистая, как Надины веснушки, родимое пятно – корона.

Слава еще раз посмотрел на Надю, накладывая образ из далекого сна, сдобренный свежими, возникшими неведь откуда, на девушку. Это явно была она, а тот другой- это был кто... он?

– Я еще тогда приехал к тебе в Питер, мы попали под дождь, на тебе было белое платье, которое тебе очень шло. Ты не позволила тебя поцеловать и густо покраснела, – Слава восстановил сон полностью и посмотрел на Надю, которая чуть не рухнул.

– Ты... что? Как... Ты вообще кто? Не издевайся надо мной! Я его очень любила... Ты что-то нашел в моем телефоне, да? Но... все же откуда, – Надя приблизилась юноше в плотную и принялась рассматривать его особенно пристально.

– Просто, я это помню. А еще, я начал говорить в семь лет, а все что было до этого, знаешь не особо помню... Бабушка всегда говорила, что в меня вселился другой человек, очень надеющийся вернуться обратно. Может... – Слава тоже не отрываясь смотрел на Надю, наблюдая за пульсацией ее зрачков.

Надя провела по левой щеке, коснулась левой руки, даже наступила ногой на левый ботинок юноши, – улыбнулась и тепло обняла его.

– Даже если вдруг, это он, ему здорово повезло с новым телом. И, знаешь Слава, ты должен сохранить его для него или себя. Как вас теперь различить. Даже если это все фарс, я тебя люблю Петь. Поэтому, пожалуйста, уходите. – девушка отпрянула, коротко провею по волосам Жени и выбежала в проход, где ее сразу же под руки взял Геша.

Слава, видящий ее, приближающейся к точке невозвращения.

та, вдруг подумал, что внезапно, за какие-то часы, его некогда обесцвеченная жизнь, обрела смысл. Его жалкие потуги найти смысл существования в славе, известности, затем в деньгах, после в работе- так и остались ничем, по сравнению с этой странно девушкой, которая планировала сейчас вступить на эшафот, причем добровольно.

Слава подумал, что никогда особо ничем не горел, да и не жил какой-то мечтой. И вообще в жизни его только что-то толкало к действию, что-то внутреннее.

– Доктор, надо двигать народ, только тихо.

**За одну минуту три
надцать минут до...**

Неда стояла перед камерой и пыталась сказать что-то. Мысли в беспорядке сыпались на асфальт под ногами, не давая возможности сообразить, что же она произносит.

Вячеслав Игоревич довольно наблюдал за плодами своей работы, стоя за спиной оператора и показывая всем и каждому, что он довел – это главное.

Милиция их подвинула от здания еще дальше, теперь Свечка была для группы всего лишь фоном, используемом при съемке. А родственники заложников все прибывали и прибывали, не взирая на поздний час. Где-то плакали женщины, нервно курили мужчины, надрывно вопрошали старики и голосили дети. Самое ненавистное Вячеслав Игоревичу в мире собралось в одном месте. Семья.

Так уж вышло, что он, выросший в не сильно любящей

семье, где каждый жил сам по себе. Мать, увлекающийся человек, жила своей работой, часто встречалась с друзьями и изредка, по большим праздникам была дома, где обязательно ругалась отцом. Папка, заядлый нахлебник и лентяй, пристрастившийся к азартным играм, дома прибывал лишь номинально, а физически находился в виртуальных казино, где просаживал свои небольшие пособия, полученные после увольнения, а также деньги, полученные от бабушки.

Как вообще они встретились? Почему создали семью, а тем более родили его?

Тогда еще мальчик, Вячик, как звала его бабушка, рос замкнутым и импульсивным ребенком, привязанным лишь к редко здоровой бабушке, рассказывающей дивные истории. От нее он слушал про своего дядю- умного и доброго человека с огромной семьей, про его сказочно красивую дочь, подобной греческой богини, про его невероятный образ обнаруженного сына, про удочеренную девочку- фантазеру, про его жену, невероятной доброты. Одним словом, она рассказывала ему истории про своего горячо любимого сына, живущего где-то в столице. Бабушка описывала ему идеальную жизнь, которой он, ненужный никому ребенок, оказался лишен, потому что родился не там.

А еще бабушка рассказывала ему про Белые вершины, идеальное место, где царит мир и покой, счастье и любовь.

–Что же ты выберешь Вячик? – спрашивала его слабоумная бабушка, в минуты своего просветления.

– Конечно, я хочу найти Белые вершины, в чем вопрос, баба? – отвечал он ей.

– У каждого они свои, мой дорогой. У каждого они свои, дай бог найти их не слишком поздно, – мягко отвечала она, погружаясь в сон.

В общем, благодаря этой истории и рассказам про дядюш-ку-семьянина, Вячик и женился так рано.

В то далекое, сочащиеся зноем лето, Вячик и его друзья-студенты отправились на Черное море работать водителями. Это была не его идея, а его товарища, грезившего странствиями. Море, горы, виноград, танцы – что еще нужно было предложить ребятам, чтобы сподвигнуть на путешествие. И они ехали в какой-то старой, почти развалившейся ладе, где пахло плесенью и грязными носками. Сколько же часов это длилось? словно бы вечность, скрашенную веселыми разговорами и редкими подзвёздными привалами.

После пары недель среди чистого, как хрусталь, горного воздуха, бирюзового и манящего моря, солнца, сладко обжигающего кожу, Вячик встретил Русалку.

Девушку, носящую другое имя, но полностью соответствующая новому. А все благодаря лунному свету, который очертил ее спину, покрытую ручейками черных волос. Она тоже была водителем, только из местных. И она купалась около скал, куда столичные «детки», не совали носа из-за волн и неудобного спуска.

Она купалась в серебряном море, словно пыталась встать

на лунную дорожку и побежать по волнам навстречу вечной свободе. Вячик сидел на невысоком холмике, под странным деревом, похожим на кедр, но имеющим странную форму, откуда было хорошо видно пляж с блестящим песком, напоминающем россыпи брильянтов, вынесенные со дня морского волнами.

И тут она, словно Русалка, пришедшая за своими сокровищами.

Тогда тихоня Вячик, казалось и обрел свою тихую гавань, окруженную Белыми Вершинами. А Русалка, казалась, родственной душой. Она на самом деле оказалось теплой и отзывчивой девушкой, немного своеобразной, но это не смутило уравновешенного Вячика, сделавшего ей предложение после окончания смены.

Но, как показало время, нельзя было увозить Русалку от моря.

Первое время они с ней мирно сосуществовали в крохотной комнатке, где едва хватало мест для кровати и дряхлого платяного шкафа. Но, как к чудилось молодым романтикам, здесь был рай.

Не прошло и года, как у них появился ребенок, малыш, перенявший все самое красивое от матери и практически ничего от своего несколько нескладного щедедушного и высокоценного отца.

Вот тогда все и выяснилось. Русалка превратилась в Фурию, все время плачущую или истерившую по поводу и без,

крошечная комнатка оказалась тюрьмой, а вынужденная и не особо интересная работа не приносила радости и разнообразия в бессмысленный быт.

Вячик, превратился в Вячеслава Игоревича и, по прошествии нескольких лет, понял, что Белые Вершины-вымысел, как и счастливая семейная жизнь. А деньги зарабатывать как-то надо.

Русалка вдали от моря, словно высыхала изнутри, становилась все тоньше и тоньше, теряла ту себя, которую Вячеслав Игоревич встретил на крымском берегу, а малыш, напротив, рос, правящаяся в веселого ребенка, очень похожего на принца из детских сказок, на которого у Вячеслава Игоревича не хватало времени.

Сколько же лет так прошло? Пять, шесть? Сейчас уже и не упомнить было. Осталась только усталость, смешанная с вечной безысходностью и безвыходностью. Русалка молчала, а сынишка, должный шуметь и бедокурить, все сидел под кухонным столом и чем-то шуршал.

Алкоголь ненадолго появился проявился в его жизни, очень быстро исчез, доказав парю, что невозможно сбежать от невеселой реальности.

А потом вдруг, появился Антон Александрович, вытащивший парня из трясины, в которой он почти погиб. Тогда же и был сделан вывод: семья- это не то, что может привести к счастью.

И твое счастье- это главное в жизни, которая у тебя, к сло-

ву, одна.

– Знаете, я не очень хороший человек, это правда. Но я поняла очень много за то время, как ехала сюда. Цель не всегда стоит средств, а мечта не всегда совпадает с целью. И тем более, другие люди, в целом, не плохие, просто всем надо научиться разговаривать и слышать. Все, начиная от рождения, до смерти, от радости, до горя, человек должен испытать с кем-то, только тогда он наконец полностью это почувствует. А так, пустое это дело, идти к мечте, наступая на горло своим любимым. Мечты, цели- это то, что движет человеком, но только человек, может управлять своими мечтами, – сказала Неда на камеру, утирая слезы.

Вячеслав Игоревич, погружившийся в свои мысли, услышав последнюю фразу женщины, от которой он хотел получить лишь сопливую историю картонной любви, неожиданно для себя разозлился.

– Дамочка, вы что тут зрителям проповеди читаете, мы не церковная школа, а телеканал. Мы в прямом эфире, а вы что устроили! – кричал на Неду журналист.

– Сказала то, что думала. Вы же это просили. Не кричите на меня из-за собственной не сложившейся жизни. Я просто поняла, что для меня важно. И сейчас, возможно, это моя последняя возможность... – женщина отвернулась от Владислава Игоревича и отошла в толпу, где ей на смену тут же вытолкнули чью-то мать.

– Знаете, я специально пришла сюда, чтобы сказать о сво-

ей огромной радости. Спасибо Господу, за чудо. Мой сын, он очень хороший мальчик, талантливый, способный. Сегодня он должен был работать в этом злополучном зале, и кто знает. Что бы там произошло... Господи мой боже... Но совершенно случайно, с ним поменялся другой мальчик, кажется сирота. Он его спас, сам не зная, что спасёте его. Я хочу назвать его имя, для его возможных родственников. Спасибо вашему сыночку. Его зовут Вячеслав Финист. Спасибо ему.

Женщина закончила говорить, закрыла лицо руками и, пряча слезы. Народ снова принял ее в свои ряды, засосал, как водоворот, и ее уже нет. Исчезла, слилась с теми, кто тоже хочет сказать что-то важное для своих любимых.

Вячеслав Игоревич замер, его словно молнией ударило. Волна тревоги, быстро превращающаяся в цунами паники, накрыла его с головой, поднимая над головой лишь обрывки теплых воспоминаний и чувство вины, напомнившее о себе после стольких лет. Вячеслав Вячеславович Финист- полное имя его сына, которого он видел в последний раз лет двенадцать назад.

–Свет, пробей мне этого парнишку, – слегка подрагивающим голосом, сквозь который проглядывала надежда, произнес Владислав Игоревич.

Глава 9

За одну минуту и пятнадцать минут до...

Геша все никак не мог собрать в своей голове план целиком. Откуда вообще появились те слова, сказанные Жене?

Парень, которому шел девятнадцатый год, не особо понимал в чем заключается его существование, где его место и как ему действовать, пока не попал в Генину компанию. Где парню вручили бесценный дар- смысл существования. Он начал существовать во имя справедливости, равенства, правосудия... И заигрался, превратился в движимый идеей объект без чувств, сожаления и эмоций. И тут вдруг сестренка, которая всегда была слишком доброй и чересчур отзывчивой, но при этом ни при каких обстоятельствах не отступала от своего принципа- созидай, а не оставайся в стороне. Обычно эти слова повторял папа, должно быть от него девочка их и переняла. А вот Геша, в отличии от всегда чем-то занятой сестры, кажется парил в невесомости, что тогда, что сейчас.

Даже Гена, однажды выслушавший приятеля, заключил что у чувака не нашел место в мире для себя. А может быть это место у него было, но романтичный юноша его добровольно оставил, потому что счел слишком неинтересным?

Бросил сестру, ради которой надо было бы работать, стараться, прикладывать усилие, но главное- стать обывателем. Среднестатистическим серым человеком, не способным ни на что великое, так и канувший в пучину неизвестности. Но совсем же другое дело – борец за справедливость! Это то, что точно запомнится.

Геша улыбнулся себе под нос, помогая Наде подниматься на сцену.

– У меня осталось слишком мало времени ради того, чтобы что-то сделать, но я сделаю. А вы, когда я подам знак, уходите, вы должны успеть. Сразу же под лестницей налево, там есть заминированный участок, поэтому не касайтесь двери, просто аккуратно проскальзывайте в небольшую щелку. А теперь заговаривайте Генку, который главный. Уже никто особо не следит за залом, потому что осталось слишком мало времени для прорыва, да и для каких-то действий. Постарайтесь удержать на себе их взгляды минут на десять, хотя бы, а если все же не удастся, то я помогу.

Надя решила отвлечь их внимание тем, что она умеет лучше всего. Сейчас она станцует, так как хочется ей, то что хочет она и для кого она хочет. Она станцует для Петруни, который так и не побывал на ее выпускном выступлении. А террористы- это конечно проблема, но в масштабе необъятной земли, где кажутся в секунду умирают десятки человек. И какая-то зарвавшаяся танцовщица вроде нее, никак не изменит положение вещей.

Надя крепко сжала кулаки и шагнула на театральную сцену, превращенную в место привала бесчеловечных людей, устроивших себе здесь кухню, гостиную и спальню.

Пара мужчин, находящихся в глубине сцены, действительно спали, положив головы на рюкзаки. Девушки, снявшие маски, сидели кружком около прожектора и как-то заторможено, вероятно от страха, ели, принесенную с собой еду. Молодые ребята, отложившие автоматы, играли в карты, поглядывая на часы чуть ли не после каждого хода. Кто-то сидел в креслах на первых рядах, кто-то стоял по бокам сцене и с любопытством смотрел на Гешу, жестом указывающего Нади подойти к главарю, сидевшему в луче света принесенного прожектора.

– Добрый вечер. Я пришла сюда, чтобы попросить вас об одолжении, так сказать, как товарища, по несчастью. Я тоже пострадавшая, такая же, как и вы. У меня из-за препаратов «Человечности» серьезно пострадал брат. Хоть он и молод, но уже инвалид... Но я не про него. Я, естественно, понимаю, что мы все здесь умрем, вероятно очень и очень скоро. И все это... как бы... не естественно и неправильно... да... но разрешите мне станцевать. Я балерина. Я хочу подарить людям, здесь присутствующим, хоть что-то хорошее, единственное что могу. Если бы могла и жизнь бы подарила, но это не в моей власти.

Гена ошалел от такой просьбы и не сказав Нади ни слова сразу же обратился к Геше;

– Брат, это что ты мне сюда за поехавшею привел? Какого фи́га ты вообще ее сюда притащил? Милосердие что ли заиграло? Я ж сказал – ботинком в зубы и разговор окончен. Я что –то не понятное сказал?

– Ген, подумай. Хорошо подумай. Сколько нам всем осталось? Десять минут, пятнадцать? И что кроме насилия ты в конце своей жизни увидишь? Хоть на танец посмотришь. Тем более ты говорил что-то о солидарности? Разве нет. Последний разок, давай позволим...

Гена хотел было возразить, но к нему со спины подошла черноволосая девушка и что-то прошептала на ухо, отчего главарь на мгновение подобрел и кивнул Наде:

– Валяй, поехавшая.

– Парни, у нас тут намечается выступление, айда всем на первый ряд. Боковые на местах, – весело произнес Гена, усаживаясь на первый ряд.

Надя вышла на центр сцены, усыпанной кусочками грязи, мелкими битыми стеклами, штукатуркой, камушками и прочим мусором, принесённым террористами.

Девушка одним движением закрутила на голове волосы, сняла неудобные туфли на каблучке и, за неимением альтернативы осталась босой. За туфлями последовало обтягивающее платье, и Надя осталась в одной черной комбинации, едва достигающей до середины бедра.

Балерина не чувствовала страха, смущения или монтажа, кажется все, что было перед ней растворилось, обратилось

в туман, а на место ему пришли стены давнего детского убежище, где она частенько практиковалась.

В лицо пахнуло деревом, прогретым солнцем до красноты, высохшей осокой и пылью, плавающей в воздухе. По коже побежали мурашки, волосы приятно взъерошил ветер, залетевший через открытое окно-иллюминатор, бывшее когда-то дверью стиральной машинки.

Надя мягко, словно кошка поставила голые ступни на пол и, повинувшись музыке, крутящейся у себя в голове, начала.

Жизель. Мама привела ее на этот балет, еще кода они жили в Новосибирске, когда еще не было Бори, а мужчины у матери не менялись со скоростью света. Маленькая Надя тогда влюбилась в приму-балерину, исполняющую ведущую партию. Девочка влюбилась в Жизель, даже после смерти борюшуюся за любимого. А что об дуэте Мирты и Жизель, который был словно отражение действия одной другой и наоборот. Наверное, в тот день и сформировалась ее мечта- стать Жизелью, хоть ненадолго.

И вот сейчас, практически одетая в саван, девушка заправду воскресла. Подняла из-под земли ту себя, глаза которой горели, а сердце было переполнено надеждами. Надежда восстала и, коротко поклонившись залу, наконец искренне улыбнулась.

Покачиваясь, как молодая камышинка, балерина взмыла ввысь, оставив все земное где-то далеко-далеко. Туда отправилась боль, страх, разочарование, горе.

Черным мотыльком девушка медленно двигалась в свете прожекторов, надеясь то ли вылететь из зала то ли сломать крылья. И вот мотылёк превращается в грациозную ласточку, рассекающей воздух на сцену, подобно только что пущенной стреле. Ласточка на секунду присевшая в полупоклоне обращается журавлихой, зовущей своего принце, погибающего под натиском призраков-винеи. Журавлиха, практически вылетевшая со сцены, ударившись об пол, стает тонконогой ланью, исполняющей еще более сложные движения, от которых захватывает дух. Она прыгает вглубь сцены и, едва коснувшись земли, пумой вновь бросается в бой с невидимым противником, который кружится с ней в смертельной пляски, настолько быстро, что только кусочки стекла летели у них из-под ног.

Наконец пума, практически обессилевшая, как казалось зрителям, в воздухе обрстая плотью трансформируется в вороную кобылицу, из последних сил встающей на дыбы, взмывающей в верх, как на крыльях. И в итоге упавшей на сцену черным ангелом с черными крыльями, который из последних сил, зиждущихся исключительно на силе воли, взмахивает руками, красиво и необычайно грустно раскрывает крылья за спиной, застывая в последней, окончательной позе. Миг.

Надя, еще не открывшая глаза, чувствует, как крылья осыпаются на сцену бисеринками восторга и безнадёжности.

Танец ее, похожий одновременно и на битву, и на при-

знание в любви приковал к себе взгляды всех, начиная от горюющих на дальних рядах женщин и заканчивая развалившимися прямо перед сценой преступников. И привлекло их не мастерство, отточенное до невообразимой остроты, как у японских мечей, не техника, усвоенная Надей еще в подростковом возрасте. А душа исполнительницы, преобразовывающаяся в невероятные образы под действием искрящихся, чистых, настоящих эмоций, которые, словно кокон, окружили девушку, изрезавшую ноги в кровь.

Надежда широко улыбнулась, наконец поняв, что только что совершила невозможное, нереальное – станцевала лучше, чем известные ей примы, отчего в эту минуту мир, стереть ее с лица земли через несколько минут, не показался девушке таким уж враждебным, черным и бессмысленным. Ведь теперь, даже на пару минут, даже на секунду, она была самой собой, той которой всегда была, но хорошо это скрывала.

Девушка в легкой эйфории подошла к краю сцену, желая на несколько секунд продлить ощущение праздника и насладится светом, направленным исключительно не нее.

Но в итоге светлое чувства смазал звук, подобный хлопку, раздавшийся слева от сцены. А за этим звуком лавиной послышалось шуршание и треск стены, в которой был спасительный выход.

Перекрытия окончательно рухнули, потащив за собой куски стены, сохраняющие еще надежду на спасение.

Бежать было некуда.

«Достойный конец.»— подумала Надя, крепко закрывшая глаза.

За одну минуту и семь минут до...

Она исполняла Жизель, каким-то невероятным, почти волшебным образом. Слава так и замер, охваченный одновременно и восторгом, и паникой, связанной с тем, что он не успеет увидеть танец целиком.

Володя же, не проявляющий сентиментальности, тихонько направлял людей к выходу, на который указал Геша, сменивший левого бокового надсмотрщика, таким образом прикрывая сбегающих.

Когда оставалось буквально пара человек, Володя, уже отправившей Женю одной и самой первых, хватился Славы. Юноша так и стоял на старом месте и, не отрываясь смотрел Надю, почти что заживо сгорающую на сцене от частоты действий.

—Слав, идем. Она за нами подтянется, дай ей только минуту, Геша ее прикроет.

Слава все еще молчал, не моргая смотря на черного мотылька, обжигающего свои крылья об огонь сцены.

— Мы вместе пойдем Вов, я подожду. Ты иди. Проверь там, как с твоей Женькой, да что.

Владимир мялся, потому что парень явно был не в себе.

Мужчину пугал немое безумные глаза Славы, прикованные к Наде, словно демон в него вселился, не желающий дать возможность спастись парня из смертельной ловушки.

– Слав, ты должен идти. Мало ли что.

– Если что, я все равно останусь здесь. Иди. Не жди меня.

Я прикрою.

Парень пошел за встревоженным Володей, пропустившим вперёд двух женщин и наконец шагнувшим к выходу лично.

– Прощай Доктор, когда-нибудь было бы здорово снова встретиться, ты классный мужик, – произнес Слава

Володя коротко обнял молодого дурачка, добровольно обрекающего себя на гибель. А в общем... Если бы это была Неда, которую, несомненно Володя еще любил, смог бы мужчина ее оставить? Бросить непонятно на сколько, непонятно с кем... Нет. Он бы тоже остался.

– Держись парень, – сказал на прощание мужчина и как-то неудачно шагнул к двери, наступив на кусок лепнины, издавшей противнейший звук.

Несколько сидящих в крайнем ряду захватчиков, уловивших шум, повернули головы и, заметив, что некогда почти полный зал страшно опустел, рванулись к тайной, как им казалось двери.

Слава, понимающий, что сейчас Володя, идущей последним скорее всего не успеет уйти, если трое ребят в черном добегут, шагнул внутрь и что был сил рванул на себя дверь, активирующую растяжку.

Парень отпрыгнул как можно было дальше, и его каким-то чудом не задело. Стена, в которой и была установленная ловушка, начала складываться, как строение из домино, увлекая за собой все большие и большее. Так следом за левой стеной последовал потолок и, о чудо, замер в наклонном положении.

Преступники, сначала рванувшие к выходу, уже во всю улепетывали обратно. Зрители шумно сдвинулись вправо, забыв об исполнительнице, которая так и стояла на сцене, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

Слава остановился и, подойдя ближе к сцене захлопал. Сначала редко, а потом все сильнее и сильнее, желая показать свой восторг выступлением.

И пускай все сгорит к чертям, хоть земля хлопнуться и снова вырастит, он, не важно кто он и как его зовут, никогда не оставит эту девушку.

Цветы? Он же обещал, что принесет ей огромный букет. Когда? Но когда-то это точно было. Вроде, даже недавно или давно? Парню снов повезло, потому что в первом ряду, среди оставленных вещей действительно лежал букет белых цветов. Кажется, лилий или чего-то похожего.

Слава посмотрел на нападающих, неожиданно притихших и вжавшихся в стену, от осознания своей скорой смерти. Перевел взгляд на Гешу, стоящему в нему спиной и что-то громко говорящему своим друзьям.

У него осталось три минуты. И страха, паники тоже, слов-

но Слава уже проходил через это. Через смерть.

Цветы. Надо взять цветы.

– Я же обещал, что подарю тебе букет размером с голову. Извини, он немного грязный, да и цветы, на мой вкус, немного скучные. Но это для тебя, – протянул юноша букет Наде, которая от звука его голоса вздрогнула.

Она молчала, он молчал.

–Нельзя уйти, -указала на обрушившуюся стену

–Нельзя, -покачал головой

–Сколько осталось, – безмолвно спросили ее глаза.

–Мало, – Слава сдвинул брови.

–Тебе понравилось, -опустила голову набок.

–Очень, -улыбка осветила лицо.

–Я скучала, – слеза покатила по щеке.

– Я тоже, – крепко взял за руку.

– Можно тебя обнять, – вытянула руки.

–Еще спрашиваешь, -крепко прижал к себе.

– Все, – прошептала Надя, еще крепче сжимая объятия.

Пламя проснулось и оголодавшее после долгих ограничений бешено облизывали стены, пол потолок, заглатывало целиком стулья, людей, брошенные вещи.

Воздух наполнился пылью, увеличивающейся в объёмах, клубящемся и, в итоге, смешавшийся с пламенем. Сработали заряды, заложенные борцами за справедливость.

И помещение, некогда называющиеся театром, превратилось в пепелище, лишь чудом не лишившее опор все здание.

История о вечной ленте

Надя проснулась от холода. Ноги, торчащие из-под одеяла, заледенели, поэтому пришлось спрятать их под куцей плед в желтую клеточку. Девушка, нехотя открыла глаза и в итоге встала, оглядывая помещение, где оказалась.

Больница? Но почему так пусто, и как-то неестественно холодно, как будто зима наступила неожиданно, а отопление так и не включили.

– Надя, – раздался крик сзади.

Послышались шаркающие шаги, словно бы человек волочил ногу за собой. И он действительно ее волочил, потому что это был протез. Где же она его видела? Где-то же видела? Видела. И даже хорошо знала, что кроме ноги у него нет еще и левой руки. Почему? Откуда?

Широкоплечий парень неопределенного возраста сгреб оторопевшую девушку в объятия, а после широко и ослепительно улыбнулся.

– Надюха. Я думал уж и не догоню тебя. Так бы и снова потерялись. Хотя, наверно было бы не плохо встретиться где-нибудь не здесь, а в нормальном месте. Скажем, в приюте для собак. Я так и не узнал, ты забрала того кота? Как его назвала? Все время было интересно, а спросить, как сама понимаешь, не вышло, – неловко взъерошив отросшие волосы спросил парень.

Надя замолчала, осматривая юношу с ног до головы. Почему-то в голове крутилось имя «Слава», но внутренний голос говорил, что это не верно. Этот парень имел какое-то теплое, большое и надежное имя, которое все крутилось на языке...

–Петруня, – произнесла наконец девушка, плотнее кутаясь в плед.

–Серьезно? Да мы с ним тезки... Надюха, я тебе, наверное, пожить спокойно не дал? Лучше б ты все забыла и не мучилась, семью бы там, детей завела. И иногда бы вспоминала, на поминках... А тут вон что. Извини. Я-то все рвался, рвался, а у тебя то жизнь пропадала. Да и парнишки этого, которого случайно из тела вытолкнул, тоже. Сколько проблем, а все из-за эгоизма. Нельзя так жить наверно, думая, что встреча, после расставания, нужна только тебе, только ты страдаешь. Да. Урод я еще тот.

Надя мало что поняла из его слов, но отчего-то образ «Славы» наловился у нее в голове на этого парня, и картина предстала целиком.

А Петя тем временем медленно сел на кушетку и, теребя в руках отвратительную фиолетовую бабочку, о чем-то задумался.

–Петь, а почему ты здесь? А где Слава... Или ..., – девушка села рядом, внимательно посмотрела в глаза замолчавшему.

– Считай, что я два в одном. Так случайно вышло. Он, ну

то есть Слава, тогда, давно, еще до моего вмешательства в жизнь, почти погиб. Так бывает душами, которые не окружены хоть какой-то любовью или у них нет какой-нибудь цели или причины для существования.

Ну я и поселился к нему, когда сбежал. Ну и в итоге он – это частично я, я в небольшой степени – он. Но я, как видишь, сегодня, немного взял верх над ним.

– Души? Подселился? Но ты ж шутишь да? Это мне должно быть сниться? А я в больнице, где мне сейчас помогают? Это ж больница? – Надя забеспокоилась.

– Знаешь, я думаю, что не мне хоть что-то рассказывать. Пойдем тогда ближе к кабинету.

Петя крепко взял девушку за руку и медленно, но уверенно повел по коридору, где, свернув налево и открыв дверь, продемонстрировал Наде небольшой приемный покой.

Помещение было красивым и теплым, окна украшали разноцветные витражи с кольцевыми вставками, вдоль белоснежных, словно ненастоящих, стен стояли несколько таких же идеальных кушеточек, на одной из которой сидел светловолосый мальчик и листал огромную книгу. Симпатичный ребенок болтал ногами и что-то напевал себе под нос, а заметив пришельцев улыбнулся и тут же встал.

– Здравствуй, я же говорил, что мы еще встретимся, правда, не так скоро. – приветливо поздоровался с Петей мальчик.

– Здорово и спасибо. Это же ты меня прикрыл в прошлый

раз? Что-то мне подсказывает, что так делать нельзя. Вот, я говорил тебе про нее, я ее нашел. – улыбнулся Петя и крепко пожал руку мальчику.

– А как вас зовут? Меня вот Гелька, – протянул стушевавшейся девушке мальчик.

Надя, чувствуя себя здесь не в своей тарелки, поприветствовала ребенка.

–А что это за место? Откуда здесь такие волшебные стекла? Да что здесь происходит, – нервно спросила девушка.

Гелька закрыл книга, слез с кушетки и протянул руку Наде
– Это одна из моих любимых историй, которую уже давно не доводилось рассказывать.

–Какие истории, можно уже...

– Пойдем послушаем, этот малый не отвечает на вопросы прямо. –Петя тоже пошёл за мальчиком к витражному окну.

– Как вы правильно заметили, я не отвечаю на вопросы, потому что ответы запоминаются и при нашей следующей встречи будет сложно. Я рассказываю истории. Они, на самом деле таят за собой больше чем вам кажется. Потому что они могут произойти тысячу раз с разными людьми, в разное время, при разных обстоятельствах, но суть останется той же. Не всякий выудит эту суть, потому сказки- это ответы на все вопросы. А это ответ на твой вопрос, Надя.

«В далеком городе, в небольшом, но уютном доме жил одинокий ученый, погруженный в астрономию так глубоко, что простая человеческая жизнь была ему не видна. Август

обожал небо, усыпанное крапинками белых клякс, складывающихся в строгий и по-своему великолепный узор, таящий за собой что-то невероятное, что ученый так хотел открыть.

Шли годы, знания его крепили, мысли превращались с слова, а слова складывались в научные труды, но ничего не могло приблизить его к разгадке вселенной, которая казалась, становилось все ближе и ближе.

Ученого уважали коллеги, любили дети и жена, но казалось, что чего-то ему не достает. Он все больше и больше засиживался за рабочим столом или в своей импровизированной обсерватории, разглядывая звездное небо.

Так сидел он и сидел, тратя все свое время на бескрайнее небо и непонятные белые шары, рассыпанные по нему.

А в это время умер его младший сын, утонул в местном пруду. И его жизнь, детская и ничем не запятнанная прошла незаметно для мира. Только семейство плакала над его могилкой. А погруженный в себя отец, вдруг задумался, что кроме неба есть еще что-то в этом мире. Жизнь. Жизнь и небо, которые связаны.

Той ночью, сын навестил отца во сне и раскрыл наконец тайну, которую скрывает небо.

А утром отец повторил за сыном открытие. Заключалось все в очень простом предмете- в странной ленте, имеющей одну поверхность. Земля с содержащимися на ней жизнью была одной половинкой странного кольца, а звезды, воз-

вращавшие на нее души почивших- вторую. И это бесконечное, по-особенному сложенное кольцо, как бы двигалось в разных направлениях. Живые в одну сторону- бесплотные в другую- а линия, разделяющая их и была линия горизонта, на этом кольце трансформировавшаяся в точку.

В общем, этот ученый Август, открытый единственную известную двухповерхностную фигуру, лишь удостоверился в своей теории, когда попал сюда. И вы тоже, как понимаете, двигаетесь по этому кольцу, и такое движение нельзя остановить.»

За одну минуту и две минуты до...

Раздался взрыв, который едва не похоронил под собой Володю, повезло выбраться из помещения в последний момент. Мужчину почти сразу же куда-то потащили и уже через несколько мгновений Володя сидел в импровизированном разбитом неподалеку от театра пункте первой помощи. Вокруг суетились люди, слышались разговоры, смех, плач, крики. Какая-то другая, обычная жизнь кипела вокруг, словно ничего не произошло. Будто бы никого не застрелили, не погубили, и никто ничего не слышал. Ничего, как будто бы, не произошло.

Володя, слегка ударившейся головой, когда выходил, встал. Надо было найти женю, проверить как она, ведь он обещал о ней позаботиться.

– Женя, Женя, – закашлявшись произнес мужчина.

Но его голос смешался с другими, но в конечном счете достиг того, кого нужно. Женя, смотрящая на подорвавшийся спасительный вход, плакала. Теперь ее брат, так внезапно появившийся после долгого отсутствия, точно исчезнет, а дядя Вова, по доброму отнесшейся к ней тоже не спасется. И где же хоть немного справедливости? Чуть-чуть. Чтобы добро побеждало, а все хорошие и добрые люди непременно выходили целыми из передраг.

– Девочка, это там не твой отец надрывается, – спросила заплаканную Женю проходящая мимо медсестра.

И да, дядя Вова оказался цел и даже не бросил ее. Женя, присевшая к нему на кровать, вновь расплакалась, но уже от более светлых чувств.

– Ну все. Не плач. Я же обещал твоему брату, что все у тебя будет хорошо. Ничего не бойся. Он тебя спас, а сейчас моя очередь. Не плачь, – успокаивал ее перепачканный палью мужчина, неумело хлопая девочку по спине.

Так и застала их Неда, вошедшая в палату, чтобы найти мужа. А он вон- жив, сидит и девочке какой-то слезы вытирает. Ну точно отец семейства.

– Папа, нашел –таки свою Женю, – произнесла женщина, улыбаясь мужу.

Володя улыбнулся в ответ. Все ненависть куда-то улетучилась, как ее и не бывало. Просто- Недочка вернулась домой после очень долго отсутствия. Жизнь наладиться, поте-

чет по-обычному, но по-своему прекрасному руслу.

– Пойдем домой? - взволнованно спросила Неда.

– Пойдем, правда же Женечка? – спросил Володя плачущую девочку.

– Отличненько... Только ... дайте мне еще минуту. Схожу позову вам врача, чтобы девочку осмотрели, а и тебе бы не помешало, – серьезно сказала Неда, выходя из помещения.

На улице творился беспредел, люди, машины, военные, врачи, неслись в разных направлениях, а между ними успевали пролезать журналисты что-то вынюхивающие.

Навстречу женщине попал Вячеслав Игоревич, выглядывающий кого-то в толпе. И в этот самый момент, когда Неда пересеклась с журналистом, Свечка зажглась, осветив площадь кроваво-красным взрывом. Жар растёкся по асфальту липким месивом, поднявшим в воздух тучи пыли, смешанной с крупными частичками пепла.

Вспышки друг за дружкой подсвечивали здания, превращая его в импровизированную новогоднюю елку, вместо снега покрытой кусочками стекла.

Милиция и спецслужбы отреагировали быстрее всех, начали оттаскивать людей от зоны поражения дальше и дальше. А вот Вячеслав Игоревичи напротив замер, если бы не Неда, силком вытащившая мужчину с площади, он там и остался бы на месте, не думая о последствиях.

Свечка горела, словно факел, освещающий путь, заблудившийся путникам, которые бы слетались на губительный

свет. Здание стояло, но в любой момент могло обрушиться, поэтому началась эвакуация ближайших высоток, в которых, в столь поздний час, естественно практически не было.

Неда с Вячеславом Игоревичем смотрели на пожарище с разными чувствами, но одинаково печальным выражением лица.

–Ваш муж, я слышал, счастливо спасся. Рад за вас- произнес мужчина металлическим, как у робота голосом.

–Да, спасибо. А я как рада. А вы что-то не очень выглядите, хотя все мы тут не очень.

К ним бежала какая-то девушка, несущая бумагу. Она запыхалась и, когда наконец отдышалась, протянула лист Владиславу Игоревичу, изменившемуся в лице еще сильнее.

–Нашла, что вы просили. Про парня того. Зовут Вячеслав Вячеславович Финист, несколько лет пять лет назад переехал из Крыма. Девятнадцать лет. Студент театрального вуза, но пока что в академическом отпуске. Из семьи – только мать, которая повторно вышла замуж. Про отца ничего не нашла. Надо еще какую-нибудь информацию? -поинтересовалась подчинённая.

С небольшой фотографии, прикрепленной к личному делу на Владислава Игоревича, смотрел мальчик с глазами и улыбкой Русалки. Мальчик, которого мужчина бросил, потому что счел свое будущее более важным. И что теперь с этим парнишкой?

–Он есть среди спасшихся, Света? – с дрожью в голоса

спросил мужчину.

– Думаю, что нет. Я проглядывала сводки, – ответила Света, ожидая нового поручения.

Вячеслав Игоревич улыбнулся, понимая, как же мало он сделал для ребенка, в воспитании которого практически не участвовал ведь у него было такое сильное имя, сулящее парнишке блестящее будущее. Верно, кроме имени мальчику надо было дать еще что-то. Значит, пришло время, и ему рискнуть, хоть чем-то, чтобы доказать, что сын Русалки погиб не зря.

– Свет, помнишь бумаги по «Человечности»? Там еще чеки с именами фигурировали? – ледяным голос поинтересовался руководитель.

– Да, но, вы же знаете, что будет, если мы... ну что-то делаем с ними

– Знаю, поднимай их и на моей имя заводи проект. Будем делать.

Девушка испуганно кивнула и ушла, недоумевающая какая муха укусила ее осторожного босса.

– Недара, я с вами прощаюсь. Вы все правильно сказали, я с вами теперь солидарен. Желаю всего самого хорошего. – попрощался с женщиной журналист, собирающийся вернуться к своему месту работы.

– И вам. Но постойте, вы... Вам плохо?

– Я думаю, что чувствовать – это не плохо. Это нормально, особенно если погибли люди.

Мужчина ушел. А Неда, так и не понявшую его резкую перемену, проводила черную фигуру, окутанную лилово-красным заревом, и побежала к врачу.

Эпилог

За одну минуту до...

– Мальчик, ты хочешь сказать, что мы умерли? – упавшим голосом спросила Надя.

– Я ничего не скажу, только одно- жизнь вообще относительное понятие, так что не о чем переживать.

– Ну да, я помню, твои слова про то, что для кого-то целая жизнь, для нас одна минута. -поддакнул Петя.

Надя хотела было заплакать, но не смогла. Зачем, если она никого и ничего не помнит. Слезы ради слез- это глупо. А что же собственно осталось в памяти? В памяти сохранилась сказка про волшебные цветы, еще какая-то история про лошадей. И где-о на задворках памяти Петя, которого она, должно быть любила, настолько сильно, что в память что-то сохранилось.

– Я что за истории я помню, Гель? Почему кроме их ничего нет

– Все, что для тебя важно осталось в таком виде. Все, что для тебя будет важно тоже осталось. Знаешь, у большинства истории повторяются из раза в раз, поэтому они у меня уже есть, а у кого-то, при определенных обстоятельствах, сохраняются и истории и каике-то воспоминания. Я очень ценю

такие случаи. У вас такой, например. Но сказки у вас старые, а жаль. Я бы их записал.

Надя опять погрузилась и крепко сжала руку Пети, кажущегося абсолютно спокойных и даже беззаботным.

– Да ты не переживай. Сейчас вы к маме моей заглянете, а там и покой, мир жизнь. Она хорошая, вам у нее понравиться. Не капайся в себе, просто идите, вон туда, уже можно. – успокоил девушку мальчик.

Петя, будто только ждавший этого сигнала, потянул девушку.

– Пойдем Надюха, кем бы ты хотела родиться? Мне все равно, мне бы где-нибудь рядом, местечко- и я счастлив.

У самой двери, ребят окликнул Гелька.

– Прости, я ведь забыл. Твой танец, очень понравился маме, она просила тебе передать цветы. Держи, – мальчик протянул Наде букет разноцветных кудрявых цветов, среди которого кое-где висели радужные шарики.

– Танец? Но в общем, спасибо. Я польщена, – девушка обняла цветы и вновь посмотрела на дверь.

– Петь, это же всего на минуту? – спросила девушка, крепко обнимая парня.

– Всего на минуту, – улыбнулся Петя, увлекая любимую за собой.